

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Колесник Мария Александровна

**КОНСТРУИРОВАНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ**

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

Научный руководитель
доктор философских наук, профессор
Наталья Петровна Копцева

Красноярск – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1 Исследование механизмов конструирования культурной идентичности.....	17
1.1 Современные концепции культурной идентичности.....	18
1.2 Русская культурная идентичность как предмет культурологических исследований.....	37
1.3 Методологические возможности социологии воображения для анализа механизмов конструирования культурной идентичности.....	44
2 Конструирование русской культурной идентичности.....	80
2.1 Русская культурная идентичность в теории и художественной практике рубежа XIX–XX веков.....	81
2.2 Визуализация русской культурной идентичности в произведениях Ивана Яковлевича Билибина.....	87
2.3 Прикладное культурологическое исследование по методике «Серия тематических ассоциаций» А. И. Назарова и Р. В. Соколова со словом – стимулом «русское».....	104
Заключение.....	131
Список использованной литературы.....	136
Приложение А.1.....	167
Приложение А.2.....	168

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Актуальность исследования концептуальных и методологических аспектов конструирования русской культурной идентичности обусловлена рядом факторов.

Во-первых, в современной отечественной науке ученые активно обсуждают проблемы, связанные с кризисом русской культурной и национальной идентичностей, о чем свидетельствуют многочисленные исследования, посвященные данной проблематике. Концентрируя свое внимание в большей степени на анализе национальной идентичности в Российской Федерации, обсуждая средства и роль политических ресурсов в формировании общенациональной идентичности, ученые часто оставляют практически без внимания русскую культуру в разнообразных ее проявлениях, в частности сферу народного и профессионального художественного творчества как основу для конструирования общей для всех жителей страны идентичности. Кроме того, во многих исследованиях фиксируется наличие кризиса русской идентичности, выделяются проблемы, характерные для современного российского общества, но не предлагается конкретных ходов, которые бы определили путь развития российского общества, преодоления кризиса самоидентификации жителей страны.

Во-вторых, немаловажным фактором, определяющим актуальность темы диссертационного исследования, является то, что русская культура на современном этапе формируется в условиях пересмотра ее места в контексте мировой культуры. Это обусловлено пережитым в конце XX в. кризисным этапом в истории страны, инициировавшим поиск новых вариантов конструирования русской культурной и национальной идентичностей. Еще одним важным фактором является комплекс проблем, связанных с процессом

глобализации и его влиянием на национально-культурную идентичность, который широко обсуждается в научных кругах не только России. Процесс глобализации обуславливает наличие кризиса культурной идентичности во многих обществах. Кроме того, глобализация влияет на ценностные ориентиры человека, которые он усваивает вместе со своей особенной национальной или этнической культурой. Данный процесс, по мнению исследователей, грозит потерей уникальности культуры, утратой ее самобытности, которая проявляется на самых разных уровнях: в языке, в способе мышления человека, в обычаях и в укладе жизни общества.

Степень научной разработанности темы исследования

Проблемы конструирования культурной идентичности рассматриваются с точки зрения нескольких подходов: примордиализма, перенниализма, этносимволизма, модернизма и постмодернизма.

Примордиалистский подход представлен в работах В. Дильтея, Г. В. Ф. Гегеля, И. Г. Гердера, К. Гирца, Ф. Г. Шеллинга,¹ которые рассматривали национальную идентичность как данную человеку от природы, национальность конструируется на основании общих этнических и культурных принципов вне зависимости от наличия государственного строя; в трудах этих ученых вводятся понятия «национальный дух», «национальный характер», «душа нации», что указывает на внимание к специфике не столько внешних признаков, отличающих одну общность людей от другой, сколько ее культурным отличиям, связанным с духовной деятельностью.

С точки зрения ученых, придерживающихся взглядов перенниализма, Дж. Армстронга, Д. Горовитца, Х. Кона, У. Коннора, Дж. Фишмана, А. Хастингса², становление национальной идентичности происходит в тесной

¹ Дильтей, В. Собрание сочинений в 6 т. Введение в науки о духе. М., 2000. 1 т. 763 с.; Дильтей, В. Собрание сочинений в 6 т. Построение исторического мира в науках о духе. М., 2004. 3 т. 420 с.; Гегель, Г. В. Ф. Философия истории. СПб., 1993. 474 с.; Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. 703 с.; Гирц, К. Интерпретация культур. М., 2004. 560 с.; Шеллинг, Ф. В. Й. Сочинения в 2 т. М., 1989. 2 т. 636 с.

² Armstrong, J. Nations before Nationalism. Chapel Hill, 1982. 411 p.; Горовитц, Д. Л. Структура и стратегия этнического конфликта // Власть. 2007. № 2. С. 29–38.; Горовитц, Д. Л. Теория межэтнического конфликта // Этнос и политика: хрестоматия. М., 2000. 229 с.; Kohn, H. The idea of nationalism: A study in its origins and background. N. Y., 1967. 735 p.; Connor, W. Ethnonationalism: The quest for understanding. Princeton, 1994. 234 p.; Фишман, Дж. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком

связи с языком и мифологическими представлениями о происхождении нации или этноса. Названные авторы уделили большое внимание изучению влияния символов, мифов, языка и психологических процессов на становление культурной идентичности, выделили различия между западным и восточным типами национальных обществ.

Подход этносимволистов к вопросу о конструировании культурной идентичности представлен в трудах Э. Смита, Дж. Хатчинсона³. Они считают, что в структуре любой национальной идентичности присутствуют как гражданский, так и этнический элементы: культурная идентичность есть результат ощущения преемственности истории и общей памяти народа, которые имеют свое воплощение в мифах и символах; также они определяли художников и представителей интеллектуальных кругов общества в качестве строителей культурной или национальной идентичностей.

Модернисты Б. Андерсен, П. Брасс, Дж. Бройи, Э. Геллнер, Э. Гидденс, Т. Нейрн, М. Хечтер, Э. Хобсбаум, М. Хрох⁴ выделяют несколько главных факторов в формировании национальной и культурной идентичностей, а именно, экономику, политику и социокультурную сферу, придерживаются точки зрения, что появление культурной / национальной идентичности является результатом рациональной деятельности.

Постмодернисты П. Альтер, Х. Бхабха, А. Макклиток, У. Г. МакНейл, С. Шульман⁵ критиковали европоцентрические концепции национальной

и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос. 2005. № 4 (49). С. 132–140.; Fishman, J. Social theory and ethnography: neglected perspectives on language and ethnicity in Eastern Europe // Ethnic diversity and conflict in Eastern Europe. 1980. P. 69–99; Hastings, A. The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and nationalism. Cambridge, 1997. 235 p.

³ Смит, Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. 364 с.; Hutchinson, J. The dynamics of cultural nationalism. Australia, 2012. 352 p.

⁴ Андерсен, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. 288 с.; Бройи, Дж. Подходы к исследованию национализма. М., 2002. 416 с.; Геллнер, Э. Нации и национализм. М., 1991. 320 с.; Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М., 2003. 528 с.; Нейрн, Т. От гражданского общества к гражданскому национализму: Эволюции мифа // Философско-литературный журнал Логос. 2007. № 1(58). С. 14–33.; Хечтер, М. Внутренний колониализм // Этнос и политика: хрестоматия. М., 2000. С. 202–210.; Hobsbawm, E., Ranger, T. The Invention of Tradition. Cambridge, 1983. 320 p.; Hroch, M. Social preconditions of national revival in Europe: a comparative analysis of the social composition of patriotic groups among the smaller European nations. Columbia, 1985. 220 p.

⁵ Alter, P. Nationalism. London. 1994. 140 p.; Bhabha, H. K. Nation and narration. London and New York, 2013. 352 p.; McNeill, W. H. Polyethnicity and national unity in world history. Toronto, 1986. 85 p.; Shulman, S. Ethnic

идентичности, обращались к проблемам, которые ранее не были связаны с вопросами национальной идентичности, таким как гендер, расы, меньшинства, процессы глобализации. Также современных ученых интересует то, как культурная идентичность производится и воспроизводится через массовую культуру; они фиксируют кризис культурной идентичности, который переживают многие западные страны, определяют культурную идентичность как многоуровневую систему.

Основные аспекты конструирования русской культурной идентичности можно выделить в работах таких авторов, как А. Ашкеров, Д. Биллингтон, Л. Б. Гройс, М. Дробижева, О. Д. Зайцева, Г. Зверева, И. Ю. Киселев, С. В. Картунов, А. И. Куропятник, А. В. Лукина, И. В. Малыгина, Ю. Г. Марченко, Ю. В. Олейникова, П. В. Панов, В. И. Пантин, А. Г. Смирнова, В. А. Тишков, Дж. Франклин, К. Г. Холодковский, О. Щедрина⁶.

Анализ основных теорий культурной идентичности показал необходимость изучения социологических исследований воображения, активно проводимых группой ученых «Эранос». О вкладе в изучение религии, эзотерики данной группой ученых, об истории возникновения

and West: East Dichotomies in the Study of Nationalism // Comparative Political Studies. 2002. Vol. 35. № 5. P. 585.

⁶ Ашкеров, А. Ю. Между живым прошлым и ускользящей Современностью // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 4. С. 69–103; Биллингтон Д. Россия в поисках себя. М., 2005. 224 с.; Гройс, Б. Поиск русской национальной идентичности // Вопросы философии. 1992. № 9. С. 53; Дробижева, Л. М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 49–58; Зайцева, О. Д. Художественно-эстетическое образование как условие формирования позитивной национальной идентичности гражданина РФ // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 2. № 4. С. 103–110; Зверева, Г. Русский Проект: конструирование позитивной национальной идентичности в современном российском государстве И Обществе // Eurasian Review. 2008. Т. 1. № 3 С. 15–46; Киселев, И. Ю., Смирнова, А. Г. Идентичность в меняющемся мире. Ярославль, 2002. 300 с.; Куропятник А. И. Мультикультурализм, нация, идентичность (перспективы мультикультурного развития России) // Глобализация и культура: аналитический подход. СПб. 2003. С. 126–150; Картунов, С. В. Национальная идентичность: Постижение смысла // Качество. Инновации. Образование. 2014. № 3. С. 55–61; Лукина, А. В. Технологии производства и утверждения национальной идентичности // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М. 2006. С. 233–252; Малыгина, И. В. Национализм как форма культурной идентичности и его российская специфика // Общественные науки и современность. 2004. № 1. С. 147–153; Марченко, Ю. Г. Народная традиционная культура и проблемы русской национальной идентичности // ИНТЕРЭКСПО ГЕО-СИБИРЬ. 2010. Т. 6. С. 1–6; Олейникова, Ю. В. Культурные репрезентации в структуре этнической идентификации : дис. канд. ...социол. наук : 22.00.06. М., 2008. 243 с.; Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции М., 2011. 299 с.; Тишков, В. А. Единство в многообразии: публикации из журнала Этнопанорама 1999–2011 гг. Оренбург, 2011. 232 с.; Тишков, В. А. Национальная идентичность и духовно-культурные ценности российского народа. СПб. 2010. 36 с.; Franklin, S., Widdis, E. National identity in Russian culture: an introduction. Cambridge, 2006. 260 p.; Щедрина, О. В. Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 67–74.

семинаров «Эранос» писали С. Вассерштам, А. Дугин, П. Г. Носачев, Т. Хакль⁷. Изучению религиозной деятельности А. Корбена посвящены труды В. Жданова, Т. Читема, Я. Эшотса⁸, о различных аспектах творчества М. Элиаде писали С. Р. Брайан, А. А. Горохов, Дж. Д. Дадоски, А. П. Забияко, Д. Карраско, В. В. Иванов, О. А. Медведева, О. К. Михельсон, К. Олсен, С. В. Пахомов, Е. В. Ревуненкова⁹.

Методы и основные идеи Ж. Дюрана интересуют таких исследователей, как Дж. Бертин, К. Брага, О. В. Герасимова, М. М. Джой, Г. Драненко, А. Г. Дугин, М. Ксиберрас, М. Маффесоли, О. В. Герасимова, Х. Серрано, О. С. Степанова, Х.-К. Шириак, Р. Шульц¹⁰.

⁷ Wasserstrom, S. M. *Religion after Religion*. Princeton, 1999. 354 p.; Дугин, А. Г. *Социология воображения: учебное пособие*. М., 2010. 564 с.; Носачев, П. Г. *Западный эзотеризм как сфера религиозных исследований // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия*. 2013. № 47 (3).

URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zapadnyy-ezoterizm-kak-sfera-religiovedcheskih-issledovaniy>; Носачев, П. Г. «Отреченное знание»: изучение маргинальной религиозности в XX и начале XXI века: историко-аналитическое исследование. М., 2015. 336 с.; Hackl, H. Thomas. *Eranos: An Alternative Intellectual History of the Twentieth Century*. Sheffield, 2013. 440 p.

⁸ Жданов, В. В. *Изучение эзотерики в Западной Европе: Институты, концепции и методики // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. История. Психология. Философия*. СПб., 2009. С. 5–27; Cheetham, T. *The world turned inside out: Henry Corbin and Islamic mysticism*. Woodstock, 2003. 185 p.; Эшотс, Я. *Предисловие // Световой человек в иранском суфизме*. М. 2009. 237 с.

⁹ Bryan, S. R. *Reconstructing Eliade: Making Sense of Religion // Religious Studies*. Albany, N. Y., 1997. Vol. 33. № 3. С. 349–360; Горохов, А. А. *Мирча Элиаде как феноменолог религиозного опыта // Религиоведение, Амурский государственный университет*. 2009. № 4. С. 103–113; Dadosky, J. D. *The Structure of Religious Knowing // Toronto journal of theology*. 2005. Vol. 21. № 2. P. 321; Забияко, А. П. *Мирча Элиаде: методология в контексте индивидуально-психологических и религиозных особенностей личности // Религиоведение, Амурский государственный университет*. 2008. № 1. С. 180–186; Иванов, В. В. *Время и возвращение // Иностранная литература*. 1989. № 8. С. 140–141; Carrasco, D., Law, J. M. *Waiting for the dawn: Mircea Eliade in perspective*. Colorado, 2009. 194 p.; Olson, L. *The theology and philosophy of Eliade: a search for the centre*. Palgrave Macmillan, 1992. 218 p.; Медведева, О. А. *Иллюзия: пещерная жизнь или бегство от реальности. Символизм Платона и фантастический реализм Мирчи Элиаде // Вестник русской христианской гуманитарной академии*. 2010. Т. 11. № 4. С. 68–73; Михельсон, О. К. *Концепция небесного паттерна М. Элиаде и его трактовка представлений о смерти и загробном мире // Образ рая: от мифа к утопии*. СПб., 2003. С. 95–99; Пахомов, С. В. *Мистическая трансформация времени и пространства в художественных произведениях Мирчи Элиаде / С. В. Пахомова // Arbor Mundi (Мировое древо)*. 2011. № 18. С. 25–37; Ревуненкова Е. В. *Проблемы шаманизма в трудах М. Элиаде // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука*. Л. 1979. С. 241–258.

¹⁰ Bertin, G. *Pour l'Imaginaire, principes et methods // Esprit Critique*. Vol. 04. № 2. 2002. URL: <http://194.214.232.113/0402/article2.html>; Braga, C. «Imagination», «imaginaire», «imaginal»: Three concepts for defining creative fantasy // *Journal of the Study of Religions and Ideologies*. 2007. Vol. 6. № 16. P. 59–68; Герасимова, О. В., Степанова О. С. *Историко-культурная реконструкция гламура в контексте модификации российского общества // Аспирантский вестник Поволжья*. 2013 № 7–8. С. 22–30; Драненко, Г. *Поняття «міфологічного тла» в антропологічній теорії Уявного Ж. Дюрана // Питання літературознавства*. 2010. Вип. 79. С. 114–123; Дугин, А. Г. *Социология воображения*. М., 2010. 564 с.; Joy, M. *Towards a philosophy of imagination: a study of Gilbert Durand and Paul Ricoeur*. Montreal, 1981. 420 p.; Xiberras M. *Pratique de l'imaginaire. Lecture de Gilbert Durand*, Laval, 2002. 178 p.; Serrano, J. *The Imagined Return: Hope and Imagination among International Migrants from Rural Mexico // URL: http://ccis.ucsd.edu/wp-content/uploads/WP169.pdf*; Chiriack, H.-C. *The Interaction between Social Imaginary and Descriptive Imaginary // ARGUMENTUM. Journal of the Seminar of Discursive Logic, Argumentation Theory and Rhetoric*. 2011. Vol. 9.

Исследованием мифов занимались такие ученые, как Я. Э. Голосовкер, Дж. Кэмпбелл, М. Элиаде¹¹. Среди наиболее известных исследователей сказки можно назвать А. Н. Афанасьева, М.-Л. фон Франц, В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского, Э. В. Померанцева¹², на современном этапе исследованием сказки в русле различных направлений лингвистики занимаются А. А. Ворожбитова, С. С. Соборная, Ю. В. Елисеева, Е. Е. Петрова, Е. Р. Корниенко, Е. А. Черванева, Е. Б. Артеменко¹³ и др.

В рамках данного диссертационного исследования потребовалось изучить творчество И. Я. Билибина, что обусловило обращение к трудам таких ученых, как В. В. Беляков, Т. Ф. Вережникова, С. В. Голынец, О. С. Семенов¹⁴.

Возможности изучения культурных и этнических идентичностей на материале анализа произведений изобразительного искусства в качестве культурных текстов и методология таких исследований представлены в трудах А. В. Кистовой, Н. П. Копцевой, К. В. Резниковой, А. А. Семеновой, Н. Н. Средкиной¹⁵.

№ 2. P. 121–128.; Schools, R. Anxiety in fairy tales and the anthropological structures of psychoanalytic theories // URL: http://jung-psychanalyse.be/download/SCHOLS_contesdefee_uk.pdf

¹¹ Голоовкер, Я. Э. Избранное. Логика мифа. М.; СПб., 2010 с. 456; Кэмпбелл, Дж. Мифы, в которых нам жить. София, 2002. 252 с.; Элиаде, М. Миф о вечно возвращении. М., 2000. 414 с.; Элиаде, М. Аспекты мифа. М., 2010. 256 с.; Eliade, M. Symbolism, the sacred, and the arts. N.Y., 1992. 208 p.

¹² Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки: в 3 т. М., 1984. Т. 1. 537 с.; Франц, М.-Л. фон. Фемининность в волшебных сказках. М., 2010. 256 с.; Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000. 309 с.; Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа. М., 2000. 407 с.; Померанцева, Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. 194 с.

¹³ Ворожбитова, А. А., Соборная, И. С. Этнокультурные особенности русских, польских и немецких сказок (лингвориторический аспект). М., 2014. 104 с.; Елисеева, Ю. В. Атрибутивная маркированность персонажей в русских и английских народных сказках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 7 (37). С. 70–73; Петрова, Е. Е. Структурно-семантические и прагматические особенности формульных композиционных средств (на материале британских и русских народных сказок) // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 1–3 (32) С. 63–64; Корниенко, Е. Р. Об опыте лингвокультурологического исследования русской народной сказки // Вестник МГУ. 2005. № 4. Сер. 19. С. 148–154; Артеменко, Е. Б., Черванева, В. А. Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира Воронеж, 2004. 184 с.

¹⁴ Беляков, В. В. И. Я. Билибин в Египте // Восточный архив. 2007. № 16. С. 51–55; Иван Яковлевич Билибин (Альбом) /Автор-составитель Т. Ф. Вережникова. СПб., 2002; Иван Билибин / Авт.-сост. С. В. Голынец. Л., 1988. 227 с.; Семёнов, О. Иван Билибин: Рассказ о художнике-сказочнике. М., 1996. 87 с.

¹⁵ Кистова, А. В. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичностей на основе этнографического подхода в социальной философии : автореферат дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Красноярск, 2013. 22 с.; Копцева, Н. П. Средкина, Н. Н. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе. Красноярск. 2013. 184 с.; Резникова, К. В. Социальное конструирование общенациональной идентичности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2012. 22 с.; Средкина, Н. Н. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе : автореферат дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Красноярск, 2013.

Обзор источников по теме диссертационного исследования позволяет говорить о наличии проблемного поля. Так, художественная практика редко рассматривается в качестве основы для формирования культурной идентичности, хотя многие исследователи косвенно или напрямую отмечают большое ее значение в данном процессе. Кроме того, недостаточно проявлены возможности сказок и мифов в конструировании русской культурной идентичности. Творчество и произведения И. Я. Билибина является малоизученными, в основном исследователи дают общую характеристику творчества художника без углубленного анализа отдельных его произведений, либо выпускают сборники его писем, делают краткое жизнеописание художника.

Объектом исследования является русская культурная идентичность.

Предмет исследования – методологическое и концептуальное построение русской культурной идентичности.

Цель диссертации заключается в исследовании основных концепций и методов конструирования русской культурной идентичности.

Гипотеза диссертационной работы заключается в предположении, что исследование механизмов конструирования и специфики процессов русской культурной идентификации возможно осуществить на материале анализа культурной ситуации в России рубежа XIX–XX веков, философско-искусствоведческого анализа произведений изобразительного искусства – ярких репрезентантов данного художественного периода. Это позволит выявить эталонные образы, визуализирующие русскую культурную идентичность. Выявленные культурные закономерности могут способствовать обнаружению базовых архетипических оснований для конструирования русской культурной идентичности на современном этапе российской культурной истории.

Цель и гипотеза диссертационного исследования предполагают решение ряда **задач**:

1. Провести аналитический обзор актуальных концепций культурной идентичности.

2. Осуществить критическое осмысление способов современного культурологического моделирования русской культурной идентичности.

3. Выявить эвристические методологические возможности социологии воображения для анализа механизмов конструирования культурной идентичности.

4. Рассмотреть некоторые теории и элементы художественного процесса в России рубежа XIX–XX веков в контексте формирования русской культурной идентичности.

5. Провести философско-искусствоведческий анализ произведений И. Я. Билибина как репрезентантов, визуализирующих формальные и содержательные элементы русской культурной идентичности.

6. Провести прикладное культурологическое исследование по методике «Серия тематических ассоциаций» А. И. Назарова и Р. В. Соколова со словом-стимулом «русское» в современной молодежной аудитории и сделать интерпретацию полученных результатов.

Теоретико-методологическим основанием диссертационного исследования выступили примордиалистский и конструктивистский подходы к изучению культурной идентичности, социология воображения Ж. Дюрана, методы изучения сказок и мифов М.-Л. фон Франц, В. Я. Проппа, Я. Э. Голосовкера.

Исследование русской культурной идентичности потребовало применения философско-искусствоведческого и культурологического анализа произведений изобразительного искусства, разработанного В. И. Жуковским, Н. П. Копцевой, Д. В. Пивоваровым.

Изучение теоретического материала по проблеме культурной идентичности базировалось на основании аналитико-описательного метода и

обобщении данных, полученных в ходе исследования. Для конкретизации полученных результатов было проведено прикладное исследование по методике «Серия тематических ассоциаций» А. И. Назарова и Р. В. Соколова.

В качестве логических процедур в данном диссертационном исследовании были применены анализ, синтез, сравнение, интерпретация.

Эмпирическая база. В ходе данного исследования были использованы репродукции художественных произведений И. Я. Билибина. В ходе проведения ассоциативного эксперимента по методике «Серия тематических ассоциаций» А. И. Назарова и Р. В. Соколова были обработаны анкеты, полученные в молодежной студенческой аудитории Сибирского федерального университета и Красноярского государственного медицинского университета им. В. Ф. Войно-Ясенецкого.

Научная новизна

1. Современные концепции культурной идентичности были критически проанализированы и рассмотрены их наиболее сильные стороны, которые можно использовать для теоретического и прикладного культурологического исследования процессов конструирования русской культурной идентичности.

2. Определены основные инструменты, которые отечественные исследователи считают наиболее эффективными для современного конструирования культурной идентичности. В качестве эталонного периода в практике и теории конструирования русской культурной идентичности особо выделяется рубеж XIX–XX веков, когда шли активные поиски конкретных механизмов, технологий, способов формирования русской культурной идентичности.

3. Проанализированы и выявлены наиболее важные элементы современной социологии воображения. Доказано, что данная концепция имеет наибольший научный потенциал для последующего анализа художественных практик, в которых осуществляются процессы визуализации русской культурной идентичности.

4. Обоснована особая роль художника и создаваемых им произведений изобразительного искусства в конструировании русской культурной идентичности, раскрыты способы интеллектуальных практик, с помощью которых осознанно исследовалась и конструировалась русская культурная идентичность в общенациональном аспекте.

5. Проведен философско-искусствоведческий анализ произведений И. Я. Билибина, который позволил выделить основные концепты русской культурной идентичности.

6. Проведен ассоциативный эксперимент среди студентов Сибирского федерального университета и Красноярского государственного медицинского университета им. В. Ф. Войно-Ясенецкого, интерпретация результатов которого позволила сделать выводы о современных формах процесса формирования русской культурной идентичности в молодежной студенческой среде.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Аналитический обзор теоретических исследований, посвященных изучению культурной и национальной идентичности, показал, что по-прежнему особой актуальностью для исследования процессов современного конструирования русской культурной идентичности обладает сфера фольклора и мифологии. Анализ некоторых репрезентативных произведений искусства и древних религиозных воззрений необходимы для понимания специфики конкретной этнокультурной идентификации, при этом художники выполняют одну из основополагающих ролей в данном процессе.

2. Большая часть отечественных исследователей определяет политическую сферу как наиболее влиятельную и эффективную в процессе формирования русской культурной идентичности и придерживается примордиалистских и конструктивистских подходов к изучению идентичности. В результате обзора теорий, рассматривающих сферу художественной и религиозной культуры как источник формирования русской культурной идентичности, в качестве эталона определен рубеж XIX–

XX век, что позволило выбрать художественную практику этого времени в качестве объекта дальнейшего анализа.

3. Анализ трудов ученых интеллектуальной группы «Эранос», посвященных воображению, привел к пониманию того, что «воображаемый мир» (*Mundus Imaginalis*) определяется как реальное пограничное пространство между материальным и духовным мирами, между чувственной и умопостигаемой сферами. Благодаря способности воображать человек обретает смысл своего существования. Жильбер Дюран и его последователи убедительно доказывают, что с помощью изучения сказок и мифов возможно проводить анализ состояния общества, особенностей культурной идентичности представителей определенного социума.

4. Философско-искусствоведческий и культурологический анализ произведений Ивана Яковлевича Билибина, творчество которого ориентировано на визуализацию русской культуры через обращение к сказочному сюжету, выявил такие особенности русской культурной идентичности, как «опора на хтонические силы», «относительно спокойное принятие возможности смерти», «сосуществование противоположных сил, в том числе жизни и смерти», «женственность», «трехчастное устройство мира», «условность и прозрачность границ», «лес как модель русского мира». Русская культурная идентичность в своей структуре соответствует драматическому ноктюрну в теории Жильбера Дюрана, на что указывают конкретные характеристики, выявленные в ходе анализа произведений И. Я. Билибина.

5. Ассоциативный эксперимент в молодежной студенческой среде со словом-стимулом «русское» по методике «Серия тематических ассоциаций» А. И. Назарова и Р. В. Соколова позволил сделать выводы о том, что представление о русском в данной аудитории не обладает какой-либо цельностью, что говорит о первичной стадии формирования процессов русской культурной идентичности, а также о том, что на уровне коллективного бессознательного молодые люди, студенты ищут свою

культурную идентичность через обращение к сфере искусства и фольклора как источнику для формирования их собственной культурной идентичности.

Теоретическая и научно-практическая значимость работы заключается в следующем:

Во-первых, результаты настоящего диссертационного исследования могут быть применены специалистами в области культурологии, культурной антропологии, социологии, философии. Выделенные методологические и концептуальные аспекты конструирования русской культурной идентичности могут быть применены в исследованиях, связанных с данной проблематикой.

Во-вторых, теоретические положения настоящей работы могут быть использованы в научно-исследовательской и преподавательской деятельности, кроме того, могут быть использованы и при разработке учебных программ по теоретическим и прикладным дисциплинам, таким как «Теория культуры», «Социальная (культурная) антропология», «Техники анализа текстов культуры» и др.

В-третьих, данное диссертационное исследование способствует формированию интереса к изучению русской культурной идентичности и возможностей ее конструирования посредством определенных художественных практик.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования были представлены на Международной конференции «Философия этноса: антиномия творчества и традиционности» в Санкт-Петербурге (2013 г.); конференции «Молодежь и наука»; научно-практической конференции «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы» (2014–2015 гг.); постоянно действующем научно-методическом и учебном семинаре «Теория и практика прикладных культурных исследований» (2010–2015 гг.).

Результаты исследования также представлены в работе в качестве исполнителя федеральных и краевых грантов: «Механизмы взаимодействия органов власти, бизнеса и этнокультурных групп коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях глобальных трансформаций (на материале Сибирского федерального округа)» (грант «Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности», 2012 г.), «Культура коренных малочисленных народов Севера в условиях глобальных трансформаций: форсайт-исследование до 2050 г. на материале анализа якутского этноса» (ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы»), «Разработка модели и механизмов дистанционной подготовки инженерных и образовательных кадров (в том числе из малочисленных коренных народов) для освоения северных и арктических территорий Красноярского края» (ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы»), «Создание пакета прикладных проектов для развития северных поселений Красноярского края и системы показателей устойчивого развития территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Красноярского края» (грант «Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности», 2014 г.).

Результаты диссертационного исследования опубликованы в виде статей, пять из которых в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ, таких как журнал Сибирского федерального университета в серии «Гуманитарные науки», «Современные проблемы науки и образования», а также в журнале, индексируемом в Scopus, – «Mediterranean Journal of Social Science». Автор имеет индекс Хирша 1 (Scopus), 8 (РИНЦ).

Исследование проведено в соответствии с планом научно-исследовательской работы кафедры культурологи Сибирского федерального университета.

Структура и объем диссертации. Структура диссертационного исследования определена целями и задачами работы, состоит из введения, двух глав (6 параграфов), заключения, списка использованной литературы (294 наименования) и 2 приложений. Объем диссертации – 168 страниц.

1 ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ КОНСТРУИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В данной главе диссертационного исследования рассматриваются теоретические и концептуальные аспекты механизмов построения культурной идентичности. Для начала дан обзор основных теорий национальной и этнокультурной идентичностей. Обращение к теориям национальной идентичности является обоснованным, поскольку в современном научном дискурсе отсутствуют четкие разграничения между понятиями «нация» и «этнос», что отмечается в исследованиях, посвященных конструированию идентичности. В частности, К. В. Резникова¹⁶ обращает внимание на две точки зрения по поводу природы нации: с одной стороны, «национальное» является термином тождественным «гражданственному», с другой стороны, «национальное» является аналогом «этнического», «этнонационального».

Далее в главе представлен обзор изучения проблемы воображения интеллектуальной группой ученых «Эранос». Также дана характеристика и выделены основные идеи социологии воображения Ж. Дюрана, исследованы основные подходы к изучению сказки и мифа в зарубежной и отечественной науке.

¹⁶ Резникова, К. В. Социальное конструирование общенациональной идентичности в Российской Федерации: дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Красноярск, 2012. 22 с.

1.1 Современные концепции культурной идентичности

Целью данного обзора является определение и уточнение таких понятий, как «нация», «национальное», «национальная идентичность», «культурная идентичность». Кроме того, необходимым является рассмотрение существующих в западной научной мысли подходов к изучению и построению культурной идентичности.

Структуру настоящего обзора предполагается построить по пунктам, которые соответствуют существующим классификациям теорий национальной/культурной идентичности. Так, И. М. Мусаев в статье «Современные подходы к изучению национализма» говорит о том, что для западных классификаций характерно деление авторов на примордиалистов, модернистов и этносимволистов, в российских исследованиях мы встречаем деление на примордиалистов, конструктивистов и инструменталистов. Британский социолог Э. Смит в своем труде «Национализм и модернизм» выделяет всего пять существующих на данный момент парадигм в области исследования наций и национализма: примордиализм (возникший в философии немецкого романтизма, представленный идеями И. Гердера, Г. В. Ф. Гегеля, Ф. Шеллинга, В. Дильтея, и развитый в трудах К. Гирца), перенниализм (Дж. Фишман, Дж. Армстронг, У. Коннор, Д. Горовитц, нации тесно связаны с языком и этническими корнями, мифами о происхождении), этносимволизм (особая роль мифов, символов, ценностей и воспоминаний, новое их открытие и истолкование, Дж. Хатчинсон, Э. Смит), модернизм (нации и национализм являются результатом недавних преобразований, новых средств, Э. Хобсбаум, Б. Андерсен, Э. Геллнер и др.), постмодернизм (современные национальные идентичности фрагментированы, в определенной мере развивают теорию модернистов, Х. Бхабха, У. Г. МакНейл, А. Макклиток и др.). Несмотря на всю условность любых

классификаций, на наш взгляд, можно придерживаться той, что предложена Э. Смитом, добавив деление, предложенное И. М. Мусаевым для разграничения основных подходов в изучении нации в трудах модернистов.

Примордиалистский подход формируется в трудах представителей немецкого романтизма: И. Гердера, Г. В. Ф. Гегеля, Ф. Шеллинга, В. Дильтея и др. Суть данного взгляда на нацию и национальное сводится к тому, что национальная идентичность является данной от природы, является такой же естественной характеристикой человека, как его способность говорить и чувствовать. Идея «нации» базируется на этнико-культурных принципах и не зависит от наличия национального государства. Согласно данной концепции, «нация» существовала всегда. В русле данного подхода вырабатываются понятия «национальный дух», «народный дух», «национальный характер», «душа нации».

Первым ввел понятие «народный дух» И. Г. Гердер. Свои идеи он излагает в сочинении «Идеи к философии истории человечества»¹⁷. Т. Стефаненко отмечает, что «И. Г. Гердер рассматривал «дух народа» как нечто бесплотное, он практически не разделял понятия «народный дух», «душа народа» и «народный характер»¹⁸. На сложение специфического «духа народа», по мысли И. Г. Гердера, влияют следующие факторы: климатические условия, окружающий этнос или народ природный ландшафт. При этом он не исключает влияние сложившегося общественного строя и истории, но это играет уже второстепенную роль. Также Т. М. Стефаненко указывает на то, что «душа народа», согласно И. Г. Гердеру, является одним из признаков, наряду с чувствами, речью, предрассудками, благодаря которым можно судить о народе, о его культуре. Следует отметить, что И. Г. Гердер на первое место в изучении какого-либо народа ставит устное народное творчество, поскольку, по его мнению, именно мир фантазии отражает народный дух наилучшим образом. Мифология народа дана ему в

¹⁷ Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. 703 с.

¹⁸ Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология. М., 1999. С. 20

наследство, она не является плодом его размышлений, не может быть вследствие этого усовершенствована или изменена, «образ жизни, гений всякого народа сильно влиял на фантазию каждого народа. Пастух видит природу одними глазами, охотник, рыбак – другими, а такие занятия различаются в каждой стране, как различаются и характеры народов... В мифологии каждого народа запечатлелся присущий способ видеть природу, особенно зависящий от того, находил ли народ в природе больше добра или зла, как подсказывал ему климат и гений, и зависящий от того, как объяснял народ одни явления – другими»¹⁹. И. Г. Гердер пытался описать «характер народа», выделить типические для него черты, примером чего служат его описания германских народов, финнов, славян и других, которые он приводит в своем сочинении.

Идеи И. Г. Гердера о «народном духе» развивает Г. В. Ф. Гегель в «Философии истории»²⁰, который определяет его как связующее начало всей жизни общества, во всех его многочисленных проявлениях (политическое устройство, религия, искусство и т.д.). В концепции Г. В. Ф. Гегеля «народный дух» является одним из аспектов проявления «мирового духа», который на каждом этапе своего развития воплощается только в духе одного народа, получая в нем, таким образом, наивысшее свое выражение. Г. В. Ф. Гегель понимает «народный дух» как нечто врожденное, определяемое расовыми различиями, природными условиями, традициями и историческими событиями, влияющими на сложение «национального характера». Государственный строй выступает, таким образом, в качестве выражения «народного духа». В «Лекциях по философии истории» Г. В. Ф. Гегель пишет следующее: «То общее, которое проявляется и познается в государстве, та форма, под которую подводится все сущее, является вообще тем, что составляет образование нации. А определенное содержание, которому придается форма общности и которая заключается в той

¹⁹ Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 203–204.

²⁰ Гегель, Г. В. Ф. Философия истории. Спб., 1993. 474 с.

конкретной действительности, которую является государство, есть сам дух народа»²¹. Категории «дух народа» и «народ» связаны с понятием «национальное» – специфическим содержанием духа народа, тем, что отличает один народ от другого.

Во «Введении в философию мифологии»²² Ф. В. Шеллинг высказывает свои мысли относительно того, что есть такое народ, и почему группа людей становится народом. Согласно его концепции, народ становится таковым «не от того, что большее или меньшее число физически сходных индивидуумов сосуществует в пространстве, но в силу общности сознания»²³. Далее он выстраивает свои рассуждения согласно следующей логике: язык – это то, через что непосредственно выражается общность людей, а само основание общности коренится в общности взглядов на мир, который, по мысли Ф. В. Шеллинга, изначально содержится именно в мифологии. «Миф есть то, что определяет собой историю конкретного народа, он есть судьба народа, подобно тому, как характер человека есть его личная судьба»²⁴. Таким образом, мифология является исходной точкой исследования и понимания любого народа, равно как и всех форм его жизнедеятельности и творчества. Это положение позволяет говорить о мифологии как первооснове народного духа и первоисточнике искусства, в котором этот народный дух и воплощается. В соответствии с данной идеей именно поэтому можно говорить о мифе в качестве средства понимания характера и духа народа, всей его деятельности, его творчества.

В. Дильтей в «Построении исторического мира в науках о духе» определял нацию как «устойчивое экономическое, общественное, политическое объединение отдельных частей»²⁵. Именно на этой базе группа людей осознает свою принадлежность друг другу, воспринимает себя как

²¹ Гегель, Г. В. Ф. Философия истории. Спб., 1993. С. 99

²² Шеллинг, Ф. В. Й. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1989. 636 с.

²³ Шеллинг, Ф. В. Й. Там же. С. 211.

²⁴ Кузнецова, Т. В. Россия в мировом культурно-историческом контексте: парадигма народности. М., 1999, 152 с.

²⁵ Дильтей, В. Собрание сочинений: в 6 т. Построение исторического мира в науках о духе. Т.3. М., 2004. С. 335.

общность, формируется национальное сознание, национальное чувство, которые и обеспечивают единство общности людей.

В другом своем сочинении – «Введение в науки о духе»²⁶ – он описывает процесс сложения национальной общности, говорит о том, что эта общность не зависит от наличия формального по своей сути объединения – государства. К вопросу о том, что есть такое «душа народа», «дух народа», «нация» он подходит с позиции всестороннего анализа разнообразных сторон жизни народа (его языка, религии, искусства и др.), которые предполагается рассматривать как взаимосвязанное целое.

В. Дильтей затрагивает психологическую сторону в анализе того, что есть «нация», говоря о переживаниях, в результате которых возникает чувство общности. «Однако для отдельной нации все виды общих переживаний находятся в сознательной связи с национальным сообществом. Это сообщество во всех сторонах жизни сопрягается с индивидами, которые ее составляют. Тем самым получается, что любое сильное переживание переживается как изменение ценностей человеческой общности»²⁷. В. Дильтей обращает внимание на то, что отдельный индивид, преследует собственные цели, которые очень часто могут быть противоположны тем, которые преследуют другие индивиды и семья. Но в том, что касается национальной взаимосвязи, все индивиды ведут себя словно бы единый субъект. Отдельный человек, если следовать идеям В. Дильтея, стремится к национальным целям так, будто они его собственные, национальные переживания также испытываются им как свои собственные.

К. Гирц придерживается позиции примордиализма, сложение национальной идентичности понимает как исторический процесс. В сочинении «Интерпретация культур»²⁸ он выделил в становлении национально-культурной идентичности четыре стадии:

²⁶ Дильтей, В. Собрание сочинений: в 6 т. Введение в науки о духе. Т. 1. М., 2000. 763 с.

²⁷ Дильтей, В. Собрание сочинений: в 6 т. Построение исторического мира в науках о духе. Т.3. М., 2004. С. 336

²⁸ Гирц, К. Интерпретация культур. М., 2004. 560 с.

– формирование и кристаллизация национального движения, которое характеризуется противостоянием культурных, расовых, языковых категорий самоидентификации и социальной принадлежности, которые возникли стихийно в ходе исторического процесса, и искусственного конструкта «национальности» (этничности в современном понимании). Здесь же он говорит о роли интеллектуалов, которые «пытались преобразовать систему символов, сквозь призму которых люди воспринимали социальную действительность, и тем самым пытались преобразовать саму реальность»²⁹;

– победа национализма;

– преобразование в государство;

– современное состояние, предполагающее, в частности, поиск корней новой идентичности (обращение к местным обычаям, существующим институтам, элементам повседневного поведения – к «культуре», к «национальному характеру», к «расе»).

Далее, придерживаясь намеченного плана, следует рассмотреть основные идеи перенниализма, предполагающие, что нация и ее становление связаны с языком, этносом и мифами о происхождении, бытующими в том или ином этносе. Э. Смит пишет, что представители данного направления считают нацию и этничность родственными, почти тождественными феноменами. Сам термин «перенниализм» («вечный») означает, что нация является вечной, древней. В этом смысле позиция исследователей, которых можно отнести в данную группу, схожа со взглядами примордиалистов.

Дж. Фишман занимался этноязыковой проблематикой, рассматривал связь между языком и этничностью. Его идеи можно рассматривать как поиск компромисса между взглядами примордиалистов и конструктивистов. В статье «Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами»³⁰ он указывает на связь позиции конструктивистов/модернистов с экономическими интересами, тогда как

²⁹ Гирц, К. Интерпретация культур. М., 2004. С. 273.

³⁰ Фишман, Дж. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос. 2005. № 4 (49). С. 132–140.

примордиалисты отстаивают значение слабых наций, их право на дальнейшее особенное существование. Дж. Фишман признает биологическую составляющую этничности, но не считает ее ограниченной в этих рамках. Кроме того, он говорит о том, что этничность «также связана с «деятельностью». «Деятельность» этничности направлена на сохранение, укрепление и усиление коллективных идентичностей и естественного порядка» и включает такие вербальные проявления как песни, ритуалы, поговорки и молитвы»³¹.

У. Коннор³² говорит о том, что «нацией» является группа людей, которая ощущает некое наследственное родство, что указывает на то, что нация конструируется большей частью через сферу психологии, вне разума. «Нация» понимается как большая семья связанная, необъяснимыми с точки зрения рационального подхода узами. Для определения и понимания «нации», по мнению исследователя, следует обратиться к сфере подсознательного.

Д. Горовитц в труде «Структура и стратегия этнического конфликта»³³ сосредотачивает свое внимание на исследовании межэтнических конфликтов. Также он придерживается точки зрения, что этничность основана на «глубоком чувстве социальности, подкрепленном кровнородственными связями, ощущением членами группы своего сходства и отличности от других»³⁴. Также он считает, что миф об общем происхождении является основанием для образования этничности. Исследователя интересует вопрос об основе этнических конфликтов, ответ на который он видит в том, что для этносов характерным является постоянное сравнение себя с другими, связанное также с суждениями об отсталости и развитости.

³¹ Fishman, J. Social theory and ethnography: neglected perspectives on language and ethnicity in Eastern Europe // Ethnic diversity and conflict in Eastern Europe. 1980. P. 69–99.

³² Connor, W. Ethnonationalism: The quest for understanding. Princeton, 1994. 234 p.

³³ Горовитц, Д. Л. Структура и стратегия этнического конфликта // Власть. 2007. №2. С. 29–38.

³⁴ Горовитц, Д. Л. Теория межэтнического конфликта // Этнос и политика: хрестоматия. М., 2000. с. 229.

Дж. Армстронг пишет в труде «Нации до национализма»³⁵ о том, что «нация» – это современный эквивалент досовременных этнических идентичностей. По его версии, с 1800 г. начинается националистская эпоха, когда формируются нации в современном нам понимании. Этничность в его представлении – это периодически повторяющееся явление. Истоки современных наций прослеживаются с древности, например, со времен Античности. Сам же термин «нация» может быть применен в отношении ко многим видам политической идентичности. Нация в концепции исследователя является преемницей этничности. Сама же этничность переживает циклы возникновения, развития и распада, то есть она есть явление периодически повторяющееся. Дж. Армстронг указывает на то, что символы и мифы важны для сохранения этнической идентификации. Он рассматривает значения религии, «легитимирующего мифа» и «движущего» мифа в их связи с этнической идентичностью. Кроме того, Дж. Армстронг рассматривает факторы, которые способствовали становлению и сохранению идентичностей.

А. Хастингс³⁶ противопоставляет нацию и этничность, так как нация, в его определении, обладает более высоким уровнем самосознания, идентифицируется с письменным языком, обладает или предъявляет претензии на политическую автономию.

Х. Кон³⁷ утверждает, что политический тип национальной идентичности – это западная модель, тогда как культурный тип национальной идентичности – восточная модель. Согласно западной модели в европейских странах идеи нации были сформированы уже после образования государства, либо же процесс формирования государства совпадал с процессом образования нации. Что касается Восточной Европы и Азии, то здесь политические образования не совпадали с этническими и культурными границами, вот почему здесь национальная идентичность

³⁵ Armstrong J. Nations before Nationalism. Chapel Hill, 1982. 411 p.

³⁶ Hastings, A. The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and nationalism. Cambridge, 1997. 235 p.

³⁷ Kohn, H. The idea of nationalism: A study in its origins and background. N. Y., 1967. 735 p.

стремится к созданию государства, предшествует формированию нации. В западной модели первичным является понятие гражданства, а в восточной модели на первый план выступает идея народа.

Группу теорий этносимволизма представляют подходы к изучению культурной идентичности тех авторов, которые раскрывают значение символического наследия от этнических идентичностей преמודерна до сегодняшних наций. Взгляды исследователей, разрабатывающих свои теории в русле этносимволизма, в некоторой мере совпадают со взглядами примордиалистов и модернистов, в определенном смысле это нечто среднее, примиряющее оппозицию двух представлений на природу нации и национальной идентичности. Этносимволисты согласны с модернистами в том, что процессы трансформации имеют большое значение в становлении наций, но также считают, что между «традицией» и «современностью», «аграрной» и «индустриальной» эпохами существует более высокий уровень преемственности, что роднит их идеи с идеями примордиалистов.

Э. Смит утверждает, что в структуре любой национальной идентичности присутствуют как гражданский, так и этнический элементы. В разных случаях преобладает тот или иной компонент. Он обращает внимание на то, что термин «национализм» может означать следующее: доктрины и идеологии, движения, чувства, сам процесс «строительства нации», а также символы и языки. Э. Смит дает определения понятий «нация» и «этнос». Первое понятие определяет как «группу людей, обладающую общими и особенными элементами культуры, единой экономической системой, гражданскими правами для всех членов, чувством солидарности, являющимся результатом общих переживаний, и занимающую общую территорию»³⁸. Исследователь определяет «этноты» как «носящие определенное имя группы людей с общими мифами о происхождении,

³⁸ Смит, Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. С. 344

историями и культурами, связанные с определенной территорией, и чувством солидарности»³⁹.

В соответствии с предложенной Э. Смитом концепцией, идентичность (национальная или этническая) не может быть унаследована физическим путем, она есть продукт ощущения преемственности, общей памяти, которые имеют свое воплощение в мифах и символах.

Говоря об этничности, Э. Смит особое внимание уделяет исследованию мифов о происхождении, историческим воспоминаниям. Чувство культурной близости, которое воплощается в мифе о происхождении, общие исторические воспоминания и этническая символика являются определяющими структуру этнических сообществ и наций, возникших на основе культурного родства. Именно мифы, символы, воспоминания, традиции, которые появились из общего коллективного опыта нескольких поколений людей, являются теми элементами, которые определяют культурные особенности этнических групп.

Дж. Хатчинсон⁴⁰ разрабатывает теорию построения наций в русле школы Э. Смита, который в своей книге дает основные характеристики взглядов исследователя. Нельзя игнорировать повторяемость культурных форм национализма. Чаще всего можно говорить о взаимодействии двух видов национализма: политического и культурного. Для приверженцев культурного национализма «нация» – это примордиальное выражение индивидуальности и созидательной силы природы. Нации являются естественными обществами, которые развиваются наподобие семьи. Особая роль исследователем отводится историками и художникам (они заново открывают прошлое, прославляют национальных героев и осмысливают коллективный опыт народа, что работает на единение различных аспектов нации). Нации создаются культурными элитами (художниками, учителями,

³⁹ Смит, Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. С. 349

⁴⁰ Hutchinson, J. The dynamics of cultural nationalism. Australia, 2012. 352 p.

журналистами). Дж. Хатчинсон выделяет три важных компонента в процессе формирования нации и национальной идентичности:

- историческая память в процессе образования наций;
- конкурирующее определение нации;
- центральная роль культурных символов, которые способны передать связь с определенной исторической идентичностью.

Согласно классификации, предложенной И. М. Мусаевым⁴¹, среди теорий представителей модернизма выделяются такие, которые ведущим фактором в анализе нации определяют экономику, политику или социокультурную сферу.

Что касается общих черт, характерных для взглядов модернистов/конструктивистов на формирование национальной идентичности, то здесь следует отметить, что нации, по их представлениям, образуются в результате влияния исторических факторов. Нации являются современными, появились не более двухсот лет назад, точкой отсчета их образования можно считать Великую французскую буржуазную революцию, в связи с чем их ни в коей мере нельзя считать древними или возникающими естественно в природе. С точки зрения модернистов государство предшествует появлению нации, является первичным образованием по отношению к нации. Нация может появиться только в результате рациональной деятельности. Именно данная точка зрения является общей для всех модернистов, в остальном же исследователи выделяют различные определяющие факторы в анализе формирования наций и национальной идентичности.

При конструктивистском подходе социальные, экономические и исторические процессы и условия являются определяющим фактором при конструировании наций и этнических групп. Эти процессы и условия определяют характер и значение этничности и оказывают на нее

⁴¹ Мусаев, И. М. Современные подходы к изучению национализма // Человек, Общество, Управление. 2006. № 1. С. 36–49.

определенное влияние. В свою очередь этничность имеет различные определения, так или иначе связанные с особой локальной культурной идентичностью.

К первой группе теорий, выделяющих экономику в качестве главного фактора образования «национальных идентичностей» и «наций», относятся труды Т. Нейрна и М. Хечтера.

Т. Нейрн⁴² главным фактором в процессе образования наций определяет «неравномерное развитие капитализма». Уже с начала XIX века можно определить развитые «центры», расположенные в западном мире, и отсталые «периферии». В этих условиях рождается противовес «внешним», угнетающим силам.

Кроме того, Т. Нейрн ведет речь об особом предназначении интеллигенции, состоящем в создании национальной культуры, характеризующейся свободой от обычаев, фольклора, мифов, всего того, что было в центре внимания примордиалистов-романтиков. При этом интеллигенция именно посредством мифов, обращения к фольклору осуществляет свою работу с народными массами. Народ в данной концепции выполняет пассивную роль в процессе конструирования национальной идентичности, образования нации. Примерно в таком ключе Т. Нейрн описывает взаимосвязь между интеллектуалами и народом.

М. Хечтер⁴³ также прослеживает взаимоотношения между «центром» и «периферией», делает это на примере Англии в эпоху Тюдоров. Он подчеркивает связь между экономическим неравенством «центров» и «периферий» и культурными различиями. Разделение труда в данных условиях происходит по культурному признаку, совпадает с классовыми различиями. Он выдвигает теорию рационального выбора, когда индивид отождествляет себя с той или иной этнической группой с расчетом на определенные выгоды для себя (в экономическом и социальном планах).

⁴² Нейрн, Т. От гражданского общества к гражданскому национализму: Эволюции мифа // Философско-литературный журнал Логос. 2007. № 1(58). С. 14–33.

⁴³ Хечтер, М. Внутренний колониализм // Этнос и политика: Хрестоматия. М., 2000. С. 202–210.

Вторая группа теорий модернизма, опирающаяся на политику как решающий фактор в образовании нации и национальной идентичности, представлена исследованиями таких авторов, как Э. Хобсбаум, Дж. Бройи, Э. Гидденс.

Э. Хобсбаум известен своим трудом «Изобретение традиций»⁴⁴. Исходным пунктом своего исследования он поставил утверждение, что нации есть «изобретенные традиции». Понять и объяснить нацию, согласно такой точки зрения, можно через анализ функций и происхождения изобретенных и, следовательно, национальных традиций.

Э. Хобсбаум рассматривает понятие «изобретенные традиции», которые появляются в результате ритуализации прошлого, дает ему следующее определение: «Изобретенная традиция» означает совокупность практик, как правило, ограниченных открыто или молчаливо признанными правилами ритуального или символического характера, направленных на привитие определенных ценностей и норм поведения путем повторения, которое автоматически подразумевает преемственность с прошлым»⁴⁵. Данный процесс выполняет манипулятивную или политическую функцию.

Кроме того, исследователь выделяет три типа «изобретенных традиций»:

– традиции, которые направлены на укрепление или же символизируют социальную сплоченность или единство группы, реальных или искусственных сообществ, являются главными;

– традиции, которые нацелены на упрочнение институтов, статусов или же властных отношений;

– направленные на социализацию путем насаждения мнений, ценностей и способов поведения.

Важнейшим в процессе конструирования наций является изобретение эмоционально и символически наполненных знаков принадлежности к

⁴⁴Hobsbawm, E., Ranger, T. The Invention of Tradition. Cambridge, 1983. 320 p.

⁴⁵Hobsbawm, E., Ranger, T. Там же. P. 1–2.

группе (в первую очередь таковыми являются флаги и гимны). Главной целью национализма Э. Хобсбаум считает построение национального государства. Он выделяет два типа национализма:

- характерный для крупных и сильных сообществ массовый, гражданский и демократический политический национализм;
- этнолингвистический национализм, который характерен для меньших групп, которые желают и отстаивают свое право на отделение от крупных империй.

Исследователь выделяет две точки зрения, взгляд «сверху» (основой которого является элита) и взгляд «снизу» (основа – сообщество). Строятся нации «сверху», но исследовать их необходимо «снизу» (с позиции обычных людей, их взглядов и потребностей).

Также Э. Хобсбаум говорит об искусственном конструировании, о социальной инженерии. В процессе изобретения нации он выделяет три главных инновации: появление и развитие системы начального образования для всех слоев населения; изобретение больших публичных церемоний, приобретающих масштаб и значение национальных праздников; и, наконец, третья инновация – производство общественных монументов в большом количестве. Вымышленные традиции являются продуктом деятельности интеллектуальных элит, служат их интересам, а также для направления энергии масс. В качестве примера он приводит СССР, создавший нации союзных республик, главным образом, через языковое строительство.

Согласно концепции Э. Хобсбаума, язык является наполовину искусственной конструкцией. Этничность также играет малую роль в национализме. Решающая и главенствующая роль принадлежит памяти о принадлежности к устойчивому политическому сообществу.

Э. Гидденс⁴⁶ определяет нацию как общность, которая существует на четко ограниченной территории, которая подчиняется единой администрации

⁴⁶ Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М., 2003. 528 с.

и контролируется собственным государственным аппаратом и аппаратами других государств.

Дж. Бройи опирается на следующее определение нации – «конкретная группа, обособленная от всех остальных человеческих существ»⁴⁷. Национализм в его теории выступает в качестве политики. Нация обязательно должна обладать политической автономией в форме суверенного государства. Политическая, экономическая и юридическая идентичности составляют основу современной национальной идентичности. Роль модернизации государства является решающей в процессе построения национальной идентичности. Он также не считает национальную идентичность преемницей этничности.

Третья группа теорий, опирающаяся на социокультурную сферу в анализе нации и национальной идентичности, представлена трудами Б. Андерсона, Э. Геллнера, М. Хроха.

Э. Геллнер⁴⁸ ссылается на то, что только одна десятая всех культур стремится стать нациями, создать собственное государство. Национальная идентичность конструируется на базе солидарности и сопричастности индивидов, на основе их общего наследия и добровольной идентификации, свободного выбора. Согласно Э. Геллнеру «национальная идентичность» – это «идентификация граждан с публичной городской высокой культурой, а нация – это выражение высокой культуры в социальной и политической сферах»⁴⁹. Под понятием «высокая культура» имеется ввиду письменная культура, которая была привита с помощью стандартизированной системы образования. Исследователь отрицает наличие преемственности между старыми «низкими» и современными «высокими» культурами. То есть, получается, что в современном обществе человек идентифицирует себя с

⁴⁷ Бройи, Дж. Подходы к исследованию национализма. М., 2002. 416 с.

⁴⁸ Геллнер, Э. Нации и национализм. М., 1991. 320 с.

⁴⁹ Смит, Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. С. 81

новой искусственной культурой, изобретенной интеллектуалами, и не имеющей отношения к культуре исконной.

Б. Андерсон в книге «Воображаемые сообщества»⁵⁰ рассуждает о сложности определения «нации» и «национальности», не говоря уже об их анализе. Он предлагает следующее определение «нации»: «воображаемое политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное»⁵¹. Воображаемой нация является потому, что члены одной нации никогда не знают большинства своих собратьев, но при всем этом в сознании каждого из них есть образ их общности. Ограниченным такое сообщество является по той причине, что за пределами любой нации существуют другие нации. Б. Андерсон сравнивает национализм и религию, так как в них связываются умершие и живые посредством символов поминовения. В качестве еще одного фактора возникновения нации он называет языковую разнородность. «Воображаемое» в теории Б. Андерсона должно быть обязательно репрезентировано, что оно не есть «фабрикация», а является именно «вымыслом».

М. Хрох⁵² выделил три основных этапа национальной мобилизации элит и масс:

- сначала небольшой круг интеллектуалов заново открывает национальную культуру, прошлое народа и формулирует идею нации;
- далее следует процесс распространения идеи нации, сопряженный с приданием политического характера культурного национализма;
- на последнем этапе народ поддерживает идею нации, возникает массовое движение.

В качестве примера он приводит формирование нации среди малых народов в Восточной Европе на рубеже XIX–XX веков.

⁵⁰ Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. 288 с.

⁵¹ Андерсон, Б. Там же. С. 30.

⁵² Hroch, M. Social preconditions of national revival in Europe: a comparative analysis of the social composition of patriotic groups among the smaller European nations. Columbia, 1985. 220 p.

Для теорий национальной идентичности постмодерна характерным является то, что исследователи стали подвергать критике евроцентрические концепции нации, национализма и национальной идентичности. Кроме того, современные исследователи обратились к проблемам, которые ранее не были связаны с вопросами национальной идентичности. Это такие проблемы, как гендер, расы, меньшинства, процесс глобализации и другие.

И. М. Мусаев отмечает следующее: «В широком смысле можно выделить две основные темы, которые постоянно звучат в постмодернистском анализе. Первая из них – производство и воспроизводство национальной идентичности через массовую культуру. Для ее раскрытия требуется не только сконцентрировать внимание на коммуникационных технологиях и популярных жанрах, до сих пор не освещаемых в рамках академических дискуссий, но и выявить значения и ценности, пропагандируемые посредством этих технологий, раскрывая тем самым отношения власти, лежащие в их основе»⁵³.

Например, У. Г. МакНейл⁵⁴ говорит о полиэтничности. Нация, с его точки зрения, не более чем преходящее явление. В будущем он прогнозирует распад национального государства. Подобный взгляд на природу нации и национальной идентичности позволяет рассматривать следующие вопросы: возможность распада национальной идентичности, ее утраты и смены на мультикультурализм; роль гендера в формировании национальной идентичности; роль процесса глобализации в трансформациях национальной идентичности. Для любой цивилизации, по мнению У. Г. МакНейла, полиэтничность является нормой, тогда как моноэтничность – признак варварства.

А. Макклинтон исследует роль женщин, их участие в национальных проектах, работая в русле гендерной проблематики в связи с национальной идентичностью. По мысли ученого национализм приобретает свою форму в

⁵³ Мусаев, И. М. Современные подходы к изучению национализма // Человек, Общество, Управление. 2006. № 1. С. 39.

⁵⁴ McNeill, W. H. Polyethnicity and national unity in world history. Toronto, 1986. 85 p.

виде ритуальной организации объектов фетишизма – флагов, гимнов, народов, архитектуры, форм массовой культуры и других.

Выделяются исследования идентичности людей, находящихся в «пограничном» национальном состоянии (этнические меньшинства, иностранные рабочие, иммигранты). Так, Х. Бхабха⁵⁵ отмечает, что в современной Европе в связи с огромным притоком переселенцев из бывших европейских колоний, а также гастарбайтеров и иммигрантов национальная идентичность утратила свою однородность и потеряла связь с народом, ее можно охарактеризовать как фрагментированную.

П. Алтер⁵⁶ разработал концепцию культурной национальной и политической гражданской идентичностей. Согласно его концепции, культурную национальную идентичность определяют традиции, язык, место проживания, религия, обычаи, история. Для политической гражданской идентичности характерны наличие политического сознания равенства перед законом у граждан.

С. Шулман⁵⁷ считает, что национальная идентичность является многоуровневой системой, в которую включены этническая (происхождение, раса), культурная (язык, религия, традиция) и гражданская (общность территории, гражданства, система политических принципов и идеология, политические институты и равенство политических прав, желание и согласие быть частью нации) идентичности.

На основании проведенного обзора теорий национальной идентичности представляется возможным сделать ряд выводов:

– выделяются различные взгляды на природу и время возникновения нации (дана от природы, является искусственным конструктом, связана или же совершенно не связана с этничностью и т. д.), в связи с этим и на способы конструирования национальной идентичности;

⁵⁵ Bhabha, H. K. Nation and narration. London ; New York, 2013. 352 p.

⁵⁶ Alter, P. Nationalism. London, 1994. 140 p.

⁵⁷ Shulman, S. Ethnic and West: East Dichotomies in the Study of Nationalism // Comparative Political Studies. 2002. Vol. 35. N 5. 585 p.

– рассмотрены понятия, которые важны в дальнейшем анализе теорий уже русской идентичности, такие как «национальный дух», «национальный характер», «душа нации»;

– в самых ранних теориях, описывающих нацию, мыслители обращают свое внимание на сферу народного творчества как непосредственно связанного с миром фантазии, а также на архетипические образы, бытующие в мифологии народа (идеи И. Г. Гердера, Г. В. Ф. Гегеля, Ф. В. Шеллинга, Э. Смита, Дж. Армстронга), анализ которых необходим для понимания характера, культуры, особенностей народа или нации;

– выделены различные теории, предполагающие глубинный анализ самых разных сторон жизни народа, которые рассматриваются либо как взаимосвязанное целое (В. Дильтей), либо как ведущие факторы в процессе создания национальной идентичности (особенно характерно для постмодернистских теорий);

– часть теорий рассматривает особую роль художников, интеллектуалов, историков (Дж. Хатчинсон, Т. Нейрн, Э. Геллнер, М. Хрох);

– следует выделить теории, которые рассматривают создание определенных традиций, мифов, обычаев и т. д., транслируемых через символы (Э. Хобсбаум, Т. Нейрн, Б. Андерсон);

– теории постмодернистов определяют основные проблемы современных наций и национальной идентичности, выделяют идею национальной идентичности как многоуровневой системы.

Опираясь на полученные выводы, следует далее обернуться в сторону анализа воображения, поскольку в теориях всех рассмотренных парадигм (от примордиализма до постмодернизма) исследователи обращают внимание на сферу, связанную с психологией, умом, интеллектом, образами. Кроме того, в дальнейшем необходимо дать обзор теорий, которые связаны непосредственно с конструированием русской культурной идентичности.

1.2 Русская культурная идентичность как предмет культурологических исследований

Подробный обзор теорий национальной и этнокультурной идентичностей сделан в нескольких исследовательских работах ученых кафедры культурологии Сибирского федерального университета: А. В. Кистовой, Н. Н. Середкиной, К. В. Резниковой. В связи с этим в данном параграфе мы остановимся только на общем описании и некоторых аспектах теорий русской культурной идентичности в трудах отечественных ученых.

А. В. Кистова⁵⁸ в своем диссертационном исследовании показывает, как этнокультурная идентичность преобразуется в общенациональную идентичность. Данному вопросу посвящена также статья А. В. Кистовой и Н. П. Копцевой⁵⁹.

Схожее исследование представлено и в работе Н. Н. Середкиной⁶⁰, которая рассматривает основные подходы к изучению этнокультурной идентичности, выделяет два основных подхода в изучении этничности: примордиалистский и конструктивистский.

К. В. Резникова⁶¹ дает характеристику теориям, посвященным конструированию общенациональной идентичности в России постсоветского времени: А. Ашкерова⁶², А. И. Куропятника⁶³, О. Щедриной⁶⁴, В. А.

⁵⁸ Кистова, А. В. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичностей на основе этнографического подхода в социальной философии : автореферат дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Красноярск, 2013. 22 с.

⁵⁹ Копцева Н. П., Кистова А. В. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичности как философская проблема // Философия и культура. 2015. № 1. С. 12-19.

⁶⁰ Середкина, Н. Н. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе : автореферат дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Красноярск, 2013. 25 с.

⁶¹ Резникова, К. В. Социальное конструирование общенациональной идентичности в Российской Федерации: дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Красноярск, 2012. 22 с.

⁶² Ашкеров, А. Ю. Между живым прошлым и ускользающей Современностью // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. №. 4. С. 69–103.

⁶³ Куропятник, А. И. Мультикультурализм, нация, идентичность (перспективы мультикультурного развития России) // Глобализация и культура: аналитический подход. Спб., 2003. С. 126– 150.

⁶⁴ Щедрина, О. В. Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 67–74.

Тишкова⁶⁵. Также она уделяет особое внимание тем исследованиям, в которых рассматривается выбор основания для конструирования идентичности, в частности, это работа Ю. В. Олейниковой⁶⁶. К. В. Резникова также придерживается точки зрения, что на основании этнокультурной идентичности выстраивается общенациональная идентичность.

В качестве основного механизма, задействованного в процессе конструирования русской идентичности, часть исследователей называет политику. Так, например, Г. Зверева в статье «Русский проект: конструирование позитивной национальной идентичности в современном российском государстве и обществе»⁶⁷ рассматривает построение позитивной русской идентичности в пространстве политики, концепты, которые используются властными структурами, среди которых, в частности, концепт «Российская цивилизация». Г. Звереву интересует, как осуществляется конструирование национальной идентичности в учебниках истории и в медиа-среде. Также она говорит об официальных праздниках как особых практиках для утверждения позитивной национальной идентичности. В статье обсуждается дискурсивное строительство государственной нации.

А. Г. Смирнов, И. Ю. Киселев в работе «Идентичность в меняющемся мире»⁶⁸ считают, что формирование идентичности относится к функциям внутренней и внешней политики. Они констатируют, что этническая и государственная идентичности расщеплены в сознании россиян, в связи с чем обсуждают проблемы соотношения нации и этноса в России. Период который переживают россияне, они определяют как период спутанной идентичности. П. В. Панов в исследовании «Национальная идентичность,

⁶⁵ Тишков, В. А. Национальная идентичность и духовно-культурные ценности российского народа. Спб., 2010. 36 с.

⁶⁶ Олейникова, Ю. В. Культурные репрезентации в структуре этнической идентификации : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06. М., 2008. 243 с.

⁶⁷ Зверева, Г. Русский Проект: Конструирование Позитивной Национальной Идентичности В Современном Российскомгосударстве И Обществе // Eurasian Review. 2008. Т. 1. №.3. С. 15– 46.

⁶⁸ Киселев, И. Ю., Смирнова, А. Г. Идентичность в меняющемся мире: учеб. пособие. Ярославль, 2002. 300 с.

варианты социального конструирования картины мира»⁶⁹ видит основные способы конструирования идентичности через политику, которая активно использует символы и мифы. В. И. Пантин⁷⁰ говорит о сложности формирования идентичности в связи с исконной полиэтничностью населения и его инерцией на ментальном уровне. В качестве основ идентичности называет язык, историю, русскую и российскую культуру, православное христианство и ислам, традиции и обычаи.

К. Г. Холодковский в статье «Российская идентичность – колеблющаяся идентичность»⁷¹ отмечает проблемы современной национальной идентичности граждан России в контексте исторического прошлого страны, делает акцент на противоречивости и дуализме самоидентификации.

Некоторые исследователи делают акцент на истории как факторе, способствующем формированию русской культурной/национальной идентичности.

С. В. Картунов⁷² обозначает проблемы, связанные с процессом глобализации, рассматривает евразийство как попытку найти новую российскую идентичность. Также он выделяет политические и исторические ресурсы в качестве построения идентичности. В. А. Тишков в работе «Единство в многообразии»⁷³ рассматривает вопрос о том, какое место занимает Россия среди государств, которые создают конструкцию «единство в многообразии». Также он считает, что «российская идентичность является надэтнической, и она не отменяет идентичность и целостность этнонаций.

⁶⁹ Панов, П. В. Национальная идентичность, варианты социального конструирования картины мира // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции. М., 2011. С. 47–50.

⁷⁰ Пантин, В. И. Особенности и противоречия формирования национально-цивилизационной идентичности в России // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции. М., 2011. С. 154–156.

⁷¹ Холодковский, К. Г. Российская идентичность – колеблющаяся идентичность // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции М., 2011. С. 151–53.

⁷² Картунов, С. В. Национальная идентичность: Постижение смысла // Качество. Инновации. Образование. 2014. № 3. С. 55–61.

⁷³ Тишков, В. А. Единство в многообразии: публикации из журнала Этнопанорама 1999-2011 гг. Оренбург, 2011. 232 с.

Таким образом, Россия – это нация наций»⁷⁴. Конструирование российской национальной идентичности он видит возможным и необходимым в нескольких направлениях:

- географические образы сказываются в конструировании региональной и местной идентичностей, природный ландшафт в качестве основы для создания культурных национальных брендов;

- административно-политические действия оказывают сильнейшее влияние на формирование идентичности;

- история России и ее адекватное преподавание в школах, поскольку очень много литературы проникло в образование, не соответствующей действительности и основанной на домыслах и фантазиях;

- культура и спорт.

Л. М. Дробижева рассуждает о соотношении государственно-гражданской и этнической идентичностей. В своей статье «Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде» она представляет итоги исследования того, как жители республик идентифицируют себя с русским этносом. «Этническая идентичность русских в результате особенностей исторического развития, в том числе советского периода, мало связана, как показали материалы исследований, с культурными маркерами и больше базируется на государственности, зависит от политического контекста, доверия к власти»⁷⁵.

И. В. Малыгина⁷⁶ говорит о специфике русской культурной идентичности в связи с ее становлением в истории. Среди отличительных черт русской культуры она называет высокую полиэтничность, сильное влияние внешних культур на собственно русскую, таких как византийская, западноевропейская, мусульманская, долгое отсутствие общенационального языка, концентрация социальной жизни в крупных центрах. Также

⁷⁴ Тишков, В. А. Там же. С. 178.

⁷⁵ Дробижева, Л. М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. 2010. № 12. С.57.

⁷⁶ Малыгина, И. В. Национализм как форма культурной идентичности и его российская специфика // Общественные науки и современность. 2004. № 1. С. 147–153.

исследователь определяет два типа национализма: государственный с опорой на русский язык как общенациональный и государственный, и, по определению автора, либеральный, для которого главным маркером для национальной идентичности является культура.

Другие исследователи придерживаются мнения о том, что главными факторами, формирующими русскую культурную/национальную идентичность, должны являться культурные феномены. Например, Ю. Г. Марченко в статье «Народная традиционная культура и проблемы русской национальной идентичности»⁷⁷ определяет, что народная традиционная культура является фундаментом национальной культуры, обладает функцией сохранения национальной идентичности.

А. В. Лукина⁷⁸ с позиции конструктивизма рассматривает построение национальной идентичности в России во второй половине XIX века. Ведущую роль в данном процессе она отводит средствам массовой информации. Кроме того, отмечается важная роль открытия Исторического музея, а затем Третьяковской галереи и Русского музея. Большое значение также имели произведения художников-передвижников. Вторая половина XIX века рассматривается как эталонный период в теории и практике конструирования русской культурной идентичности.

О. Д. Зайцева⁷⁹ рассматривает художественно-эстетическое образование как инструмент, способствующий преодолению негативных форм национальной идентичности, способный решить кризисную ситуацию с национальной идентичностью в России. Русская культурная идентичность, если следовать определению автора, складывается из двух уровней: этнического и гражданского. О. Д. Зайцева определяет, что язык, культура и история относятся к этническому плану русской идентичности, тогда как

⁷⁷Марченко, Ю. Г. Народная традиционная культура и проблемы русской национальной идентичности / Ю. Г. Марченко // ИНТЕРЭКСПО ГЕО-СИБИРЬ. 2010. Т. 6. С. 1–6.

⁷⁸Лукина, А. В. Технологии производства и утверждения национальной идентичности // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М., 2006. С. 233–252.

⁷⁹Зайцева, О. Д. Художественно-эстетическое образование как условие формирования позитивной национальной идентичности гражданина РФ // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 2. № 4. С. 103–110.

гражданский уровень является более сознательным. Таким образом, русская культурная идентичность формируется на сознательном и подсознательном уровнях, и именно два этих уровня включают в себя художественно – эстетическое образование. Только посредством его, с точки зрения автора, представляется возможным сконструировать позитивную национальную идентичность.

Необходимым представляется также уделить внимание одному из немногих исследований зарубежных ученых, посвященному национальной русской идентичности. Речь идет о книге «Национальная идентичность в русской культуре» под редакцией Дж. Франклина. Авторы предлагают рассмотреть нацию как «текст в широком смысле, который создается в связи между государством и народом, между политикой и практикой, а также «создателями культуры» в широком смысле»⁸⁰. Также они различают понятия «российский» и «русский». Национальная идентичность представляется как сложный конструкт, состоящий из различного рода идентичностей, которые исследователи предлагают проанализировать каждый в отдельности (историческая идентичность, географическая идентичность, через восприятие «своего» и «другого», религиозная идентичность, язык как фактор формирования идентичности). В качестве одного из инструментов конструирования национальной идентичности в одной из глав выбрана музыка, показаны ее фольклорные истоки, создание «мифа о трагичности души». Кроме того, рассматривается то, как идентичность проявляет себя через символы, памятники искусства, начиная со времен Древней Руси и заканчивая современной Россией.

В теориях отечественных исследователей выдвигается тезис о связанности национальной и культурной идентичностей, невозможности конструирования одного без другого.

⁸⁰ Franklin, S., Widdis, E. National identity in Russian culture: an introduction. Cambridge, 2006. 260 p.

Наиболее значимыми подходами к изучению русской идентичности и русского этноса в отечественной науке являются примордиалистский и конструктивистский подходы.

Большинство отечественных исследователей склонны рассматривать политические ресурсы в качестве наиболее эффективных в процессе формирования русской культурной/национальной идентичности.

Также некоторые исследователи определяют вторую половину XIX века и начало XX века в качестве эталонных периодов с точки зрения построения русской культурной/национальной идентичности, в том числе и потому, что тогда были выбраны определенные культурные практики, в частности в сфере художественного и народного творчества, активно влияющие на процесс формирования идентичности русского народа.

Русская культурная идентичность в трудах исследователей представляется как сложный многоуровневый конструкт. Выделяется подход исследователей к изучению идентичности, который рассматривает художественные тексты в качестве объектов, проявляющих специфику русской культурной идентичности.

1.3 Методологические возможности социологии воображения для анализа механизмов конструирования культурной идентичности

В данном параграфе необходимым является рассмотрение нескольких вопросов, которые возникли в ходе изучения теорий национальной идентичности: что есть «воображение» и как оно функционирует, как связана национальная идентичность с народными сказками и мифами. Углубленный анализ заявленной проблематики позволит точнее проанализировать особенности русской культуры и определить механизмы построения позитивной русской идентичности.

В параграфе представлен обзор деятельности группы ученых, занимавшихся проблемами воображения, целью параграфа является выделение основных идей и концепций, представленных в их трудах. Для определения всего спектра идей и подходов к исследованию воображения были выбраны труды ученых, работавших в русле психоанализа, религиоведения, культурной антропологии, искусствоведения. Кроме того, в параграфе дано краткое хронологическое описание истории изучения сказки и мифа как явлений культуры народа в западноевропейской и в отечественной науке.

Для начала предполагается рассмотреть идеи ученых, которые первыми стали заниматься изучением воображения, в частности, труды А. Корбена, затем более подробно изучить концепцию Ж. Дюрана. Также предполагается посмотреть исследования, связанные с мифом, труды западных и отечественных исследователей, связанные с изучением сказки, уделив особое внимание исследованиям отечественных ученых относительно русской народной сказки.

Начало социологических исследований воображения связано с появлением интеллектуального объединения «Эранос», в собраниях которого

принимали участие ученые самых разных направлений. Одним из инициаторов и вдохновителей этого собрания являлся К. Г. Юнг, идеи которого были в центре внимания всех участников. Следует отметить, что разработка проблематики воображения на Западе изначально велась как междисциплинарная, на основе концепции коллективного бессознательного К. Г. Юнга. Кроме того, ученые изначально стремились изучить и свести в единую систему религиозный, мистический эзотерический опыт Запада и Востока, в связи с этим большое внимание уделялось религиозным и философским воззрениям Древнего Востока. Основные положения теории коллективного бессознательного развивали социологи, антропологи, искусствоведы, религиоведы и философы, лингвисты. В круг интересов ученых, не только гуманитарных направлений, а также и естественно-научных, входило изучение архетипов, мифов, религии, искусства.

О деятельности группы ученых «Эранос» написано несколько крупных трудов. Первым исследованием, написанным на эту тему, является книга С. Вассерштама⁸¹, в которой он рассматривает вклад «Эранос» в области изучения религии, выделяет в связи с этим трех ученых: М. Элиаде, А. Корбена и Г. Шолема. Также он представляет в книге их биографии. Другой труд – «Pioniere, Poeten, Professoren»⁸² – представляет собой сборник статей, авторы которых уделяют больше внимания описанию биографий нескольких участников кружка (К. Г. Юнга, М. Элиаде, М. Бубера). Т. Хакль⁸³ в своем труде делает описание теоретической базы возникновения семинаров «Эранос», описывает основные труды и идеи участников. Особое внимание уделяет религиоведческим исследованиям. Среди трудов отечественных исследователей деятельности «Эранос» можно отметить «Социологию воображения»⁸⁴ А. Дугина, где он кратко дает описание истории семинаров, деятельности нескольких ученых, основное внимание сосредотачивая на

⁸¹ Wasserstrom, S. M. Religion after Religion. Princeton, 1999. 354 p.

⁸² Pioniere, Poeten, Professoren. Eranos und der Monte Verità in der Zivilisationsgeschichte des 20. Würzburg, 2004. 257 p.

⁸³ Hackl, H. T. Eranos: An Alternative Intellectual History of the Twentieth Century. Sheffield, 2013. 440 p.

⁸⁴ Дугин, А. Г. Социология воображения. М., 2010. 564 с.

теории Ж. Дюрана. П. Г. Носачев⁸⁵ рассматривает историю круга «Эранос», дает краткий очерк представлений об эзотерике К. Г. Юнга, М. Элиаде, Г. Шолема, анализирует труды других ученых на данную тему (У. Эко, А. Февра и др.). Также он описывает культурно-исторические реалии, на фоне которых развиваются исследования эзотерики, оккультизма и герметизма, объединяя это понятием «маргинальная религиозность».

В рамках нашего исследования мы будем рассматривать и описывать то, как освещена проблема изучения воображения в трудах ученых, а также основные подходы к изучению мифа и сказки.

Одним из первых исследователей проблематики воображения явился французский философ и исламовед А. Корбен, в сфере интересов которого была исламская философия суфизма и шиитский гностицизм. Большое внимание А. Корбен уделял изучению «воображаемых миров» в учениях исламских философов, в частности, в текстах суннитского суфия, теолога и основоположника учения о мистическом озарении Сохраварди, богослова и теоретика суфизма Ибн Араби, философа Аверроэса.

Творчество А. Корбена в основном рассматривается исследователями с позиционирования его как специалиста по исламской философии и религии. В предисловии к книге «Световой человек в иранском суфизме» Я. Эшотс⁸⁶ представляет биографические сведения о самом ученом, кратко характеризует основные его идеи. В. Жданов⁸⁷ упоминает А. Корбена как основателя одной из первых кафедр, специализирующихся на изучении эзотерических учений. Творческое наследие А. Корбена как религиоведа изучают такие специалисты, как С. Вассерштам⁸⁸, Т. Читем⁸⁹, которые достаточно подробно характеризуют философские взгляды ученого. В

⁸⁵ Носачев, П. Г. Западный эзотеризм как сфера религиозно-философских исследований // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2013. № 47 (3). С. 127–135; Носачев, П. Г. «Отреченное знание»: изучение маргинальной религиозности в XX и начале XXI века: Историко-аналитическое исследование. М., 2015. 336 с.

⁸⁶ Эшотс, Я. Предисловие // А. Корбен. Световой человек в иранском суфизме. М., 2009. С. 237.

⁸⁷ Жданов, В. В. Изучение эзотерики в Западной Европе: Институты, концепции и методики // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. История. Психология. Философия. СПб., 2009. С. 5–27

⁸⁸ Wasserstrom, S. M. Religion after Religion. Princeton, 1999. 354 p.

⁸⁹ Cheetham, T. The world turned inside out: Henry Corbin and Islamic mysticism. Woodstock, 2003. 185 p.

рамках настоящего диссертационного исследования нас интересует концепция воображения А. Корбена и связанные с ней понятия.

В статье «Мир воображения» А. Корбен вводит понятие «*mundus imaginalis*», понимая под ним промежуточный мир между материальным чувственным миром и духовным умопостигаемым миром. А. Корбен исследует промежуточное состояние между сновидением и бодрствованием. При этом он подчеркивает разницу между понятиями «воображение» и «воображаемое» в западной и восточной, в данном случае, исламской, традициях. По его словам, невозможность употребления слова *imageneru* связана с тем, что в западном обыденном понимании оно имеет значение чего-то нереального, находящегося за пределами бытия, существования. В восточной же традиции то, что является предметом интереса А. Корбена, имеет статус реального: «Этот мир, полностью объективный и реальный, где всё существующее в чувственном мире имеет свой аналог, не воспринимаемый, однако, чувствами, есть мир, обозначаемый как «восьмой климат», восьмая область»⁹⁰. Он анализирует текст Сохраварди «Малиновый Архангел», в котором ведется речь о пространстве нахождения визионера. Здесь возникает понятие «Страна Ни-где» («*Nâ-Kojâ-Abâd*»), это одновременно и протяженное пространство, и место за пределами места. Войти в такое пространство можно специфическим способом: «Несомненно, это не имеет отношения к изменению локализации, к физическому перемещению из одного места в другое, как это происходит в случае с местами, располагающимися в простом однородном пространстве... Это вопрос вхождения во внутреннее и, через прохождение во внутреннее, нахождение себя самого. Парадоксальным образом это происходит «вовне», или на языке наших авторов, «на выпуклой стороне» Девятой Сферы – другими словами, «по ту сторону горы Каф». В сущности, это есть отношение между внешним, видимым, экзотерическим (греческое *ta exo*,

⁹⁰ Корбен, А. Мир Воображения // Дельфис. 2013. № 73. С. 90–97. URL: <http://www.delphis.ru/journal/article/mir-voobrazheniya>

арабское *zahir*) – и внутренним, невидимым, эзотерическим (греческое *ta eso*, арабское *batin*), или между природным миром и духовным миром. Покинуть где, категорию *ubi*, означает покинуть внешние и естественные явления, содержащие скрытые внутренние реальности подобно тому, как миндаль скрыт под скорлупой»⁹¹.

А. Корбен указывает на то, что в текстах Сохраварди описан процесс вхождения внутрь, в духовный мир, который становится всеохватывающим, содержащим все то, что прежде было внешним и видимым. Также он кратко характеризует существующие в исламской традиции миры и соответствующие им органы познания: первый – чувственный и органы чувств, второй, тот, что является предметом анализа ученого, – сверхчувственный и воображение, и, наконец, третий, – вселенная чистых архангельских Интеллигенций и интеллект. Исследуя исламские религиозные тексты, А. Корбен формулирует идею того, что описание воображаемого мира характерно для культуры любого народа.

А. Корбен различает «активное» (метафизическое) и «пассивное» воображение (чувства и переживания человека, которые спонтанно преобразуются во сне, оно имеет вторичный характер по отношению к миру бодрствования, оно есть фантазия, поскольку допускается свободная манипуляция с данными из внешнего опыта).

Органом, с помощью которого возможно вхождение в «*mundus imaginalis*», он называет «активное» воображение». Благодаря этому органу возможно преобразование внутренних духовных состояний во внешние явления – видения, которые, в свою очередь, символизируют эти внутренние состояния. Воображение является духовной способностью, совершенно независимой от физического тела. Воображение должно воспринимать и воспроизводить символы, которые ведут к внутреннему сознанию, в противном случае оно не выполняет свою функцию, что ведет к духовному

⁹¹ Корбен, А. Мир Воображения // Дельфис. 2013. № 73. С. 90–97. URL: <http://www.delphis.ru/journal/article/mir-voobrazheniya>

кризису и упадку, к тому, с чем столкнулся, по мнению А. Корбена, западный мир.

В своем исследовании «Световой человек в иранском суфизме» он подробно описывает процесс визионерского восприятия: вначале восприятие направлено на образы, порождаемые чувственным миром, посредством зрения, затем же с помощью воображения они облачаются в символическую форму. Он исследует также концепцию строения «светового человека», его возможности вхождения в пространство иного мира. А. Корбен исследует восприятие пространства восточного и западного человека, говорит о психодуховной трехмерности человека. День сознания является промежутком между светоносной ночью сверхсознания и мрачной ночью бессознательного.

А. Корбен также поднимает проблему неправильного истолкования понятия «образ», говорит о том, что в современном мире истинные значения образов утрачиваются, что их восприятие стало сводиться лишь к чувственному уровню. Искусство и воображение исламского мира отличаются от своих западных вариантов, поскольку они предполагают, как неоднократно подчеркивает ученый, реальность присутствия в мире ином, возможность свидетельствовать об этом мире.

Эти идеи А. Корбена активно развивал его ученик Ж. Дюран (1929-2012), французский антрополог, философ и религиовед, который исследовал функции и формы воображения; последователем его теорий был также М. Мафессоли (1944), изучающий проблематику воображаемого с точки зрения социологии. Ж. Дюран, в частности, уточнил понятие «l'imaginaire», введенное своим учителем, ввел понятие «антропологического траекта», разработал типологию мифов (мифы диурна, мифы драматического и мистического ноктюрна), связав их с психологическими состояниями человека. Данную концепцию предполагается рассмотреть отдельно и более подробно.

Исследованием мифов занимались многие участники собраний «Эранос». Например, М. Элиаде, предметом интереса которого было исследование концепта «время» в мифах и в истории, различия в восприятии времени человеком современным и человеком в традиционном архаичном обществе («Миф о вечном возвращении»⁹²), исследование значений ритуала, сравнение мифологического и религиозного сознания («Аспекты мифа»⁹³), взаимосвязь между религией и искусством, изучение того, как произведения искусства выполняют мифологическую функцию («Символизм, сакральное и искусство»⁹⁴).

Исследованию специфики метода М. Элиаде посвящены статьи А. А. Горохова⁹⁵, А. П. Забияко⁹⁶. О концепции времени и пространства, изложенной в трудах и художественных произведениях М. Элиаде, писали С. В. Пахомов⁹⁷, В. В. Иванов⁹⁸, о представлении мира иного в трудах М. Элиаде пишут О. А. Медведева⁹⁹, О. К. Михельсон¹⁰⁰, исследованию шаманизма посвящена статья Е. В. Ревуненковой¹⁰¹. Междисциплинарное исследование научных, литературных и автобиографических произведений М. Элиаде представлено в труде «Ожидая рассвет»¹⁰², также о творчестве ученого писали С. Р. Брайан¹⁰³, Дж. Д. Дадоски¹⁰⁴, К. Олсен¹⁰⁵.

⁹² Элиаде, М. Миф о вечном возвращении. М., 2000. 414 с.

⁹³ Элиаде, М. Аспекты мифа. М., 2010. 256 с.

⁹⁴ Eliade, M. Symbolism, the sacred, and the arts. N.Y., 1992. 208 p.

⁹⁵ Горохов, А. А. Мирча Элиаде как феноменолог религиозного опыта // Религиоведение, Амурский государственный университет. 2009. № 4. С. 103–113.

⁹⁶ Забияко, А. П. Мирча Элиаде: методология в контексте индивидуально-психологических и религиозных особенностей личности // Религиоведение, Амурский государственный университет. 2008. № 1. С. 180–186.

⁹⁷ Пахомов, С. В. Мистическая трансформация времени и пространства в художественных произведениях Мирчи Элиаде // Arbor Mundi (Мировое древо). 2011. № 18. С. 25–37.

⁹⁸ Иванов, В. В. Время и возвращение // Иностранная литература. 1989. № 8. С. 140–141.

⁹⁹ Медведева, О. А. Иллюзия: пещерная жизнь или бегство от реальности. Символизм Платона и фантастический реализм Мирчи Элиаде // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11. № 4. С. 68–73.

¹⁰⁰ Михельсон, О. К. Концепция небесного паттерна М. Элиаде и его трактовка представлений о смерти и загробном мире // Образ рая: от мифа к утопии. Спб., 2003. С. 95–99.

¹⁰¹ Ревуненкова, Е. В. Проблемы шаманизма в трудах М. Элиаде // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979. С. 241–258.

¹⁰² Carrasco, D., Law, J. M. Waiting for the dawn: Mircea Eliade in perspective. Colorado, 2009. 194 p.

¹⁰³ Bryan, S. R. Reconstructing Eliade: Making Sense of Religion // Religious Studies. Albany, N. Y., 1997. Т. 33. № 03. С. 349–360.

¹⁰⁴ Dadosky, J. D. The Structure of Religious Knowing // Toronto journal of theology. 2005. Vol. 21. № 2. P. 321.

¹⁰⁵ Olson, C. The theology and philosophy of Eliade: a search for the centre. Palgrave Macmillan, 1992. 218 p.

В книге «Символизм, сакральное и искусство» М. Элиаде рассматривает религию и искусство в их взаимосвязи, сопоставляет структуру мифологии и современных произведений искусства, которые по аналогии с мифом в древности выполняют ту же функцию в современной культурной жизни общества. Особое внимание в данном исследовании ученый уделяет визуальным образам, религиозности произведений искусства, способности их к отражению сакрального.

Другой участник собраний «Эранос», П. Радин, ввел новый термин «трикстер», означающий героя с противоречивыми, двойственными природой и характером, принадлежащего миру реальному и сакральному одновременно, проявляющего различные качества человеческого характера, как положительные, так и отрицательные.

Среди тех, кто изучал мифы, можно выделить Дж. Кэмпбелла, наиболее известны следующие его произведения: «Герой с тысячей лицами» (1949), «Маски Бога» (1959-1968), «Мифы, в которых нам жить» (1972), «Мифический образ» (1974). В книге «Мифы, в которых нам жить» он исследует психологическую особенность человека, связанную с тем, что он, в первую очередь, подчиняет свою жизнь мифологическому мышлению, и только во вторую – экономическим нуждам. Дж. Кэмпбелл анализирует мифы и легенды; говорит об опасности, связанной с утратой мифического мышления: «Именно на мифах основаны нравственные устои общества и именно канонизированные мифологии становятся религиями. Поскольку воздействие науки на миф ведет – судя по всему, неизбежно – к утрате морального равновесия, следует задаться вопросом: возможно ли подтвердить жизнеутверждающий характер мифов строго научными средствами и, критически взвешивая архаичное содержание древних преданий, в то же время избежать ложного толкования и отрицания мифов»¹⁰⁶. Так же он говорит и о негативном влиянии сохранения догматизма старых верований, которые не согласуются с данными науки, о

¹⁰⁶ Кэмпбелл, Дж. Мифы, в которых нам жить. София, 2002. С. 132.

необходимости создания новых, современных мифов. Дж. Кэмпбелл говорит о том, что посредством мифов человек способен познать не только внутренний душевный мир, но и окружающий его мир. «Сосредоточенность на собственных сновидениях и унаследованных мифах отвлекает сознание от современного мира, закрепляет архаичные, непригодные для нынешней жизни чувства и образ мышления»¹⁰⁷, именно поэтому он подчеркивает необходимость диалога между внешним и внутренним посредством символических форм.

В этом же своем исследовании Дж. Кэмпбелл соотносит мифологические образы с внутренним духовным состоянием человека, его сознанием (миф об Эдеме). Мифология, согласно его концепции, представляется как выражение сверхопытных прозрений. Также он исследует особенности восточного (индуистского и буддистского) искусства, его связь с мифами и религиозными практиками.

В другом своем труде – «Мифический образ» – Дж. Кэмпбелл рассуждает о мифе как о макрокосме, а о сне – как о микрокосме. Через миф человек ощущает единство с мировым космическим универсумом, через такое переживание он способен развить чувство личной идентичности, а также может идентифицировать свои индивидуальные психические процессы и состояния с принципами космического мироустройства. Он утверждает, что миф и сновидение имеют одну и ту же природу в силу того, что они оба рождаются из внутреннего мира человека, который сознание, будучи бодрствующим, не может познать. «Мифические формы можно рассматривать либо как указывающие вовне, на загадки всеобщей значимости, либо как функции сугубо ограниченных – этнических и даже личных – особенностей»¹⁰⁸.

Искусствоведы, участвовавшие в конференциях «Эранос», также затрагивали проблематику воображения. Изучением воображения в области

¹⁰⁷ Кэмпбелл, Дж. Мифы, в которых нам жить. София, 2002. С. 136.

¹⁰⁸ Кэмпбелл, Дж. Мифический образ. М., 2002. С. 22–23.

искусства занимался Р. Юиг, работы которого мало известны русскоязычному читателю. Среди его работ можно выделить «Диалог с видимым», где он говорит о том, что для западной цивилизации характерным является приоритет визуальных образов. Произведения искусства обладают функцией, позволяющей человеку осуществлять коммуникацию с миром.

Более подробно подобные взгляды можно рассмотреть на примере творчества Г. Рида, английского литературного и художественного критика, поэта, искусствоведа, организатора художественных выставок. Его основные произведения, относящиеся к заявленной теме: «Искусство и бессознательное» (1968), «Искусство и общество» (1945), «Понимание искусства» (1968), «Философия современного искусства» (1952).

В статье «Динамика искусства», одной из немногих переведенных на русский язык, он говорит о том, что искусство является формой символического разговора, а произведение искусства относится к сфере визуального познания. «Искусство – это форма символического разговора и его элементы не лингвистические, но перцептивные»¹⁰⁹. Его взгляд на личность и особенности художника близок к концепциям М.-Л. фон Франц и А. Корбена, поскольку он сравнивает художника с мистиком и алхимиком, говоря об их психологическом сходстве. Он пишет следующее: «Только художники, обладающие богатством восприятия и готовностью к выражению, осознают формальное значение определенного «созвездия» событий в поле явлений. Великие наития приходят в умы, приведенные в состояние аномальной бдительности постоянным упражнением своих талантов, – факт, который, возможно, объясняет психологические сходства, которые существуют между художниками и мистиками»¹¹⁰.

Он рассуждает о способности художника найти форму для воображения. Форма, согласно идее Г. Рида, находится между человеком и природой, художник является тем человеком, который способен придать

¹⁰⁹ Рид, Г. Динамика искусства // URL: <http://castalia.ru/eranos-perevody/1496-gerbert-rid-dinamika-iskusstva-1952.html>

¹¹⁰ Рид, Г. Там же.

природе форму, прежде чем овладеть ею. Художник мыслит формой, способен видеть природу как форму, чувствовать ее как форму. Говоря о роли искусства, он утверждает, что оно дает конкретное существование тому, что находится за пределами рационального рассуждения, что возможно только благодаря определенной игре воображения. Согласно его концепции, художник превращает первичный материал бессознательного в формы искусства, то есть искусство является путем от фантазии, воображения к реальности: «Формы искусства имеют значение лишь до тех пор, пока они архетипичны, и в этом смысле предопределены; и жизненны лишь до тех пор, пока они трансформируются чувствительностью художника, и потому свободны. Художник выпускает эти динамические энергии внутри своей собственной психики, и его особенность, его добродетель состоит в том, что он может направлять такие силы в дело: может «узнавать» их как формы из камня или металла, измерения пространства, интервалы времени. В этом смысле художник стал алхимиком, превращающим первичный материал бессознательного в те «чудесные камни», кристалльные формы искусства»¹¹¹.

Для пояснения сходства художника и мистика, можно обратиться к анализу алхимических текстов, предложенному М.-Л. фон Франц. Известны следующие ее труды на эту тему: «Алхимия. Введение в символизм и психологию» (1959), «Алхимическое активное воображение» (1979), «Восходящая Аврора: документ, приписываемый Фоме Аквинскому по проблеме противоположностей в алхимии» (1957). В тексте «Алхимическое активное воображение» она рассматривает историю развития алхимических учений с точки зрения концепций коллективного бессознательного и активного воображения, предложенных К. Г. Юнгом. В соответствии с концепцией автора, алхимия с древних времен делилась на два течения – экстравертное и интровертное. Сами алхимики не отделяли психику от материи. Если изучаемый вопрос наблюдался ими как бы со стороны,

¹¹¹ Рид, Г. Динамика искусства // URL: <http://castalia.ru/eranos-perevody/1496-gerbert-rid-dinamika-iskusstva-1952.html>

экстравертно, то тогда речь шла о материи; если же подход был интровертным, как бы изнутри – это относилось уже к коллективному бессознательному. Главным мотивом деятельности алхимиков Мария-Луиза фон Франц называет стремление узнать больше о духе. С этим связано и то, что в алхимической традиции существовала практика работы с собственными снами.

М.-Л. фон Франц поддерживает идею К. Г. Юнга о том, что алхимики, в своей деятельности не принадлежа какой бы то ни было традиции, могли получать новые знания из сферы бессознательного. Также она вводит понятие «активного воображения», поскольку именно в этом процессе алхимики делали свои открытия. Под активным воображением подразумевается разговор с собственными комплексами человека, которые тот стремится воплотить в воображении и фантазиях. Природа человека такова, что при столкновении с неизвестным, в данном случае, с загадками природы, его бессознательное воображение начинает проецировать гипнотические архетипические образы. Алхимики совершали медитацию над материалами, с которыми работали, и каждый из них совершал архетипические действия с материалами, играя и фантазируя с ними.

Французский социолог, антрополог и религиовед, участник семинаров кружка «Эранос» Ж. Дюран основал и развил в своих трудах новое направление социологии – «социологию глубин», или «социологию воображения». Социология Дюрана основана на мифологии, ученый предложил по-иному взглянуть на науку и научное знание, изменив традиционный со времен Платона подход к изучению: логос теперь познается с помощью мифоса, а не наоборот. Данная концепция в развернутом виде изложена в его сочинении «Антропологические структуры воображения»¹¹².

Непосредственно исследованию воображения, как оно рассматривается в трудах Ж. Дюрана, описанию его метода и перспективам его использования

¹¹² Durand, G. Les structures anthropologiques de l'imaginaire. Paris, 1984. 535 p.

посвящены работы М. Ксиберраса¹¹³, Дж. Бертина¹¹⁴, М. М. Джоя¹¹⁵, сборник трудов под редакцией М. Маффесоли¹¹⁶.

На идеи, методы Ж. Дюрана ссылаются в своих исследованиях М. Зупанчич¹¹⁷, Д. В. Харламова¹¹⁸, Л. Б. Зубанова¹¹⁹, В. В. Силин¹²⁰.

Описание основных идей, представленных в «Антропологических структурах воображения дано в работах О. В. Герасимовой, О. С. Степановой (в контексте изучения гламура как социального явления)¹²¹, В. В. Михайлова (в качестве метода понимания и конструирования русской философии)¹²², Г. Драненко (в ходе анализа литературных произведений)¹²³, А. Г. Дугина¹²⁴.

Ряд исследователей упоминает теорию Ж. Дюрана в контексте изучения воображения: Х. Серрано¹²⁵, Х.-К. Шириак¹²⁶, К. Брага¹²⁷ в общем обзоре рассматривает понятие «*imaginaire*» наряду с понятиями в трудах других ученых, касающихся исследования воображения, Р. Шульц вкратце

¹¹³ Xiberras, M. *Pratique de l'imaginaire. Lecture de Gilbert Durand*, Laval, 2002. 178 p.

¹¹⁴ Bertin, G. *Pour l'Imaginaire, principes et methods* // *Esprit Critique*. Vol. 04. № 2. 2002. URL: <http://194.214.232.113/0402/article2.html>

¹¹⁵ Joy, M. M. *Towards a philosophy of imagination: a study of Gilbert Durand and Paul Ricoeur*. Montreal, 1981. 420 p.

¹¹⁶ *La Galaxie de l'imaginaire. Dérive autour de l'œuvre de Gilbert Durand*. Paris, 1980. 260 p.

¹¹⁷ Zupancic, M. *Hermes and Aphrodite Encounters*. Summa Publications, Inc., 2004. 313 p.

¹¹⁸ Харламова, Д. В. Мотив апельсинового дерева как часть «мифа об Италии» в произведениях Стендаля // *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. 2012. № 1. С. 41–45.

¹¹⁹ Зубанова Л. Б. Актуальная маргинальность или некультурный герой современной культуры (теоретические аспекты и практики художественной репрезентации) // *Челябинский гуманитарий*, 2012. № 3. С. 75–79.

¹²⁰ Силин, В. В. Диалогизм и интертекстуальность // *Культура народов Причерноморья*. 2001. № 23. С. 120–130.

¹²¹ Герасимова, О. В., Степанова О. С. Историко-культурная реконструкция гламура в контексте модификации российского общества // *Аспирантский вестник Поволжья*. 2013. № 7–8. С. 22–30.

¹²² Михайлов, В. В. К проблеме становления русской философии // *Ученые записки Таврического национального университета им. Вернадского Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология»*. 2012. Т. 24 (65). № 1–2. С. 83–93.

¹²³ Драненко, Г. Поняття «міфологічного тла» в антропологічній теорії Уявного Ж. Дюрана // *Питання літературознавства*. 2010. Вип. 79. С. 114–123.

¹²⁴ Дугин, А. Г. *Социология воображения*. М., 2010. 564 с.

¹²⁵ Serrano, J. *The Imagined Return: Hope and Imagination among International Migrants from Rural Mexico* // URL: <http://ccis.ucsd.edu/wp-content/uploads/WP169.pdf>

¹²⁶ Chiriack, H.-C. *The Interaction between Social Imaginary and Descriptive Imaginary* // *ARGUMENTUM. Journal of the Seminar of Discursive Logic, Argumentation Theory and Rhetoric*. 2011. Vol. 9. № 2. P. 121–128.

¹²⁷ Braga, C. «Imagination», «*imaginaire*», «*imaginal*»: Three concepts for defining creative fantasy // *Journal of the Study of Religions and Ideologies*. 2007. Vol. 6. № 16. P. 59–68.

описывает «режимы ноктурна и диурна» в контексте адаптации теории Ж. Дюрана в области психиатрии¹²⁸.

В настоящем исследовании нам необходима теория Ж. Дюрана в качестве методологической основы для анализа произведений искусства и культурных характеристик социума, конструируемых в произведениях искусства. В связи с этим предполагается рассмотреть основные понятия и схематично представить структуру мифологического содержания «l'imaginaire».

Ж. Дюран вводит в качестве ключевого в своей социологии понятие «l'imaginaire», которое переводится на русский язык как «воображаемое».

Имажинэр – это первичное свойство, которое одновременно есть: способность; нечто, что воображает; то, что воображается; того, кто воображает; сам процесс; нечто, что является общим и предшествующим, собственно «воображаемое».

Ж. Дюран обращается к диалогу Платона «Софист», в котором даны определения двух типов воображения – «фантазии» и «эйказии». Кроме них Платон говорит еще о двух других реальностях: разуме и объективном мире. В том случае, когда с помощью чувств впечатления от внешнего мира передаются разуму правильно, действует «эйказия», или «позитивное», «верное» воображение. «Фантазия» же вносит путаницу, создает ошибки в передаче образа. Можно сказать, что граница, которая существует между внешним объективным миром и познающим этот мир, и есть «l'imaginaire»/«воображаемое». Ж. Дюран обращает внимание на тот факт, что традиционно в европейской философии этой границе не придавалось значения, он же предлагает другую точку зрения. Согласно его концепции, «воображаемое» является первичным, имеет свой онтологический статус. Воображение создает объект и субъект внешнего мира, находясь между ними. Оно есть то единственное, что существует.

¹²⁸ Schools, R. Anxiety in fairy tales and the anthropological structures of psychoanalytic // URL: http://jung-psychanalyse.be/download/SCHOLS_contesdefee_uk.pdf

Вторым важным понятием, которое вводит Ж. Дюран, является «антропологический траект». Означает оно следующее: «непрерывный обмен, происходящий в измерении воображаемого между субъективными и ассимилятивными импульсами индивидуума, с одной стороны, и объективным представлением общемирового и конкретного социальной среды»¹²⁹, это также и схема, маршрут. Через антропологический траект «l'imaginaire» проявляет себя и обнаруживает свою структуру. Далее Ж. Дюран развивает данное положение в следующем ключе: траект можно применить в области социологии (в этом случае социум является «обобщающим социальным траектом») и в области психоанализа (тогда человек мыслится как «траект коллективного бессознательного»). Человек видится как функция, именно через антропологию траект проявляется и обнаруживает свою структуру.

Миф – основная область исследования того варианта социологии, что создает Ж. Дюран. Это часть воображения, структурный компонент коллективного бессознательного, одновременно, нечто, что поддается осмыслению, осознанию.

А. Г. Дугин пишет следующее: «Имажинэр и смерть — вот основная онтологическая диада, дающая начало всем бесчисленным диадам мифа. Она рассеивается в сюжетах, образах, символах, ритуалах, обычаях, социальных институтах, отношениях, культурах, повестях»¹³⁰. Воображение заслоняет собой все перед лицом смерти. Все, что находится за пределами «l'imaginaire», является смертью.

Исследуя мифологическое содержание «l'imaginaire» Ж. Дюран выделяет три группы мифов («структурные полюса», или «схемы»: героические, драматические и мистические мифы) и на два «режима» – дневной («диурн») и ночной («ноктюрн»). Мы попытались представить данную концепцию в виде таблицы, где кратко представлена характеристика

¹²⁹ Durand, G. Les structures anthropologiques de l'imaginaire. Paris, 1984. P. 38

¹³⁰ Дугин, А. Г. Социология воображения. М., 2010. С. 88.

режимов и мифов, которые в них входят, благодаря чему легче выявить их различия и схожие черты (Таблица 1).

Таблица 1 – Характеристики режимов диурна и ноктурна
в теории Ж. Дюрана

Режим диурна	Режим ноктурна (становится на сторону своей противоположности – смерти)	
Героические мифы	Драматические мифы	Мистические мифы
Мужественность	Эвфемизация (в случае с драматическими мифами она не абсолютна) Женское начало – позитивно	
Движение, разделение, расчленение, дифференциация, отсоединение одного от другого	Интеграция негативного/смерти в общую синтетическую систему	Единение, унификация, целостная нерасчлененность
Основные сюжеты: борьба, война, сражения, поединки с животными, фантастическими существами и людьми. Сцены насилия и убийства	Основные сюжеты: смерть и последующее воскресение (пленение, заточение и последующее освобождение)	Основные сюжеты: проглатывание людей и других персонажей
Соотносится с постуральным рефлексом (вставание младенца), боязнь упасть и воля удержаться и подняться	Влечение к совокуплению и эротическому наслаждению (половой рефлекс). Важным в данном рефлексе является ритм, повторяемость	Дигестивный рефлекс, связанный с ним пищеварительный рефлекс. Иное преобразуется в себя. Интегрированность с миром, который воспринимается как дружелюбный, комфортный и полный источников наслаждения
Боязнь упасть, стремление подняться. Основные мотивы мифов и сказок: – полет и падение; – отвесные скалы; – свет; – битва с другим	Постоянное путешествие, ведущее к эротическому наслаждению	Постепенный спуск, скольжение, погружение, а не падение
Смерть воспринимается как другое. Борьба со смертью и временем. Все, связанное с ночью, демонизируется	Смерть воображается не совсем как смерть, время не ведет к смерти	
	Эвфемизация не абсолютна. Положительные дневные	Антифраза подразумевает называние какой-либо

	и отрицательные ночные символы сохраняются. За смертью следует новое рождение, время циклично	вещи противоположным именем (болезнь – здоровьем, жизнь – смертью и наоборот)
Аскеза, избегание контактов с женщинами, связанные с этим различные табу, предписания, правила. Женские образы отрицательны, связаны с животным началом	Образ невесты, жены, любовницы	Культ еды, ласки, уюта
Образы, явления, связанные со светом. Прежде всего свет солнца, который приобретает отстраненный характер. Герой действует днем	Свет преобразуется в цвет, осуществляется переход к огню (возникают такие атрибуты, как факел, свеча, костер)	
Действие очищения (омовение, крещение, окропление кровью и т.д.)	Поиск невесты и брак как финал этого поиска	Совместная трапеза
Атрибуты: меч и скипетр (считываются фаллическими символами, их носителями являются воин и царь), лестница, столб, любое возвышение в сочетании с гигантоманией	Атрибуты и символы: крест, круг, спираль/прорастающее зерно, дерево/виды циклов/эротические символы/средства передвижения и другие	Атрибуты: пряжа (нечто, что связывает одно с другим, выступает как форма единения), женская грудь, еда. Миниатюрные существа
Зоофобия. Все животные (кроме птиц) олицетворяют смерть, фантастические образы животных воплощают животное начало в чистом виде	Аккультурация и социализация животных. Выступают в роли помощников	
Герой укрепляет свою идентичность, но расщепляет внешние объекты. Герой агрессивен в отношении другого. В психиатрии подобное квалифицируется как паранойя	Идентичность раздваивается. В психиатрии это состояние рассматривается как психическая норма	Внутренняя идентичность смазывается, а внешняя – связывается. В крайней форме в психиатрии это проявляется как шизофрения
Дуализм (постоянная борьба и противопоставление добра и зла, света и тьмы, мужского и женского и т.д.)	Постоянный поиск	Миролюбие, стремление к примирению, пацифизм
Архетип героя	Архетип танцора, художника (любого, кто занят циклическими, повторяющимися операциями)	Архетип матери

Согласно идеям Ж. Дюрана, традиционная западноевропейская наука является продуктом мифологической деятельности режима диурна. Большинство государств в своей структуре отражает диурническую логику. Ж. Дюран предлагает проецировать структуры режимов «l'imaginaire» на социум, его структуру и функции различных слоев общества.

Исследование и изучение фольклора с позиций науки началось одновременно с возникновением идей нации, понятий «дух народа», «национальный характер» и их изучением в философии немецкого романтизма, «в это время исследователи начинают рассматривать сказку и изучать истоки духовности и национального характера того или иного народа. Таким образом в середине XIX в. возникают предпосылки для формирования в европейском литературоведении ряда школ, которые ставят своей целью исследование истоков национальной самобытности разных народов на материале фольклора»¹³¹. Уже И. Г. Гердер и Ф. В. Шеллинг отмечали, что важнейшим компонентом в понимании «духа народа», «характера народа» является его мифология и фольклор.

В первой половине XIX в. возникла «мифологическая школа» в изучении народного фольклора, основателями которой являются Я. и В. Гримм, входившие в Гейдельбергский кружок романтиков и занимавшиеся изданием немецкого фольклора. В русле этой школы работали такие ученые, как А. Кун, В. Шварц, В. Маннгард, М. Мюллер.

Во второй половине XIX в. появляется антропологическая школа в Великобритании, связанная с оформлением сравнительной этнографии в научную дисциплину. В этом направлении работают такие ученые, как английский этнограф Э. Тэйлор, шотландский писатель Э. Ланг. Дж. Дж. Фрейзер также является представителем данного направления в изучении фольклора. Также формируется Компаративистская школа (мигранционная), отличавшаяся тем, что сходство, которое обнаруживалось в сказках народов,

¹³¹ Ворожбитова, А. А., Соборная, И. С. Этнокультурные особенности русских, польских и немецких сказок (лингвистический аспект). М., 2014. С. 12

населяющих Европу и Азию, возникло или через заимствования, или из общего источника. В эту школу входят немецкий филолог Т. Бенфей, чешский филолог Й. Поливка, финский фольклорист А. Аарне.

В начале XX в. появляются работы, основанные на психологической интерпретации сказок, например, О. Ранк разрабатывал свою теорию на основе психоанализа З. Фрейда. К. Г. Юнг сопоставлял архетипы со сказочными и мифологическими персонажами, его идеи активно развивала М.-Л. фон Франц в своих исследованиях сказок.

Во второй половине XX в. ученые обращаются к структурному анализу сказки и фольклорных текстов, основываясь на идеях В. Я. Проппа и К. Леви-Стросса. Представители: К. Бремон, Х. Ясон, С. Ало, Б. Кербелите, К. Брето, Н. Заньоли.

Большой интерес в рамках данного исследования представляют труды М.-Л. фон Франц (1915–1998), коллеги и последователя К. Г. Юнга, которая разрабатывала его идеи в ключе психологических интерпретаций сказок, мифов, сновидений и текстов алхимиков. Именно интерпретациям и толкованию волшебных сказок посвящено большинство ее исследований, таких как «Психология сказки. Толкование волшебных сказок» (1970), «Кошка. Сказка об освобождении фемининности» (1987), «Фемининность в волшебных сказках» (1977), «Избавление от колдовства в волшебных сказках», «Феномены Тени и зла в волшебных сказках» (1985).

Творчество М.-Л. фон Франц в отечественной науке практически не исследовано, несмотря на то, что на русском языке опубликовано достаточно много ее трудов. В зарубежной литературе творчество М.-Л. фон Франц чаще всего рассматривается в контексте ее принадлежности к школе К. Г. Юнга, но есть также и исследования, посвященные ее биографии, содержащие краткий очерк ее труда, основанный на ее произведениях и интервью¹³², либо

¹³²Davies, B. Marie-Louise von Franz. Her Life and Work // Marie-Louise von Franz. The Classic Jungian and the Classic Jungian Tradition. Toronto, 2008. 58 p.

это исследования ее текстов по психологии¹³³. Поскольку сказки являются одной из форм воплощения мира воображаемого, непосредственным отображением коллективного бессознательного, то в рамках нашего исследования мы подробнее рассмотрим то, как М.-Л. фон Франц подходит к их исследованию, определим, какие вопросы попадают в область ее научных интересов.

М.-Л. фон Франц объясняет свой особый интерес к сказкам, в сравнении с мифами, следующим образом: сказки представляют более ясные архетипические образы, тогда как мифы связаны больше с культурным коллективным бессознательным конкретного этноса, народа. В силу этого мифы утрачивают общечеловеческие черты, так как принадлежат определенной культуре, отражают национальный характер отдельного народа. В то же время мифы являются более доступными для сознания, их легче интерпретировать, поскольку они часто содержат детали, дающие подсказки для более точного толкования их значения. Тем не менее, изучение мифов не остается за скобками, так как с их помощью можно лучше растолковать значение сказок, указать на ее скрытые смыслы. Сказка же в большей степени обладает общечеловеческим содержанием, является тем языком, который понятен каждому человеку вне зависимости от того, к какой культуре он принадлежит. В сказке значительно меньше культурных наслоений, характерных для мифов: «Волшебные сказки находятся вне культуры, вне расовых различий, поэтому способны очень легко мигрировать. Они являются как бы интернациональным языком для всего человечества, для людей всех возрастов и всех национальностей, независимо от их культурных различий»¹³⁴. Отличия между сказкой и мифом проявлены даже в том, что в мифах герой обладает более земной природой, тогда как

¹³³ Mansfield, V. Distinguishing Synchronicity from Parapsychological Phenomena: An Essay in Honor of Marie-Louise von Franz // *Quadrant: The Journal of the C.G. Jung Foundation*. Vol. 28. № 2. 1998.

¹³⁴ Франц, М.-Л. фон. Психология сказки. Толкование волшебных сказок // URL: <http://fb2.booksgid.com/content/17/mariya-luiza-franc-psiologiya-skazki-tolkovanie-volshebnyh-skazok/1.html>

сказочный герой менее человечен, он не претерпевает изменений, менее эмоционален.

На основе своих многочисленных исследований и анализа сказок она делает вывод о том, что все сказки описывают один и тот же психический феномен – Самость, который является очень сложным для понимания, и именно поэтому существует огромное количество сказок. Архетип Самости, согласно концепции Карла Густава Юнга, определяется как саморегулирующая деятельность психического, поддерживающая самосознание Эго, его непрерывность во времени. Самость определяется как образ цели жизни. М.-Л. фон Франц ссылается на то, что согласно Юнгу, «в Самости заключено все психическое содержание личности, а также, как ни парадоксально, она является регулирующим центром коллективного бессознательного. Любой индивид и любая нация имеют свои собственные способы осознания и взаимодействия с этой психической реальностью. Обычно разные волшебные сказки дают усредненную картину различных этапов или стадий такого взаимодействия»¹³⁵. Таким образом, обращаясь к сказке с целью познания культуры определенной нации, народа, мы, в первую очередь, изучаем его психологию, или, как это было сформулировано в немецком романтизме, «душу народа».

Сказки обладают терапевтической, исцеляющей функцией, поскольку при их посредстве возможно поддержание сознательной установки человека в равновесии. Человек испытывает необходимость в идентификации себя с героем сказки или мифа, необходимо это ему для того, чтобы выжить, получив надежду на благополучный исход, который спроецирован в такой истории. Сказка обладает способностью к воодушевлению человека, она дает жизнеутверждающий пример, которому человек желает следовать. Кроме того, в своих исследованиях М.-Л. фон Франц занималась вопросом проявления феминности в волшебных сказках. Основываясь на анализе

¹³⁵ Франц, М.-Л. фон. Психология сказки. Толкование волшебных сказок // URL: <http://fb2.booksgid.com/content/17/mariya-luiza-franc-psiologiya-skazki-tolkovanie-volshebnyh-skazok/1.html>

таких сказок, как «Спящая красавица» и «Василиса Прекрасная», она говорит о том, что наличие большого количества женских персонажей в них компенсирует недостаток проявлений женского начала в религиозных представлениях людей христианской западной культуры. В сказках сохраняется репрезентация женского начала, те образы, которые могут определять идентичность. Причем она отмечает, что «женские персонажи в волшебных сказках не являются воплощением ни паттерна Анимы, ни паттерна реальной женщины, а того и другого вместе, ибо иногда присутствует один из них, а иногда другой»¹³⁶.

В рамках нашего исследования следует уделить внимание тому, как М.-Л. фон Франц интерпретирует образ Василисы Премудрой в труде «Фемининность в волшебных сказках». В данном случае рассматривается связь сказочных женских образов с позитивными аспектами античной богини Великой Матери, психология взаимоотношений матери и дочери. Русская народная сказка выступает в качестве репрезентанта поиска и открытия собственной фемининности. Мотив замены матери девочки на фигуру куколки в исследовании М.-Л. фон Франц, приобретает значение начала поиска формы своей фемининности, поскольку после смерти матери дочь уже не может идентифицировать себя с ней. Возникают первые проявления Самости, но в то же время активно начинают воздействовать силы зла и тьмы. В связи с исследованием образа Василисы возникает и другой образ – Бабы-Яги, которая может быть и хорошей, и плохой одновременно, по мнению фон Франц ее образ, сохранил связь с древней богиней Гекатой. Таким образом, в русской народной сказке мы видим перевоплощение древних богинь Гекаты и Персефоны. М.-Л. фон Франц уделяет внимание моменту, когда героиня сказки обращается к собственной Тени, осознает собственное зло и тем самым обретает защиту от него.

Вообще проблематика поиска фемининности и образа Тени тесно связаны в исследованиях сказок М.-Л. фон Франц. В труде «Феномены Тени

¹³⁶ Франц, М.-Л. фон. Фемининность в волшебных сказках. М., 2010. С. 10.

и зла в волшебных сказках» она подробно останавливается на том, что есть «Тень», определяет ее вслед за К. Г. Юнгом как «просто «мифологическое» название всего, что существует у нас внутри и недоступно нашему прямому осознанию. Это все содержание вашего внутреннего мира, о котором вы не знаете»¹³⁷. Тень связана с коллективным бессознательным и с Самостью. Для того чтобы увидеть свою тень, человеку или даже целой цивилизации необходим внешний наблюдатель. М.-Л. фон Франц отмечает, что только тот сказочный герой, который способен найти подход к феминности, может преодолеть все препятствия, стоящие на его пути. В конце исследования образа Тени в волшебных сказках М.-Л. фон Франц говорит следующее: «Пагубная эмоциональность, которая так легко связывается со злом в цивилизации маскулинного типа, приводит к пагубному характеру феминности»: и в данном случае мы можем увидеть пересечение некоторых идей с теми, которые предложил Ж. Дюран.

На основе исследований М. К. Азадовского¹³⁸, А. А. Ворожбитовой и А. А. Соборной¹³⁹, А. В. Рафаевой, Э. Рахимовой и А. С. Архиповой¹⁴⁰, Т. В. Зуевой, Б. П. Кирдан¹⁴¹ мы составили и описали краткую историю изучения сказки в отечественной науке.

История изучения сказки в отечественной науке началась немного позже, чем в европейской науке, лишь с 1850-х гг. появляются первые труды, посвященные изучению народного фольклора и, в частности, сказок. М. К. Азадовский отмечает, что «русская мифологическая школа, для которой на первом плане был вопрос о сущности народной культуры; основным для нее, помимо вопросов метода, было учение о мифе как выражении народного мировоззрения»¹⁴².

¹³⁷ Франц, М.-Л. фон. Феномены Тени и зла в волшебных сказках. М., 2010. 354 с.

¹³⁸ Азадовский, М. К. История русской фольклористики. М., 2014. С. 356.

¹³⁹ Ворожбитова, А. А., Соборная, И. С. Этнокультурные особенности русских, польских и немецких сказок (лингвориторический аспект). М., 2014. 104 с.

¹⁴⁰ Рафаева А. В., Рахимова Э., Архипова А. С. Еще раз о структурно-семиотическом изучении сказки // Структура волшебной сказки. Традиция – текст – фольклор. 2001. С. 199–225.

¹⁴¹ Зуева, Т. В., Кирдан, Б. П. Русский фольклор. М., 2002. 400 с.

¹⁴² Азадовский, М. К. История русской фольклористики. М., 2014. 1056 с.

Идеи мифологической школы были развиты А. Н. Афанасьевым, известнейшим ученым в области собирания и изучения сказок, представителем мифологической школы. Несмотря на огромное научное наследие А. Н. Афанасьева, изучению его творчества посвящено мало публикаций, в основном это комментарии и предисловия к изданиям его сочинений. Например, Б. А. Успенский пишет о редко издаваемом собрании сказок А. Н. Афанасьева, в который входят сказки эротического содержания¹⁴³. Другие авторы приводят, как правило, краткие биографические сведения и общую характеристику трудов ученого: Т. Пухова¹⁴⁴, А. Л. Топорков¹⁴⁵, Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков¹⁴⁶; А. И. Баландин говорит о месте научного наследия А. Н. Афанасьева как представителя мифологической школы¹⁴⁷.

А. Н. Афанасьев сказки рассматривает как богатый материал для исследований в области лингвистики, филологии, этнографии. В предисловии к изданию «Русских народных сказок»¹⁴⁸ говорит о том, что своей целью видит обнаружение и объяснение сходства между сказками у разных народов. Он руководствовался ясной методологией, которую описывает в своем труде «Поэтические воззрения славян на природу»¹⁴⁹. В качестве источника возникновения мифов называет слово, язык. Для понимания того, как возникли мифологические представления, необходимым считает обращение к истории появления и развития языка, особое внимание он уделяет группе индоевропейских языков и санскриту. А. Н. Афанасьев считает, что изучение фольклора, в частности сказок, важно для познания как прошлого, так и настоящего народа. Изданные им сборники русских

¹⁴³ Успенский, Б. А. «Заветные сказки» А. Н. Афанасьева // Избранные труды: в 2 т. М., 1994. 2 т. С. 129–150.

¹⁴⁴ Пухова, Т. Поэт славянской старины. К 175- летию со дня рождения // «Подъём». 2001, № 8. С. 207–233.

¹⁴⁵ Топорков, А. Л. Творческий путь А.Н. Афанасьева и «Поэтические воззрения славян на природу» // Происхождение мифа. М., 1996. С. 409-471.

¹⁴⁶ Бараг Л. Г., Новиков Н. В. А. Н. Афанасьев и его собрание народных сказок // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. М., 1984. Т. 4. С. 377–426.

¹⁴⁷ Баландин А. И. Мифологическая школа // Академические школы в русском литературоведении. М., 1975. С. 15–100.

¹⁴⁸ Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки: в 3 т. М., 1984. 1 т. 537 с.

¹⁴⁹ Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 2014. 627 с.

народных сказок представляют собой классификацию, которую используют и современные исследователи (сказки о животных, волшебные, сатирические, бытовые, новеллы). Характерным для изданий сказок под редакцией А. Н. Афанасьева является сведение в них нескольких вариантов сюжетных событий, как, например, в сказке «Марья Моревна». В этой сказке сразу несколько вариантов смерти Кощея Бессмертного: это и копытом конь ударил, и Иван голову палицей ему размозжил, и сгорел он на костре, а прах его был развеян.

Ф. Н. Буслаев придерживался «теории заимствования», сформированной учеными компаративистской школы. Выдвинул идею о неразрывности языка и мифа, языка и народного представления, «мифологический анализ он применил к славянскому материалу. Труды Буслаева развивали идею о том, что народное сознание проявилось в двух важнейших формах: языке и мифе. Миф – форма народной мысли и народного сознания. Буслаева как мифолога характеризует капитальный труд «Исторические очерки русской народной словесности и искусства»¹⁵⁰.

Следует отметить труды А. Н. Веселовского, который также как и ученые, принадлежавшие к антропологической школе, сформулировал теорию самозарождения сюжетов, происходящего вследствие единства человеческой психики.

Следует также уделить внимание философскому подходу в изучении и осмыслении сказки и мифа отечественными учеными. Русский философ Е. Н. Трубецкой в сочинении «Иное царство и его искатели в русской народной сказке» высказывает ряд интересных, в рамках нашего исследования, соображений. Он отмечает, что национальное в сказке почти всегда является вариантом общечеловеческого, и русская сказка не исключение. Кроме того, исследование сказки в качестве памятника национальной культуры осложняется тем, что помимо сверхнародного, она содержит и

¹⁵⁰ Зуева, Т. В., Кирдан, Б. П. Русский фольклор. М., 2002. С. 30.

сверхвременной компонент. Так он говорит о том, что мотив «иногo царства» является характерным для сказок всех народов, вне зависимости от их принадлежности к определенным этносам и нациям. Но вместе с тем, в сказке можно различить преломление данного мотива в национальном ключе, узнать через это душу народа, все его качества и все его недостатки.

Философа интересует проблема отображения «русской души» в волшебной сказке. Он отмечает «женственность характеров» сказочных образов. Также в качестве другой главной черты русских сказок он выделяет «мистическую пассивность переживаний» человеческой души. Кроме того, говорит о женском мироощущении русских сказок в целом, о связи высших сил с женскими образами и их активности в сравнении со слабостью сил, действующих «снизу». Е. Н. Трубецкой связывает это с тем, что для русского человека характерно ожидание благ и помощи свыше. Отмечает он и слабость «волевого героического элемента», сравнивает русские сказки со сказками других народов, говоря о том, что наличие сверхъестественного не означает бездействия, пассивности человека. В русской же сказке герой так и не переходит к действию, подъем совершается им в сфере созерцательного, духовного. В качестве примера и доказательства этой мысли он приводит сравнение оперной музыки Р. Вагнера и русской оперы, где почти отсутствует действие, зато зритель может погрузиться в сферу отрешенности от действительного мира. Подобное прочтение сказочных текстов демонстрирует попытку установления связи между «характером народа», его национальными чертами и их выражением в сказочном тексте, что соответствует направлению мысли, заданному немецкой романтической философией.

В первой трети XX в. работают такие ученые как Ю. М. Соколов, Р. М. Волков, В. М. Жирмунский, которые уделяли внимание тому, как в сказке отражается историческая действительность. Большой вклад в научное изучение сказки и мифа внесли Я. Э. Голосовкер и В. Я. Пропп, чьи работы следует рассмотреть подробнее.

О научном наследии Я. Э. Голосовкера написано очень мало, в основном это краткие биографические очерки с упоминанием основных трудов ученого, как, например, пишут о нем А. П. Каждан¹⁵¹, С. О. Шмидт¹⁵², Н. В. Брагинская¹⁵³. Комментарии на такие его труды, как «Сказание о титанах», дает А. Гольдштейн¹⁵⁴, об анализе романа Достоевского «Братья Карамазовы» Я. Э. Голосовкером пишет А. Граф¹⁵⁵. Краткую характеристику основных идей и понятий, изложенных ученым в «Логике мифа», предлагает Н. И. Конрад¹⁵⁶. О том, что Я. Э. Голосовкер подразумевает под «культурной имагинацией», подробно пишут Е. Б. Рашковский Е. Б. и М. А. Сиверцев¹⁵⁷. Наиболее полно основные положения теории «имагинативного абсолюта» изложены в статье М. В. Собоичиковой¹⁵⁸. Далее в рамках нашего диссертационного исследования мы будем рассматривать то, как ученый предлагал исследовать миф и мифологическое воображение.

Я. Э. Голосовкер, не будучи участником семинаров «Эранос», также работал над проблемами, связанными с воображением. Он отвлекается от традиционного поиска исторических корней мифологии, сосредотачивает внимание на логике мифа, на системе отношений в мифологическом взгляде на мир. Логика мифа, в его интерпретации, не сводится к законам формальной логики. Мифологическое мышление разумно и логично. В мифе Я. Э. Голосовкер нашел специфический материал, через который раскрываются познавательная и творческая силы мышления в своем единстве, «построенный имагинативным мышлением объект мифа есть не

¹⁵¹ Каждан, А. П. Памяти Я. Э. Голосовкера // Избранное. Логика мифа. М.; СПб., 2010. С. 451–454.

¹⁵² Шмидт, С. О. О Я. Э. Голосовкере // Избранное. Логика мифа. М.; СПб., 2010. С. 473–481.

¹⁵³ Брагинская, Н. В. Об авторе книги // Логика мифа. М., 1987. С. 188–206.

Брагинская Н. В. Слово о Голосовкере // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 106–110.

¹⁵⁴ Гольдштейн, А. Сказание о титанах // Аспекты духовного брака. М., 2001, С. 27–29.

¹⁵⁵ Граф, А. Сожженный роман Я. Э. Голосовкера в контексте легенды о великом инквизиторе Ф. Достоевского и романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Slavica tergestina. 1998. № 6. URL://archive.is/20121209174424/www.openstarts.units.it/dspace/bitstream/10077/2256/1/05.pdf

¹⁵⁶ Конрад, Н. И. Академик Н. И. Конрад о труде Я. Э. Голосовкера // Избранное. Логика мифа. М.; СПб., 2010. С. 455–459.

¹⁵⁷ Рашковский Е. Б., Сиверцев М. А. Проблема «культурной имагинации» в трудах Я. Э. Голосовкера // Избранное. Логика мифа. М.; СПб., 2010. С. 460–472.

¹⁵⁸ Собоичикова, М. В. Концептуальная интерпретация и философская рефлексия природы мифа в рамках теории «имагинативного абсолюта» Я. Э. Голосовкера // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323. № 6. С. 163–167.

только «выдумка», как выражается автор, но одновременно и «познанная объективность мира», даже нечто «предугаданное в нем»¹⁵⁹.

Далее мы вкратце опишем концепцию и основные идеи, изложенные Я. Э. Голосовкером в труде «Логика мифа». Ученый вводит термин «имагинация», который означает «существо и двигатель творческого мышления, почему и само мышление этого порядка он называет «имагинативным». Под термином «имагинация» автор подразумевает воображение не только как творческую способность, но и как познавательную»¹⁶⁰. Воображение способно к познанию, оно дает смысл существованию человека. Высшим инстинктом человека является «инстинкт культуры», который является врожденным, является высшей творческой и духовной силой. Я. Э. Голосовкер пишет следующее: «Деятельность свою как проявление абсолюта высший инстинкт осуществляет через имагинацию – воображение»¹⁶¹. Интеллект и дух выполняют функцию спасения культуры через деятельностное воображение. Осуществив в воображении (в форме мифа, сказки, фантазии) нечто невозможное в действительном мире, человек принял для себя это более действительным, чем сама действительность. Человек всегда стремился и стремится перевести мир вообразимый в мир действительный, создать постоянство, совершенство, вечность.

Я. Э. Голосовкер сравнивает постоянство в культуре и постоянство в природе. Для культуры он выводит закон «изменчивость-в-постоянстве», который также является и законом воображения. Означает это следующее: делать что-либо возможно только при наличии внутреннего идеала, который и есть постоянство. Любая ценностная система основывается на наличии абсолютного критерия. Но при всем этом творчество всегда требует разнообразия, постоянного изменения, создания чего-то нового, «дух» как инстинктивное устремление к постоянству или абсолюту в высших регионах

¹⁵⁹ Конрад, Н. И. Академик Н. И. Конрад о труде Я. Э. Голосовкера // Избранное. Логика мифа. М.; Спб., 2010. С. 456

¹⁶⁰ Собоичикова, М. В. Концептуальная интерпретация и философская рефлексия природы мифа в рамках теории «имагинативного абсолюта» Я. Э. Голосовкера // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323. № 6. С. 163

¹⁶¹ Голосовкер, Я.Э. Избранное. Логика мифа. М., Спб., 2010. С. 134

культуры, т.е. как устремление к совершенному, к безусловному, к идеалу, выражает себя силой деятельности воображения, воплощаемой в творческие формы культуры, в ее культуримагинации: философию, искусство, мораль, религию, науку»¹⁶². Имагинативные образы являются осуществленным/воплощенным абсолютом.

О фантазии он говорит, что она частично совпадает с воображением, но, в отличие от него, не познает. Функцией фантазии является комбинирование:

- создавать то, чего нет и не может быть;
- создавать то или почти то, что было, но чего мы еще не знаем.

Именно фантазия создает сказки. Такая потребность в выдумке есть выражение деятельности высшего инстинкта (имагинативного абсолюта). Фантазия побуждает, заставляет воображение действовать. Кроме того, фантазия создает иллюзорные миры, которые служат обманом во имя спасения. Некоторые воплощенные иллюзии обладают большей реальностью, чем воспоминания. Они живут только в культуре. Но есть также и ментальные иллюзии (например, представления о свободе), которые реальны не только в культуре. «Познавая, воображение наглядно созерцает суть вещей и в то же время развивает логически свои созерцания или творит идеи, раскрывая спонтанным движением по смысловой кривой их смысл»¹⁶³.

О жизни и творчестве В. Я. Проппа писали следующие авторы: биография ученого описана А. Н. Мартыновой¹⁶⁴, Э. Э. Уорнер¹⁶⁵ и Л. И. Бочкаревой¹⁶⁶; есть несколько статей в журнале «Живая старина», посвященном 100-летию со дня рождения ученого, часть из которых посвящена его биографии, а часть – научному вкладу ученого в мировую

¹⁶² Голосовкер, Я. Э. Избранное. Логика мифа. М., Спб., 2010. С. 138

¹⁶³ Голосовкер, Я. Э. Там же. С. 140.

¹⁶⁴ Мартынова А. Н. Владимир Яковлевич Пропп: жизненный путь, научная деятельность. Спб., 2006. 265 с. Неизвестный В. Я. Пропп. «Древо жизни. Дневник старости. Переписка». Спб., 2002. 480 с.

¹⁶⁵ Уорнер, Э. Э. Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика. Спб., 2005. 144 с.

¹⁶⁶ Бочкарева, Л. И. Владимир Яковлевич Пропп и его любимое Линёво // Стержень. Научный ежегодник. 2009. Т.7. С. 169–185.

науку (Э. Уорнер¹⁶⁷, Б. Кербелите¹⁶⁸, В. Цийль¹⁶⁹, С. Ю. Неклюдов¹⁷⁰, А. В. Рафаева¹⁷¹); о структуралистском методе изучения текстов и влиянии трудов ученого в области исследования текстов пишут Д. Ольшанский¹⁷², А. В. Рафаева, Э. Г. Рахимова, А. С. Архипова¹⁷³, Е. М. Мелетинский¹⁷⁴, П. Н. Берков¹⁷⁵, В. Н. Топоров¹⁷⁶, А. Либерман¹⁷⁷, К. Леви – Стросс¹⁷⁸.

В. Я. Пропп, основоположник структуралистского изучения текстов литературы, мифов, сказок, фольклора, известен такими своими работами, как «Морфология сказки» (1928) и «Исторические корни волшебной сказки» (1946).

В. Я. Пропп ввел понятие «морфология сказки», которое относится только к волшебным сказкам. Начало морфологии он определяет как подобное учению о строении в биологии. Выделяет функции действующих лиц сказки, которые и представляют собой основные части сказки, число каковых является ограниченным. В целом его работа «Морфология сказки» посвящена классификации и анализу волшебных сказок. Для поиска общей структуры мифа он берет несколько версий одной и той же сказки и отслеживает изменение и развитие в этих версиях.

В исследовании «Исторические корни волшебной сказки» В. Я. Пропп пишет следующее: «Мы нашли, что композиционное единство сказки

¹⁶⁷ Уорнер, Э. Несколько замечаний о переводах «Морфологии сказки» В. Я. Проппа на английский язык // Живая старина. 1995. № 3. С. 23–24.

¹⁶⁸ Кербелите, Б. К секретам строения сказки // Живая старина. 1995. № 3. С. 25–26.

¹⁶⁹ Цийль, В. Актуальна ли сегодня «структурная модель» волшебной сказки В. Я. Проппа // Живая старина. 1995. № 3. С. 27–28

¹⁷⁰ Неклюдов, С. Ю. В. Я. Пропп и «морфология сказки» // Живая старина. 1995. № 3. С. 29–30.

¹⁷¹ Рафаева, А. В. От «морфологии сказки» к морфологии повествования // Живая старина. 1995. № 3. С. 31–32.

¹⁷² Ольшанский, Д. The birth of structuralism from the analysis of fairy-tales // Toronto Slavic Quarterly. 2008. Т. 25. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/25/Olshansky25.shtml>

¹⁷³ Рафаева А. В., Рахимова Э., Архипова А. С. Еще раз о структурно-семиотическом изучении сказки // Структура волшебной сказки. М., 2001. С. 199–225.

¹⁷⁴ Мелетинский, Е. М. Структурно-типологическое изучение сказки // Структура волшебной сказки. М., 2001. С. 163–198.

¹⁷⁵ Берков, П. Н. Метод исследования народного творчества в трудах ВЯ Проппа (К 70-летию со дня рождения) // Вестник Ленинградского государственного университета. № 2. С. 111–116.

¹⁷⁶ Топоров, В. Н. Функция, мотив, реконструкция (несколько замечаний к «Морфологии сказки» В. Я. Проппа) // Исследования по славянскому языку и народной культуре. 1997. № 2. С. 120–141.

¹⁷⁷ Propp, V. «Introduction». Theory and History of Folklore. Minnesota, 1984. 251 p.

¹⁷⁸ Levi-Strauss, C. Structure and Form: Reflection on a Work by Vladimir Propp // Structural Anthropology. 2008. 352 p.

кроется не в каких-нибудь особенностях человеческой психики, не в особенности художественного творчества, оно кроется в исторической реальности прошлого. То, что сейчас рассказывают, некогда делали, изображали, а то, чего не делали, представляли себе. Из этих двух циклов первый (обряд) отмирает раньше, чем второй. Обряд уже не производится, представления о смерти живут дольше, развиваются, видоизменяются уже без всякой связи с данным обрядом»¹⁷⁹. В этом исследовании его интересует то, какие явления прошлого соответствуют сказке, что является ее историческим источником. Он ссылается на то, что многими учеными замечена связь между сказкой и культами, верованиями, религиями и связанными с ними обрядами. Он считает, что сказку необходимо сопоставлять с мифом. Русский материал он берет в качестве исходного, объясняя это его хорошей сохранностью и разнообразием.

В. Я. Пропп связывает возникновение волшебных сказок с существовавшими в древности обрядами инициации, которые в сказках проявляются как путешествие героя в мир иной, мотивированное очень часто поиском невесты. Если обратить внимание на то, какие именно элементы выделяет и исследует В. Я. Пропп, то получится следующая картина:

- мотивы заточения и заключения в начале сказки и сборы героя в путь;
- анализ пространства, где происходят приключения героя (либо это таинственный лес и обитающая в нем Баба-Яга, либо же это дом и лесные братья);
- в качестве помощников главного героя в волшебных сказках чаще всего действуют животные;
- в качестве способов переправы герой в русских сказках часто выбирает либо превращение в животное, либо же он прячется в шкуре животного;
- большую главу В. Я. Пропп посвящает образу змея, его характеристике, функциям, взаимоотношениям с героем сказки;

¹⁷⁹ Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000. С. 309.

– анализ структурных элементов сказки, связанных с попаданием героя в тридевятое царство;

– уделяет особое внимание образу невесты.

Если сопоставить эту структуру исследования русской волшебной сказки В. Я. Проппа с приведенными выше идеями Ж. Дюрана о режимах «диурна» и «ноктюрна» и связанными с ними группами мифов, то можно увидеть, что во многом исследование В. Я. Проппа по своей структуре совпадает с характеристиками режима «драматического ноктюрна».

Во второй трети XX в. идеи В. Я. Проппа были развиты Е. Мелетинским и его единомышленниками Е. С. Новик, С. Ю. Неклюдовым, Д. Сигал. Этот же подход был характерен для отечественной науки и в последней трети XX в.

Е. М. Мелетинского¹⁸⁰ интересует происхождение и эволюция народной сказки, проблема происхождения «демократического» образа главного героя («сиротки», «бедняка» и т. д.). Исследователь задается вопросом о том, как в сказке отражаются социальные процессы. Любая сказка содержит идеалы, которые основаны на воспоминаниях о прежнем древнем социальном устройстве. С другой стороны, сказки воплощают собой мечту о справедливости социально-общественного устройства в будущем. Герой в этом случае – носитель народных идеалов. Е. М. Мелетинский исследует сказку через сравнительный анализ образов героя в сказках различных народов мира; выделяет черты, которые сказка унаследовала от первобытного фольклора и мифологических представлений.

Фольклорист и этнограф Э. В. Померанцева занималась изучением устных рассказов о мифологических персонажах. Ее интересует то, как народные верования воплощаются в образах сказочных персонажей. В своем труде «Мифологические персонажи в русском фольклоре»¹⁸¹ она рассматривает рассказы, которые повествуют о духах природы (таких как

¹⁸⁰ Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа. М., 2000. 407 с.

¹⁸¹ Померанцева, Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. 194 с.

русалки, водяной, леший), о духах дома (например, домовом) и о чёрте. Она подробно анализирует и описывает образ каждого сказочного персонажа в несказочной прозе и быличках, уделяет внимание тому, как эти персонажи трансформируются в современной прозе.

Современный этап в научном изучении сказок характеризуется более прикладными исследованиями, например, разрабатывается проблематика сказкотерапии (Т. Зинкевич-Евстигнеева¹⁸², Н. А. Волкова, Е. В. Слизкова¹⁸³), достаточно много филологических и лингвистических исследований на основе сказочных текстов (Ю. В. Елисеева¹⁸⁴, Е. Е. Петрова¹⁸⁵).

А. А. Ворожбитова и И. С. Соборная¹⁸⁶ обращаются к анализу сказочного дискурса как репрезентанта национальной картины мира, ментальности народа, сказка рассматривается в их труде как источник культурного опыта народа.

Сказка является предметом изучения нескольких научных дисциплин: лингвофольклористики, лингвокультурологии, этнолингвистики. Среди лингвокультурологических исследований сказки можно выделить труд Е. Р. Корниенко¹⁸⁷, которая рассматривает сказку как отражение культурпознавательного опыта народа, его национального духа, утверждает, что недопонимание некоторых моментов сказки связано не только с наличием языкового барьера, но в большей степени с культурными особенностями, которые наличествуют в сказке. К. В. Завьялова¹⁸⁸ рассматривает то, как один и тот же сказочный сюжет воспроизводится в

¹⁸² Зинкевич-Евстигнеева, Т. Д. Мастер сказок. СПб., 2012. 220 с.; Зинкевич-Евстигнеева, Т. Д. Практикум по сказкотерапии. СПб, 2000. 310 с.

¹⁸³ Волкова, Н. А., Слизкова, Е. В. Сказкотерапия как фактор нравственного развития младших школьников // Концепт. 2014. № 2. С. 2–6.

¹⁸⁴ Елисеева, Ю. В. Атрибутивная маркированность персонажей в русских и английских народных сказках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. №7 (37). 2014. С. 70–73.

¹⁸⁵ Петрова, Е. Е. Структурно-семантические и прагматические особенности формульных композиционных средств (на материале британских и русских народных сказок) // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 1-3 (32), С. 63–64.

¹⁸⁶ Ворожбитова, А. А., Соборная, И. С. Этнокультурные особенности русских, польских и немецких сказок (лингвориторический аспект). М., 2014. 104 с.

¹⁸⁷ Корниенко, Е.Р. Об опыте лингвокультурологического исследования русской народной сказки // Вестник МГУ. 2005. № 4. Сер. 19. С. 148–154.

¹⁸⁸ Завьялова, К. В. Сказка в контексте общественной и научной жизни // Вестник МУ. 2007. № 2. Серия 9. С. 120–129.

сказках разных народов, вследствие чего его образ и варианты могут приобрести национальные черты. Лингвофольклористы В. А. Черванева, Е. Б. Артеменко¹⁸⁹ обращаются к пространственно-временной организации текстов волшебной сказки. В русле этнолингвистики сказку исследуют О. А. Плахова¹⁹⁰, О. А. Егорова¹⁹¹.

Современные исследования сказки ориентированы на выявление особенностей этнической или национальной картины мира, на то, как она отображена в сказке, каковы механизмы ее конструирования в языке.

Итак, на основании анализа, проведенного в третьем параграфе главы, можно заключить, что исследования воображения ведутся учеными на основе открытий коллективного бессознательного и архетипов К. Г. Юнгом, которые получают свое воплощение в мифических и религиозных образах. Воображаемый мир мыслится как имеющий статус реального, это пограничное пространство, или мир между материальным и духовным, чувственным и умопостигаемым. Вхождение в этот мир возможно с помощью активного воображения (А. Корбен, Ж. Дюран). Также ряд ученых занимается изучением мифологического мышления, они говорят, что только воображение и дает смысл существованию человека. Отмечается различие и сходство воображения и фантазии, рассматривается их связь.

Ученые занимаются изучением символов и произведений искусства, рассматриваемых в их качестве способных к выполнению мифологической функции, способствующих единению человека и космоса. Исследуя воображение, ученые пришли к выводу, что искусство, визуальные образы имеют важное значение, художник обладает особым статусом.

С самого начала изучения мифов и сказок совершались попытки увидеть нечто общее между ними и классифицировать их. Так, Ж. Дюран

¹⁸⁹ Артеменко, Е. Б., Черванева, В. А. Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира. Воронеж., 2004. 184 с.

¹⁹⁰ Плахова, О. А. Роль фольклорного материала в реконструкции этнической картины мира // Актуальные проблемы лингвистического образования: теоретический и методологический аспекты: сборник материалов международной научно-практической конференции (Самара, 25 – 26 ноября 2004 г.). Самара, 2005. С. 212–214.

¹⁹¹ Егорова, О. А. Традиционные формулы как явление народной культуры (на материале русской и английской фольклорной сказки) : автореферат дис. ... канд. культурол. наук : 24.00.01. М., 2002. 21 с.

выделил три группы мифов, каждая из которых обладает своими типическими характеристиками, сопоставимыми с психофизиологическими состояниями человека, а также с особенностями устройства социума, культуры этноса, народа, нации. Миф может выступать в качестве инструмента анализа определенного социума.

Активное изучение сказок и мифов в связи с философскими идеями немецкого романтизма получило свое продолжение благодаря новым открытиям в области психологии, культурологии, антропологии, этнографии в XIX–XX вв. Исследования сказок и мифов взаимосвязаны, взаимодополняют друг друга.

Изучение сказок ведет не просто к пониманию культуры народа или нации, сказки также являются ключом к пониманию психологии народа, нации. Были обнаружены примеры попыток охарактеризовать «душу народа» посредством анализа сказок.

Также исследователи говорят об исцеляющей функции сказок, связанной с возможностью для человека обнаружить, раскрыть, приобрести свою идентичность. Ученых интересует механизм конструирования этой идентичности.

Основные выводы:

1. На настоящий момент существует большое разнообразие теорий конструирования культурной/национальной идентичности, что позволяет выделить методологические аспекты конструирования русской культурной идентичности.

2. Обращение к зарубежным теориям идентичности позволило выделить основные подходы к исследованию культурной/национальной идентичности, рассмотреть их различие и выявить общее во взглядах ученых на природу и процессы конструирования идентичности. Теории примодиалистов, перенниалистов, этносимболистов, модернистов и постмодернистов рассматриваются в рамках настоящего диссертационного исследования как взаимодополняющие друг друга, поскольку в каждом из

подходов высвечивается определенный методологический аспект конструирования культурной идентичности.

3. Отечественные и зарубежные теоретики часто определяют сферу народного и профессионального художественного творчества в качестве определяющего специфику культурной идентичности, что обуславливает обращение к анализу произведений изобразительного искусства в качестве текстов культуры, способствующих определению характерных черт и особенностей русской культурной идентичности.

4. Актуальным является рассмотрение исследований, посвященных воображению, так как многие ученые сходятся в том, что в конструировании культурной/национальной идентичности задействован сознательный и бессознательный уровни психики человека, зачастую в связи с образами, бытующими в сфере искусства.

5. Особое внимание следует уделить теории и практике конструирования русской культурной идентичности рубежа XIX–XX веков, так как часть зарубежных и отечественных исследователей определяет данный период в качестве этапа, характеризующегося активной деятельностью правителей, интеллектуалов, творческих людей в процессе создания русской нации и русской культурной идентичности.

6. Исследование трудов ученых интеллектуальной группы «Эранос», трудов отечественных и западных ученых, посвященных изучению сказки и мифа, показало, что именно миф и сказка являются эффективными инструментами в конструировании культурной идентичности. Умение человека воображать, определяется в качестве его базовой способности к выживанию, единственного источника, который определяет смысл его существования.

2 КОНСТРУИРОВАНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Настоящая глава диссертации посвящена прикладным исследованиям русской культурной идентичности, базирующимся на методах философско-искусствоведческого анализа произведений изобразительного искусства В. И. Жуковского¹⁹² и ассоциативного эксперимента по методике «Серия тематических ассоциаций» А. И. Назарова и Р. В. Соколова¹⁹³. Такой подход к вопросу конструирования русской культурной идентичности обосновывается рядом исследований, проведенных группой ученых кафедры культурологии Сибирского федерального университета, в параграфе первом данной главы приведены основные положения научных разработок по изучению различных типов идентичности.

В главе представлены результаты проведенного философско-искусствоведческого и культурологического анализа двух графических произведений И. Я. Билибина, репрезентирующих модель русской культурной идентичности рубежа XIX–XX веков, а также результаты ассоциативного эксперимента со словом «русское» среди студентов Сибирского федерального университета и Красноярского медицинского университета им. В. Ф. Войно-Ясенецкого, позволяющие сделать выводы о современном понимании того, что есть русская культурная идентичность в социуме на данный момент.

¹⁹² Жуковский, В. И. Теория изобразительного искусства. Спб., 2011. 495 с.

¹⁹³ Назаров, А. И., Соколов, Р. В. Ассоциации и ассоциативный эксперимент: разные судьбы // Вопросы психологии. 2007. № 4. С. 125–138.

2.1 Русская культурная идентичность в теории и художественной практике рубежа XIX–XX вв.

На всем протяжении от XIX в. и до настоящего времени интеллектуалы и художники (в широком смысле, создатели произведений искусства самых разных видов, жанров и стилей) совершают определенные ходы в деле конструирования русской культурной идентичности. Исследователи, которые пишут о развитии национального самосознания, о русской национальной идентичности, такие как Г. А. Мухина¹⁹⁴, Б. Гройс¹⁹⁵, Л. В. Мельникова¹⁹⁶ отмечают, что процесс конструирования культурной русской идентичности начался после Отечественной войны 1812 г. и играет большую роль в формировании российского национального самосознания.

Во многом русские интеллектуалы, художники, поэты, писатели, композиторы, художественные критики, философы основывались в своих исканиях на идеях, пришедших из немецкого философского романтизма. Б. Гройс отмечает, что велико было влияние Ф. В. Шеллинга и Г. В. Ф. Гегеля, обративших свое внимание на уникальность национальных культур, каждая из которых описывалась как вносящая определенный вклад в общечеловеческую культуру.

Особое внимание уделяли идеям Ф. В. Шеллинга об искусстве, представленным в труде «Философия искусства»¹⁹⁷. Н. П. Копцева и Н. Н. Середкина отмечают, что «в основе рассуждений Ф. Шеллинга об искусстве лежит концепция конструирования универсума в форме искусства»¹⁹⁸. Ф. В. Шеллинг формулирует тезис о сущности искусства следующим образом:

¹⁹⁴ Мухина, Г. А. Русские критики XIX века о русской идентичности // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2015. № 2 (6). С. 92–110.

¹⁹⁵ Гройс, Б. Поиск русской национальной идентичности // Вопросы философии. 1992. № 9. С. 52–60.

¹⁹⁶ Мельникова, Л. В. Российская культурная идентичность в философской мысли XIX века // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 4.1 (04). С. 683–689.

¹⁹⁷ Шеллинг, Ф. В. Философия искусства. М., 1966. 486 с.

¹⁹⁸ Копцева, Н. П. Середкина, Н. Н. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе. Красноярск, 2013. С. 67.

«Подлинное конструирование искусства есть представление его форм в качестве форм вещей, каковы они сами по себе или каковы они в абсолютном»¹⁹⁹. В качестве основной особенности искусства он называет красоту, которая, в свою очередь, является выражением бесконечного в конечных формах.

На первом этапе русские мыслители критически оценивали тот вклад, который внесла русская культура, поскольку на тот момент она была в большей степени подражательной, «влияние Шеллинга и Гегеля достаточно быстро распространилось в русском образованном обществе. Уже в конце 10-х и в 20-х годах XIX века в центр его внимания ставится вопрос, что же оригинального уже создала к тому времени русская культура. Ответ дается, как правило, крайне неутешительный: практически ничего»²⁰⁰. Б. Гройс в качестве образца подобных взглядов рассматривает «Философическое письмо» П. Чаадаева.

Одновременно с этим русские литераторы создают свои произведения, которые отмечались критиками как истинно русские по своему духу (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, И. А. Гончаров, М. Ю. Лермонтов), что показано в статье Г. А. Мухиной на примере критических отзывов А. А. Григорьева и Н. Н. Страхова²⁰¹.

В XIX веке появляется своя собственная уникальная русская оперная музыка, представляющая образы национального характера, как например, в опере М. И. Глинки «Жизнь за царя» (1836 г.), сказочные русские образы в опере «Руслан и Людмила» (1837–1842 гг.), русский характер в фантазии «Камаринская» (1848 г.). Эта традиция будет продолжена и во второй половине XIX века М. П. Мусоргским, А. П. Бородиным, Н. А. Римским-Корсаковым, П. И. Чайковским и проявит себя в XX веке в творчестве С. В. Рахманинова, И. Ф. Стравинского, С. С. Прокофьева, Д. Д. Шостаковича, Р. К. Щедрина и многих других композиторов.

¹⁹⁹ Шеллинг, Ф. В. Философия искусства. М., 1966. С. 86

²⁰⁰ Гройс, Б. Поиск русской национальной идентичности // Вопросы философии. 1992. № 9. С. 53.

²⁰¹ Мухина, Г. А. Русские критики XIX века о русской идентичности // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2015. № 2 (6). С. 92–110.

Дебатам между приверженцами идей западников и славянофилов, их особой роли в становлении русской культурной идентичности уделяется особое внимание в книге Д. Биллингтона²⁰². Во второй половине XIX в. русская культурная идентичность активно обсуждается в дискуссиях между приверженцами западничества и славянофильства. Понятие «народность» обсуждают Н. В. Гоголь²⁰³, И. С. Аксаков²⁰⁴, Е. Н. Трубецкой²⁰⁵. Изучение русского народа ведется в области этнографии и фольклористики: К. Данилов, Л. В. Киреевский, А. Н. Афанасьев, Ф. И. Буслаев, В. И. Даль, П. Н. Рыбников и другие внесли свой вклад в понимание того, что есть русский, русское, национальное.

Велико влияние идей Ф. Ницше о двух началах на идеи русских мыслителей об искусстве. «Дионисийское начало у Ницше ассоциируется при этом с соловьевской экстатической «софийностью», или с «преображенной плотью», так что Мережковский, Бердяев, Булгаков или Флоренский получают возможность в новых терминах, позаимствованных у Ницше, говорить о дуализме двух начал — западном аполлоновском и русском дионисийском — и о необходимости их высшего синтеза»²⁰⁶. Ю. В. Синеокая в своей книге «Три образа Ницше в русской культуре»²⁰⁷ отмечает, что русских интеллектуалов в его философии привлекает идея человека как высшей ценности, способного в своем творческом порыве сравняться с Богом. Дионисийское и аполлоновское начала В. Иванов обсуждает в статье «Религия Диониса»²⁰⁸.

С. В. Голынец отмечает, что поиски национальной культурной идентичности художниками в советское время проявлялись по-разному²⁰⁹:

²⁰² Биллингтон Д. Россия в поисках себя. М., 2005. 224 с.

²⁰³ Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. М., 2013. 525 с.

²⁰⁴ Аксаков И. С. Наше знамя-русская народность. М., 2008. 640 с.

²⁰⁵ Трубецкой, Е. Н. Старый и новый национальный мессионизм // Русская идея. М. 1992. С.254.

²⁰⁶ Гройс, Б. Поиск русской национальной идентичности // Вопросы философии. 1992. № 9. С. 58

²⁰⁷ Синеокая, Ю. В. Три образа Ницше в русской культуре. М. 2008. 197 с.

²⁰⁸ Иванов В. Религия Диониса // Вопросы жизни. 1905. № 6. С. 185–220.

²⁰⁹ Голынец, С. В. Сергей Дягилев и национально-романтические искания в русском искусстве // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 33. С. 215

– искания сливались с революционными настроениями (примером служат произведения С. Т. Коненкова, агитфарфор А. В. Щекотихиной-Потоцкой);

– проявлялись в форме духовного противостояния (творчество М. В. Нестерова, П. Д. Корина);

– были востребованы советской идеологией (в качестве примера – мозаики П. Корина в московском Метрополитене).

С 1960-х гг. конструирование русской культурной идентичности осуществляют в своих произведениях В. Попков, К. Васильев, А. Харитонов, В. Калинин.

Активная деятельность художников по визуализации русской культурной идентичности приходится на рубеж XIX–XX веков. Именно с этой точки зрения рассматривает данный этап в культуре С. В. Голынец²¹⁰, описывая через деятельность С. Дягилева общую ситуацию в художественной сфере; Н. П. Копцева и Н. М. Лобакова²¹¹ рассматривают живопись рубежа веков как визуальные философские тексты, на примере женских образов в произведениях Б. Кустодиева, В. Борисова-Мусатова, Ф. Малявина раскрывают художественные концепции, созвучные философским идеям эпохи и отражающие процессы конструирования русской идентичности.

На рубеже XIX–XX веков формируется теория символизма и теория теургии, выработанная в рамках русского символизма. Н. А. Царёва²¹² указывает на три важных компонента данной теории:

– идея В. Иванова о том, что художники являются особого рода жрецами и пророками, которые способны владеть религиозной идеей и управлять ею;

²¹⁰ Голынец, С. В. Сергей Дягилев и национально-романтические искания в русском искусстве // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 33. С. 211–215.

²¹¹ Копцева, Н. П., Лобакова Н. М. Формирование российской культурной идентичности в образовательной деятельности современного университета посредством изучения истории русского изобразительного искусства // Педагогика искусства. 2012. № 4. С. 7–29.

²¹² Царёва, Н. А. Теургическая идея русского символизма и постмодернистская концепция деконструкции о преобразовании мира и человека // Вестник Томского гос. уни-та. 2009. № 320. С. 65–68.

– искусство становится жизнестроением, границы между жизнью и творчеством размываются;

– миссия искусства в жизнестроении связана с теургической миссией художника. Главной задачей творческой деятельности художника, таким образом, является преобразование общества средствами культуры и искусства.

Рассмотрение произведений искусства в качестве не просто содержащих визуальные образы русской культурной идентичности, но также и конструирующих специфическим образом эту идентичность обосновано и подтверждено рядом исследований, Н. П. Копцевой, Н. Н. Середкиной²¹³, Н. М. Либаковой²¹⁴, А. В. Кистовой²¹⁵, посвященных изучению механизмов формирования того или иного типа идентичности.

Так, например, Н. Н. Середкина²¹⁶ рассматривает понятия «художественная картина мира» и «этническая картина мира», определяет искусство как вторичную конструирующую систему, поскольку оно имеет дело с уже готовыми конструктами, в которых воплощены этнокультурные ценности. Художники используют определенную систему знаково-символических форм, которые получают свою актуализацию в процессе диалога зрителя с произведением искусства. В результате диалога с произведением искусства, как говорится в рамках исследования Н. Н. Середкиной, возможно конструирование этнической картины мира. Конструкты этнической идентичности являются архетипическими, представленными в наиболее чистом виде.

А. В. Кистова, анализируя произведение В. И. Сурикова «Боярыня Морозова», показывает, как на разных этапах диалога с произведением

²¹³ Копцева, Н. П. Середкина, Н. Н. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе. Красноярск, 2013. 184 с.

²¹⁴ Либакова Н. М. Модификации гендерных образов в российской культуре конца XIX – начала XXI веков : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01. Красноярск, 2011. 155 с.

²¹⁵ Кистова, А. В. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичностей на основе этнографического подхода в социальной философии : автореферат дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 Красноярск, 2013. 22 с.

²¹⁶ Середкина, Н. Н. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе : автореферат дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Красноярск, 2013. 25 с.

изобразительного искусства осуществляется конструирование общероссийской национальной идентичности²¹⁷.

Н. М. Либакова в своем диссертационном исследовании говорит о том, что включение философско-искусствоведческого анализа позволяет рассматривать то, как проявлена культурная идентичность в конкретных визуальных образах, в частности, она исследует специфику визуализации гендерных образов в произведениях изобразительного искусства рубежа XIX–XX веков²¹⁸.

²¹⁷ Кистова, А. В. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичностей на основе этнографического подхода в социальной философии : автореферат дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Красноярск, 2013. 22 с.

²¹⁸ Либакова, Н. М. Модификации гендерных образов в российской культуре конца XIX – начала XXI веков: дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 Красноярск, 2011. 155 с.

2.2 Визуализация русской культурной идентичности в произведениях Ивана Яковлевича Билибина

И. Я. Билибин входил в круг художников «Мира искусства», занимался созданием книжной иллюстрации, театральных декораций и костюмов. Основу его творчества составляют иллюстрации к русским народным сказкам. Жизни и творчеству И. Я. Билибина посвящали свои исследования такие авторы, как С. В. Голынец²¹⁹, являющийся составителем нескольких альбомов и сборника писем и воспоминаний о художнике; О. С. Семенов²²⁰, Т. Ф. Верижникова²²¹ являются авторами сопроводительных текстов к альбомам с репродукциями работ художника; В. В. Беляков также выступает как составитель сборников писем и документов, относящихся к периоду жизни И. Я. Билибина в Египте.

С. В. Голынец отмечает в своей статье, что «соединение художественного интереса к искусству Древней Руси с научным определило особенности неорусского стиля у собственно мирискусников – Билибина, Рериха и несколько позже присоединившегося к объединению Стеллецкого. Будучи в своих национально-романтических исканиях более рациональными, нежели московские живописцы, они стремились создать полуреальный, полуфантастический мир из археологически и этнографически достоверных деталей»²²², что указывает на сознательное рациональное моделирование образов русского мира в их творчестве.

Известно, что И. Я. Билибин очень тщательно изучал произведения русского искусства, в особенности XVII века, старался быть точным в изображении бытовых деталей, костюмов, архитектуры. Но он не был просто

²¹⁹ Иван Билибин / Авт.-сост. С.В. Голынец. Ленинград, 1988. 227 с.

²²⁰ Семёнов, О. Иван Билибин: Рассказ о художнике-сказочнике. М., 1996. 87 с.

²²¹ Иван Яковлевич Билибин (Альбом) / Автор-составитель Т. Ф. Вережникова. Спб., 2002.

²²² Голынец, С. В. Сергей Дягилев и национально-романтические искания в русском искусстве // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 33. С. 215

подражателем древнерусскому стилю. И. Я. Билибин стремился создать новый русский стиль, переосмыслить в своем творчестве наследие и традиции национального искусства. Сам художник в своей статье «Народное творчество русского Севера» писал: «Художникам-националистам предстоит колоссально трудная работа: они, пользуясь богатым старым наследием, должны создать новое серьезное, логически вытекающее из того, что уцелело... Постараемся, чтобы ничто не ускользнуло от нашего внимания; и, может быть, под влиянием увлечения минувшей красотой и создастся, наконец, новый русский стиль, вполне индивидуальный и не мишурный. И чем сильнее будет это увлечение, тем больше данных на нарождение нового русского стиля»²²³. Художник изучал культуру русского народа, был участником нескольких этнографических экспедиций, в частности, он изучал культуру и этнографию в Тверской, Вологодской, Архангельской и Олонецкой губерниях.

Выступал И. Я. Билибин и в качестве искусствоведа, показывая, таким образом, свое глубокое понимание народного искусства и истоков своего собственного художественного творчества. В той же статье художник пишет следующее, подчеркивая идею, что произведение искусства обладает функцией объединения народа: «И нам, ревнителям искусства, остается только собрать бережно то, что осталось от прежнего народного творчества и доказать, что эти скинутые сарафаны и брошенное рукоделье ни в чем не виноваты, что не от них жилось так плохо, что народное творчество — душа народа и его сила и гордость, что оно не раз спасало и объединяло народ, когда, казалось, он бывал в предсмертной агонии, что оно не есть орудие консерватизма, застоя и регресса и что будет время, когда народ, не всей бессознательной массой, а в лице отдельных сознательных, свободных и культурных лиц вернется и скажет: «верните нам наши песни, верните нам наши узоры!»²²⁴.

²²³ Билибин, И. Я. Народное творчество русского Севера // Мир искусства. Спб., 1910. Т. 12. С. 317.

²²⁴ Билибин, И. Я. Народное творчество русского Севера // Мир искусства. Спб., 1910. Т. 12. С. 304.

В статье художник прописывает стратегию, которой должны придерживаться не только художники, но и все желающие создать новый русский стиль. Собираение и изучение произведений народного искусства, которое только и может способствовать созданию живого нового русского стиля, изучение русского орнамента должно вестись только по оригиналам, пропаганда его должна быть массивной во всех художественных учреждениях. И. Я. Билибин говорит о роли художника следующее: «Художники являются толкователями скрытой красоты множества народных произведений, которая не бросается в глаза публике с ее первого взгляда»²²⁵.

Таким образом, из выдержек статьи художника становится ясно, что он конструировал русскую культурную идентичность осознанно, руководствуясь определенными рациональными правилами.

Произведения, выбранные нами для философско-искусствоведческого анализа, являются репрезентантами стиля художника, получившего наименование «билибинский стиль», выполнены в технике акварели. Отличительными чертами этого стиля являются четкая контурная линия, посредством которой создавались композиции в мельчайших деталях, а затем рисунок расцвечивался акварелью. Все объемные элементы представлены как плоскости для орнамента. О. Семенов²²⁶ в своей книге дает представление об основных этапах работы художника над произведением: сначала художник делал эскиз, затем посредством кальки переносил рисунок на ватман, затем раскрашивал акварелью. Таким образом, совершенно ясно, что во всех произведениях художника мельчайшие детали продуманы и неслучайны.

Философско-искусствоведческий анализ произведения изобразительного искусства *«Кащей Бессмертный. Иллюстрация к сказке «Марья Моревна»* (1901 г.) (Рисунок А.1).

²²⁵ Билибин, И. Я. Там же. С. 318.

²²⁶ Семёнов, О. Иван Билибин: Рассказ о художнике-сказочнике. М., 1996. 87 с.

Иллюстрация к сказке выполнена на листе горизонтального формата. Как и большинство работ художника, она оформлена рисованной рамой с декоративным орнаментом, содержащим в нижней и в верхней частях солярные знаки, по обеим сторонам слева и справа чередуются растительные элементы – ели и цветы.

При первоначальном наблюдении мы можем выделить следующие фигуры и элементы, которые представлены на картине:

- фигура всадника на коне;
- сабля в руке всадника;
- высокий холм;
- пространство леса, из которого выскакивает всадник;
- лес в долине, простирающийся до самого горизонта;
- облачное достаточно светлое небо.

Далее необходимым является анализ отдельных элементов картины.

Прежде всего, подробнее следует проанализировать фигуру всадника, поскольку, во-первых, она занимает практически все пространство картины, во-вторых, на ней, прежде всего, концентрируется внимание зрителя. Возникает ряд вопросов: почему всадник совершенно нагой, его тело ничем не прикрыто? Почему он держит в руке саблю? С каким врагом он собрался сражаться? Представлена фигура старика, на что указывают длинные седые космы на голове и развевающаяся седая борода, сутулость. При всем этом очевидно, что в этой фигуре сконцентрирована сила, его нельзя назвать немощным и слабым. В правой вытянутой руке он держит саблю, которая также занимает заметное место в пространстве произведения. Ее силуэт подчеркивается светлым небесным фоном. Она контрастирует с окружением своей отточенной формой, жесткой линией.

Всадник практически сливается с телом коня, его нога сразу не видна, при первом взгляде их фигуры образуют подобие кентавра. Конь и всадник слиты воедино. В образе коня можно обнаружить схожие черты с самим всадником. У коня, как и у всадника, седая грива. О нем также сложно

сказать, какого он возраста, скорее можно говорить, что перед нами древнее существо, но полное сил и энергии. Туловище коня как бы разделено на две половины, если морда и передняя его часть более похожи на живое существо, то задняя часть по своему цветовому решению напоминает пепел, наводит мысли о тлене, о связи с мертвым, неживым. Также примечательно, что конь, как и всадник, свободен от каких-либо «оков», на нем нет узды, седла или боевой защиты. В принципе, невозможно рассматривать коня и всадника по отдельности, они представляют собой одно единое неразрывное целое.

Теперь обратимся к анализу природного пространства, представленного на картине. Все что мы видим, это трава, деревья и небо. Лес простирается до самого горизонта, состоит из елей и берез. Видно, что ветки деревьев не колышутся от ветра, весь лес застыл в покое, в нем царит тишина. Собственно, все пространство, или даже весь мир, есть лес, который также является соучастником представленного в произведении события, одним из действующих героев. Если в качестве визуализации земного мира, того, в котором обитает человек, представлен лес, то возникает вопрос о том, каковы его характеристики? В результате исследований сказок различных народов В. Я. Пропп делает вывод о том, что лес тесно связан с обрядами инициации, является преградой на пути в иной мир и, одновременно входом в царство мертвых: «Сказочный лес, с одной стороны, отражает воспоминание о лесе как о месте, где производился обряд, с другой стороны – как о входе в царство мертвых. Оба представления тесно связаны друг с другом»²²⁷. Кроме того, лингвокультурологические исследования также способствуют пониманию роли и особенностей леса в анализируемом произведении. Так А. В. Полонский в своей статье «Русский язык между «лесом» и «степью»²²⁸ говорит об особом представлении о лесе в сознании русского человека, связанном не только с враждебными и опасными силами природы, но и мыслящимся как родной дом. Поскольку составляющими леса

²²⁷ Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000. С.41.

²²⁸ Полонский, А. В. Русский язык между «лесом» и «степью» // Вестник Евразии. 2006. № 1. С. 44–52.

являются деревья, то в рамках нашего исследования актуальным является анализ лексемы «дерево», проведенный А. В. Полонским. У слов «дерево» и «древний» оказывается один общий корень, в чем, по мнению автора статьи, отражается «языческая ментальность русича, именно с лесом связывающего древность своего рода»²²⁹. Близкими по своему этимологическому значению со словом «дерево» являются слова «дерзкий» (т. е. смелый, решительный) и «дерзать» (собираться с силами, мужать). Дальнейшие выводы о том, каковы функции и характеристики лесного пространства, представленного в произведении, можно сделать только в сопоставлении с другими элементами произведения, анализируя их во взаимосвязи.

Что же мы можем сказать о небе? Во-первых, на нем есть редкие облака, а во-вторых, нельзя точно сказать, закат или рассвет представлен на картине. Подобное освещение может относиться и к утру, и к вечеру. То есть время действия, представленное на картине, является неопределенным. Если внимательно приглядеться к форме облаков, то зритель неизбежно замечает, что она напоминает фигуры скачущих всадников, коих насчитывается три, а также облако в верхней части считывается как фигура фантастического существа, похожего на дракона или змея (клюв, голова, даже отмечен глаз, крыло, лапа и длинный хвост).

Итак, на этапе анализа элементов, изображенных на картине, мы фиксируем следующее:

– всадник и конь слиты друг с другом наподобие кентавра, обладают схожими характеристиками, вовлечены в одно активное и напряженное действие. Оба они представляют собой не старые, а скорее, древние существа, но полные сил и далекие от дряхлого, немощного состояния. Более того, они характеризуются как существа, свободные от оков (цивилизации?), нет ни одного элемента, который бы сковывал их движение, и в то же время они лишены защиты, хотя видно, что оба рвутся в бой (сабля в вытянутой руке готова сокрушить врага);

²²⁹ Полонский, А. В. Там же. С. 48.

– фигура коня характеризуется как принадлежащая одновременно и миру живому, и миру мертвому, что проявлено особенным цветовым решением его облика;

– и конь, и всадник обладают несколькими противоположными качествами одновременно (сила и старость, жизнь и смерть);

– окружающее земное природное пространство, на первый взгляд, в отличие от коня и всадника, отрешенно, спокойно, безучастно к происходящему. Одновременно с этим лес определяется как один из героев произведения, обладающий своими специфическими характеристиками;

– в небе внезапно обнаруживается активное действие, облака приобретают облик живых существ (всадники, кони и дракон), которые движутся с большой скоростью в одном направлении;

– время неопределенно, более того, его можно охарактеризовать как пограничное, момент перехода в другое состояние, сумеречность.

Возникает сразу несколько вопросов, требующих своего разрешения. Почему всадник и конь ничем не защищены, но при этом четко читаются их воинственные намерения? Почему лес и трава застыли, они как бы погружены в тишину и покой? Что означают движущиеся небесные фигуры? Кто ведет всадников в бой? Где тот враг, с которым все персонажи собираются сразиться, навстречу которому так спешат?

Теперь необходимо рассмотреть изображенные элементы в их взаимосвязи. Несмотря на то, что всадник на коне выскакивает из чащи леса и действует в пространстве земном, тем не менее он не принадлежит ему, но является его частью. Он не принадлежит ни лесу, ни земле, поскольку и конь, и всадник находятся в полете, ноги их не касаются земли, деревья как бы расступаются на их пути. Просто так, без определенных сверхъестественных способностей на бешеной скорости, с которой движется конь, невозможно было бы преодолеть пространство леса. Тем не менее, ясно видно, что всадник только что вылетел из леса, часть фигуры коня перекрыта деревьями, позади него сплошной стеной стоят ели. Следовательно, перед

нами существа сверхъестественные. Двигаются они вниз, с холма, что подчеркивает линия склона. С холма видно, как простирается сплошное пространство леса, земного мира. Всадник и конь характеризуются как находящиеся над миром, над земным существованием.

Сабля, которую держит всадник, выбивается из общего контекста, она как бы режет пространство, выскакивает из него, что подчеркнуто контрастом темного цвета стали и смеркающегося/рассветного светлого неба. Сабля – единственный элемент, который можно соотнести с предметом человеческого мира. Саблей всадник намерен сокрушать, разить, но не защищаться. Речи о защите не идет, всадник уверен в своей победе. То, как он держит саблю, указывает на то, что она используется им скорее как указатель направления, за ней идут небесные всадники и летит дракон. Всадник не направляет саблю против них, он становится их предводителем, за ним они идут в бой. Таким образом, все силы природы оказываются на стороне всадника.

Обращение к сюжету сказки, который иллюстрирует И. Я. Билибин, помогает раскрыть некоторые аспекты образа всадника, которые визуализирует художник.

В сказке из сборника А. Н. Афанасьева момент развития сюжета и действия персонажа на иллюстрации рассказаны следующим образом:

«Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается. «Что ты спотыкаешься? Али чуешь какую невзгону?» – «Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял»²³⁰. Характерно, что в сказке Кощей рубит на куски Ивана только на третий раз, до этого он его прощает в благодарность за помощь в изволении из плена Марьи Моревны. Да и никакой спешки в погоне за похитителем царевны в сказке также нет.

С одной стороны, текст сказки также транслирует мотив единения всадника и коня, они действуют в заодно, равно как это представлено в произведении И. Я. Билибина. С другой стороны, художник по-своему

²³⁰ Русские народные сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М., 1984. 1 т. С. 324.

трактует образ Кощея Бессмертного: это воплощение хтонической, необузданной силы, действующей на стороне природы, воинственное мужское начало.

Этимология слова «кощей/кащей» также позволяет сделать несколько выводов. Основываясь на исследованиях Е. И. Холявко²³¹, А. С. Штемберга²³², Ю. А. Разинова²³³, можно сказать, что слово имеет несколько значений, означает оно раба, пленника, слугу; в то же время оно произошло от слова «кош» – господин, от «кощь», «кость» – костяк, основа или корень рода, самый старейший в семье, ставший господином. Также от слова «кош» и образованного от него «кошелек» получает смысл хранителя всевозможных благ, включающих и собственное бессмертие.

Визуальный образ Кощея в произведении И. Я. Билибина предстает в аспекте господина, старейшины, предводителя. Он же несет охранную функцию, вот почему все силы природы следуют за ним, послушны ему.

Но вот кто же этот невидимый враг природы и Кощея? И. А. Бирич с точки зрения лингвистики предлагает интересное прочтение образа Марьи Моревны, отличное от многих трактовок, которые предлагают исследователи сказок: «Женской половиной бога Велеса была Марья Моревна – богиня, стоявшая на страже жизненных сроков людей. С тех пор все слова, имеющие корень «мор-мер», несут на себе признак неопределенности, опасности, катастрофы: смерть, умереть, мор, мороз, моросить и т. п.»²³⁴.

Следовательно, можно предположить, что Кощей, будучи на стороне природных сил, сражается с силами тьмы, смерти. Борьба между смертью и природными силами требует огромных усилий, напряжения всех возможных сил, привлечения к действию древних, хтонических и сверхъестественных

²³¹ Холявко, Е. И. К проблеме генезиса мифонима Кощей // Актуальные вопросы славянской ономастики: Материалы II Международной научной конференции «Славянская ономастика в ареальном, этимологическом и хронологическом аспектах. Гомель, 2004. С. 205–216.

²³² Разинов, Ю. А. Образы служения истине: хранители и копатели // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2011. № 1. С. 3–17

²³³ Штемберг, А. С. Герои русских народных сказок: кто они и почему ведут себя так, а не иначе? // Пространство и Время. 2011. № 4. С. 218–229.

²³⁴ Бирич, И. А. Современный русский язык – хранитель древнего мирозерцания (главные архетипы русского сознания) // Философия. Политология. 2009. № 1. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Birich/>

существ, таких как Кашей и Змей. Художник, трактуя образ Кашея скорее в положительном смысле, в противовес общепринятому сложившемуся стереотипу о его темной, злой сущности, как бы реабилитирует необходимость сокрушительных и необузданных сил природы в системе мироздания.

Что касается места существования человека в визуализированном художником устройстве мира, то оно определяется именно как пространство леса. То есть, можно говорить о том, что лес, в данном случае, выступает в качестве модели земного мира, или, если расширить данное понятие, как модели русского мира. Этот мир характеризуется как пограничный, одновременно опасный, поскольку в нем действуют сверхъестественные силы, но и в то же время связанный с древностью русского народа, а значит и мыслимый как родной. Застывший в ожидании и напряженной тишине лес как бы набирается сил, чтобы проявить свое могущество.

Философско-искусствоведческий анализ произведения изобразительного искусства *«Василиса Прекрасная уходит из дома Бабы Яги. Иллюстрация к сказке «Василиса Прекрасная» (1899 г.)* (Рисунок Б.1).

Иллюстрация выполнена на листе вертикального формата. В центре представлена фигура девушки на фоне насыщенного различными предметами декоративно решенного пространства. Обрамляется это пространство рамой с декоративным орнаментом.

Поскольку фигура девушки ясно читается за счет меньшего количества деталей и выглядит более цельно, чем фон, на котором она представлена, сама она расположена по центру и ее фигура является наиболее крупным элементом (самое большое цветовое пятно и наибольшие размеры), то следует начать с ее анализа.

Девушка делает шаг вперед, слегка ссутулившись, правую руку вытянула и отвела назад так, если бы шла не совсем уверенно и на ощупь. В левой руке она держит палку, к верху которой прикреплен череп со

светящимися глазницами. Голова ее и взгляд обращены в ту же сторону, что и свет из глазниц черепа. Волосы девушки заплетены в длинную косу, которая перекинута через ее левое плечо. Одета она в длинный синий сарафан, поверх него надет белый туникообразный передник с длинными рукавами, нижняя часть его нарядно украшена вышивкой, изображающей геометрический, растительный и зооморфный орнамент (по краю птицы и цветы). Нарядность костюма подчеркнута также несколькими низкими бус на ее шее. Ноги ее обуты в лапти, мы хорошо видим левую ее ногу, делающую первый шаг. Также о девушке можно сказать, что она спокойна, ее движения плавны и спокойны, она никуда не торопится, но ступает осторожно. Это подчеркнуто также тем, что волосы ее не растрепаны, костюм в порядке. За счет цветового решения костюма девушки ее фигура выглядит как самое большое светлое пятно на картине.

Далее необходимо назвать элементы, которые составляют фон произведения. На переднем плане представлена поляна, заросшая травой, с мелкой порослью елей и лиственных кустарников. Также на поляне растет множество ромашек, мелких желтых цветов и грибов, произрастающих на трухлявом пне и вокруг него. Позади фигуры девушки лежит поломанный ствол березы, обозначающий границу между поляной, на которой стоит девушка, и густым лесом, отделяющим пространство еще более дальнего плана, где представлены изба и забор из костей с черепами. За стволом березы растут густо папоротник и ели, видны обломки деревьев, которые образуют своего рода частокол. Стволы трех тонких деревьев наклонены так, словно бы образуют арку над головой девушки, отмечают вход в пространство на заднем плане.

За деревьями виден забор, сложенный из костей, с длинными шестами, на которые одеты человеческие черепа со светящимися глазницами, как и у того черепа, который держит девушка. Черепа почти белого цвета, это самые светлые детали в изображенном пространстве.

Почти все пространство заднего плана произведения занимает изображение деревянной избы, окна которой богато украшены резным орнаментом, в открытом окне виден свет. И только внимательно присмотревшись, зритель замечает, что у этого жилища есть необычная деталь – оно опирается на куриную ногу с длинным когтем. Кроме того, между стволов деревьев виднеется часть кровли избы, так называемая «причелина», резная доска, представленная в произведении с резным орнаментом, завершающаяся тремя декоративными резными элементами, похожими на фаланги пальцев.

Что же касается орнамента рамки, то его элементы целиком составляют изображения грибов разнообразных форм, выстроенные рядами в верхней и нижней частях рамы, тянущиеся вверх на высоких ножках в боковых частях.

На этапе первичного наблюдения фиксируется несоответствие между спокойствием девичьей фигуры и наличием зловещей, вызывающей страх атрибутики (кости, черепа, густой лес), обыденным и фантастическим (изба на курьих ножках), наличие живого и мертвого (девушка и похожее на человеческое в основных деталях жилище и наличие знаков смерти – костей и черепов). Эти несоответствия открываются постепенно, только при внимательном всматривании в произведение. Человек совершает некие действия в природном фантастическом пространстве, поскольку внешне обыденные детали сочетаются с такими деталями, которые выбивают человека из контекста повседневности, из обычной жизни.

Кроме того, возникает вопрос о том, какой свет представлен в изображенном пространстве? В группу предметов объединяются светлое пятно платья девушки, светлые кости и черепа, свет из глазниц черепов, свет из окна избышки. Передний план также явно более светлый, чем задний, вся поляна освещена. Единственный теплый живой свет находится в окне избышки. Свет, который излучают глазницы черепов, явно имеет потустороннюю, сверхъестественную, фантастическую природу. Также неясно, что освещает поляну на переднем плане, она залита светом, но где

его источник, откуда в ночной чаще леса свет? Следовательно, свет в произведении характеризуется как мистический, сверхъестественный, относящийся к иному миру, это мертвенный, неживой свет.

Также представленные предметы и фигуры можно анализировать, сгруппировав их по принципу принадлежности к какому-либо миру: человеческому (девушка, ее наряд, изба, ее украшение), природному (деревья, грибы, цветы) или же иному (череп, избушка на курьих ножках). Необходимым является выяснение характера взаимосвязи этих трех миров.

И вновь необходимо вернуться к фигуре девушки. Здесь возникает ряд вопросов. Почему девушка несет череп? Почему, будучи в пространстве, которое наполнено знаками смерти, она не выказывает признаков страха, даже спокойна? Через что она прошла? Как соотносится ее фигура с изображением избы? Ведь если внимательно приглядеться, то заметно, что коготь на ноге избушки словно бы цепляет и держит девушку за рукав, это место даже подчеркнуто складками на рукаве ее платья. Да и сама фигура девушки не так проста, как кажется на первый взгляд. Ведь зритель видит только одну ногу, выставленную вперед полностью, тогда как вторая утопает в траве, становясь более похожей на лапку зверя, а не человека, причем именно на это звериное она и опирается. Девушка, таким образом, связана с природными, животными силами, выходит из их мира, но и обращена она к миру вовсе не человеческому, а к иному, поскольку следит за светом из глаз черепа.

С другой стороны, если обратиться к тому, как представлена изба, то в ее трактовке заметны антропоморфные черты: хоть и куриные, но ноги, окно как глаз, декоративный элемент «причелина» как рука. Изба выглядывает из-за деревьев. Фантастическая изба не выглядит враждебной по отношению к девушке, скорее орнамент, который наличествует на подоле фартука и на наличниках оконца, и повторение ее позы (опорная правая нога девушки и куриная нога избушки, линия руки девушки повторена линиями

«причелины» – костяной руки) указывают на схожесть этих двух персонажей. Но в чем она проявляется помимо внешних атрибутов?

Почему по цветовому решению платье девушки и черепа с костями настолько близки? Нет ли в этом какого-то скрытого смысла? Быть может, платье, в которое одета девушка, содержит в себе разгадку? По всем признакам, одета она в русский традиционный костюм. Здесь следует учитывать, что И. Я. Билибин хорошо знал элементы русского костюма, символику каждой детали. Л. В. Ефимова в книге «Русский народный костюм», упоминая коллекцию, собранную художником в экспедициях, отмечает, что «в своих знаменитых иллюстрациях к русским сказкам И. Я. Билибин постоянно использовал мотивы вышивок, исключительно точно передавал конструкцию и декор русской народной одежды»²³⁵. На картине представлена девушка, одетая в сарафан, но вот верхний элемент, надетый поверх него, вызывает ряд вопросов. Дело в том, что подобного рода передник является частью так называемого «девичьего печального костюма», связанного с обрядом смены социального статуса девушки, началом нового этапа в ее жизни. Белый цвет в русской традиции связан со смертью, в костюме означает оплакивание прошлого (белый наряд невесты)²³⁶. То есть, перед нами девушка, которая умирает в одном качестве, но должна обрести жизнь в ином качестве. Смерть в данном контексте не воспринимается как нечто страшное, необратимое, но как необходимый этап, через который человек должен пройти. Орнамент на фартуке представляет символы жизнеутверждающие: это птицы, указывающие на небесное, следовательно, духовное пространство. Это и растительные элементы, традиционный мотив мирового древа, «воплощение центра мира и самого союза разных стихий мироздания. В нем сконцентрирована великая гармония жизни – миры Прави и Нави находятся в равновесии, и Явь связывает их как мост»²³⁷.

²³⁵ Ефимова, Л. В. Русский народный костюм. М., 1989. С. 8

²³⁶ Горожанина, С. В., Зайцева Л. М. Русский народный свадебный костюм. М., 2003. 128 с.

²³⁷ Валькевич, С. И. Символика орнамента в русских народных костюмах // Науч. ж. КубГАУ. 2013. № 92 (08). С. 7

Теперь необходимо обратиться к анализу того момента сказки, который изображает художник в своем произведении. В варианте сказки, который входит в сборник «Русские народные сказки» А. Н. Афанасьева, соответствующий момент описан следующим образом: «Вытащила она (Баба-Яга) Василису из горницы и вытолкала за ворота, сняла с забора один череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей и сказала: «Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его; они ведь за этим тебя сюда прислали». Бегом пустилась домой Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра и, наконец, к вечеру другого дня добралась до своего дома»²³⁸.

При сравнении текста сказки и представленного на картине художником фиксируется ряд несовпадений: Баба-Яга отсутствует как действующий персонаж, или лучше сказать, ее присутствие неявно; Василиса никуда не бежит, ее никто никуда не торопит, но зато становится ясно, что она приобрела то, за чем пришла.

Каким же образом возникает неявный персонаж сказки – Баба-Яга – в произведении И. Я. Билибина, какими характерными чертами и функциями она наделена? Помимо того, что на ее присутствие указывает изба на курьих ножках, наличие большого количества грибов как в самом пространстве действия главной героини Василисы Прекрасной, так и орнамент рамки произведения, состоящий из грибов, указывает на наличие существа, обладающего магической силой. Это неслучайный элемент произведения. Если обратиться к анализу семантики грибов²³⁹, то можно получить ряд интересных выводов. В произведении представлены в основном грибы несъедобные – так называемые бледные поганки и мухоморы, а также похожие на съедобные сыроежки. Автор статьи о семантике грибов пишет следующее: «Обратим внимание на то, что в русском фольклоре понятие *серый цвет* ассоциируется с представлением о границе между *днем / ночью*, о

²³⁸ Русские народные сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М., 1984. 1 т. С. 131.

²³⁹ Надель-Червинская, М. Семантика грибов в языке фольклора: картина мира и метазнаки народной эротики // URL: <http://filologija.vukhf.lt/2-7/nadel.htm>

плохой видимости и распознаваемости предметов в *вечерних сумерках*, а *поганки*, как известно, легко спутать с некоторыми видами *грибов съедобных*. Тем самым *хорошее и доброе* для человека как бы магически замещается *плохим и злым*, *съедобное* – не только *несъедобным*, но и *ядовитым* (обман зрения)²⁴⁰. В народных поверьях бытуют легенды о «ведьминых кругах», которые образуют грибы, как прямое указание на магию, на шаманизм, на связь с миром духов. Кроме того, грибы могут указывать на пространство, связанное со смертью, на присутствие разрушающей силы тления (грибы, представленные на поляне, растут на трухлявом пне). Снова обнаруживаются знаки, указывающие на смерть, но также и на возможность общаться с духами. Подчеркивается и отсутствие четкой грани между добром и злом, жизнью и смертью, светом и тьмой.

Также мы можем обратиться к анализу образа Бабы-Яги у В. Я. Проппа²⁴¹, где он рассматривает различные типы данного сказочного персонажа и его функции. В произведении И. Я. Билибина представлен аспект Бабы-Яги дарительницы, которая снабжает героиню магическим предметом. В. Я. Пропп говорит о том, что в образе Бабы-Яги сохранились не только представления о смерти, но также и о социальной жизни древних людей, а именно представления об обряде посвящения (инициации), который проходил в лесу в условиях строжайшей тайны. Таким образом, Василиса, представленная на картине, является носителем тайного, сакрального знания.

Василиса – единственное живое существо, представитель человеческого мира, существо, принадлежащее Яви, реальности, видимому и осязаемому миру. Деревья, цветы, трава указывают на мир природы в мифологии славян именуемый миром Прави, в котором правит бог Род, прародитель людей. А все знаки смерти указывают на третий мир – Навь,

²⁴⁰ Надель-Червинская, М. Семантика грибов в языке фольклора: картина мира и метазнаки народной эротики // URL: <http://filologija.vukhf.lt/2-7/nadel.htm>

²⁴¹ Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000. С. 36–39

невидимый для человека, населенный духами, грозящий ему опасностями²⁴². Это универсальная система, характерная для представлений об устройстве мира многих народов. В произведении три уровня мироздания представлены слитыми в единое целое, сложно обнаружить, где заканчивается граница одного мира и начинается граница другого. И в качестве проводника, который способен связать два невидимых мира, выступает в произведении вовсе не Баба-Яга, а сама Василиса. Функция же Бабы-Яги здесь состоит в защите и охране Василисы от губительных сил мира духов, вот почему избушка выглядит как тыл, который держит героиню, не дает ей потеряться в мире тонких и неопределенных границ.

Тонкая, женственная, гибкая сущность Василисы оказывает живительное действие: вокруг распускаются цветы, темная чаща леса озаряется светом. Сопоставление образов Василисы и избушки показало, что они обладают несколькими родственными внешними характеристиками, а теплящийся внутри избушки и видимый через окошко свет намекает на то, что и девушка есть носитель такого же живительного, но невидимого, сокрытого света. Именно этот внутренний, живительный, теплый свет и освещает представленное пространство.

Обращаясь к русской народной сказке, художник И. Я. Билибин конструирует своеобразное представление об устройстве мира и действиях человека в нем. В произведении он визуализирует тонкость взаимопереходящих друг в друга границ миров, характерный для русской культуры женственный, внимательный, внутренне одухотворенный и освещенный подход к познанию мира, к совершению действий в нем. Также это и умение проявить гибкость, сохранив стойкость, присущие именно женской природе. Загадки и тайны мира открываются только через познание добра и зла, света и тьмы в их неразрывном единстве.

²⁴² Бирич, И. А. Современный русский язык – хранитель древнего мирозерцания (главные архетипы русского сознания) // Философия. Политология. 2009. №1. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Birich/>

2.3 Прикладное культурологическое исследование по методике «Серия тематических ассоциаций» со словом-стимулом «русское»

В данном параграфе представлены результаты ассоциативного эксперимента со словом «русское», проведенного по методике «Серия тематических ассоциаций» среди студентов I–IV курсов Сибирского федерального университета и Красноярского государственного медицинского университета им. В. Ф. Войно-Ясенецкого. В эксперименте принимали участие студенты, обучающиеся по следующим направлениям: гуманитарные науки, архитектура, строительство, машиностроение, транспорт, медицина.

Введение в структуру настоящего диссертационного исследования ассоциативного эксперимента по методике «Серия тематических ассоциаций» обусловлено рядом причин: во-первых, его применение позволяет получить культурный материал для исследовательского анализа и внедрения результатов культурного анализа в современность, чтобы адекватно понимать современную ситуацию, во-вторых, позволяет сравнить с моделью русской культурной идентичности, сконструированной И. Я. Билибиным на рубеже XIX–XX веков.

Н. М. Либакова²⁴³ и А. А. Семёнова²⁴⁴ в своих диссертационных исследованиях обосновывают необходимость ассоциативного эксперимента следующим образом: познание культурного прошлого страны необходимо, в первую очередь, для понимания его значения в современности, ассоциативный эксперимент выступает, в данном случае, как ключевой метод для познания современности. Н. М. Либакова делает акцент на том,

²⁴³ Либакова, Н. М. Модификации гендерных образов в российской культуре конца XIX – начала XXI веков : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01. Красноярск, 2011. 155 с.

²⁴⁴ Семёнова, А. А. Методологические возможности теории культуры для анализа модификации древнерусского концепта «государство» в российской культуре XXI века : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01. Красноярск, 2009. 190 с.

что ассоциативный эксперимент органично дополняет метод философско-искусствоведческого анализа, позволяет сравнить визуальную и вербальную модели понимания русской культурной идентичности в социуме. Кроме того, в работах исследователей подробно описана методика «Серия тематических ассоциаций»²⁴⁵, предложенная А. И. Назаровым и Р. В. Соколовым

Методика «Серия тематических ассоциаций» была неоднократно опробована учеными кафедры культурологии Сибирского федерального университета, результатом чего явился ряд публикаций, отражающих результаты экспериментов, проведенных следующими авторами: Н. М. Лобаковой²⁴⁶, Ю. С. Замараевой²⁴⁷, А. А. Семёновой²⁴⁸. Кроме того, на основе масштабного по охвату аудитории эксперимента, в проведении которого также принимали участие студенты кафедры культурологии, была написана статья, вошедшая в монографию «Новое будущее Сибири: ожидания, вызовы, решения»²⁴⁹.

На слово-стимул «русское» всего было получено 148 анкет, в результате их обработки всего было получено 1231 слово и 519 ассоциаций. Наиболее часто повторялись следующие слова-ассоциации (здесь и далее в скобках указан процент от общего числа полученных в анкетах слов): поле – 31 (2,5%), медведь – 31 (2,5%), водка – 29 (2,3%), слово – 26 (2,1%), матрешка – 24 (1,9%). Все эти слова можно отнести к стереотипам, которые ассоциируются с русским у большинства людей, живущих за пределами России.

²⁴⁵ Назаров, А. И., Соколов, Р. В. Ассоциации и ассоциативный эксперимент: разные судьбы // Вопросы психологии. 2007. № 4. С. 125–138.

²⁴⁶ Libakova N. M. Specific nature and applied methodology of gender theory in cultural studies // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2009. Vol.2. № 4. P.580–586.

²⁴⁷ Замараева, Ю. С. Отношение мигранта и принимающей среды как феномен современной культуры Красноярского края (результаты ассоциативного эксперимента по методике «Серийные тематические ассоциации» // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». 2011. Т. 4. № 6. С. 805–815.

²⁴⁸ Semenova, A. A. The concept state in local culture of Krasnoyarsk: the results of an associative experiment based on the method Series of the thematic associations // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Science. 2011. Vol. 4. № 11. P. 1526–1542.

²⁴⁹ Копцева, Н. П., Замараева, Ю. С., Середкина, Н. Н., Резникова, К. В. Образы России, Родины, Сибири в мировоззрении сибирских студентов (по результатам ассоциативных экспериментов) // Новое будущее Сибири: ожидания, вызовы, решения: монография. Красноярск, 2014. С. 226–267.

Малое количество повторений в анкетах и большое разнообразие слов-ассоциаций указывает на то, что среди молодых людей в России на данный момент нет четко сформированного и единого представления о «русском». Более того, у многих респондентов в ходе эксперимента возникали трудности с написанием ассоциаций, в результате чего некоторые студенты вообще отказались что-либо писать, либо написали менее 5 слов-ассоциаций.

Последующая обработка полученных ассоциаций дала следующие результаты: были выделены группы позитивных и негативных слов (Рисунок 1), также слова были распределены в группы по смыслу. Все смысловые группы оказались достаточно малыми по количеству слов в соотношении с общим количеством полученных в анкетах ассоциаций.

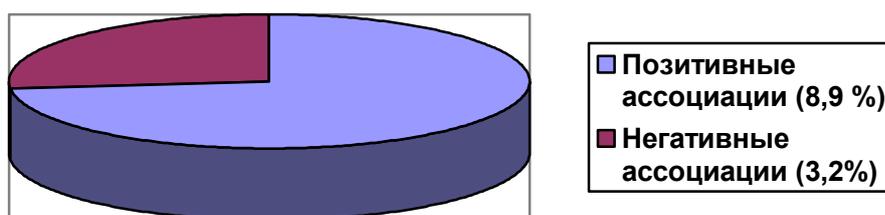

Рисунок 1 – Соотношение позитивных и негативных ассоциаций

Позитивные ассоциации: *сила – 9 (0,7%), щедрость – 5 (0,4%), доброта – 5 (0,4%), великое – 4 (0,3%), сильное – 4 (0,3%), душевное – 3 (0,2%), качественное – 3 (0,2%), могущество – 3 (0,2%), мужество – 3 (0,2%), патриотизм – 3 (0,2%), победа – 3 (0,2%), свобода – 3 (0,2%), сильное – 3 (0,2%), счастье – 3 (0,2%), величие – 2 (0,16%), веселое – 2 (0,16%), гостеприимство – 2 (0,16%), красивое – 2 (0,16%), любовь – 2 (0,16%), могучее – 2 (0,16%), мощь – 2 (0,16%), мудрость – 2 (0,16%), смелость – 2 (0,16%), чистое – 2 (0,16%), чистота – 2 (0,16%), бесстрашное, благополучие, богатство, великая держава, великие люди, великодушные,*

веселье, вызывающее гордость, гордость, доброе, дорогое сердцу, дружба, дружелюбие, дружная, забота, защита, изобилие, коммуникативность, любимое, мужественная, мы выбираемся из задницы, надежное, непобедимость, отзывчивость, праздник, праздничное, превосходство, прекрасное, приятное, родная, роскошь, Россия непобедима, тепло, тепло в душе, умные мужчины, храбрость, честная. Всего – 110 (8,9%).

Негативные ассоциации: *дураки – 4 (0,3%), война – 2 (0,16%), санкции – 2(0,16%), беднота, безделье, беспредел, битва, больница, большие цены, бунт, быдло, горе, грязь, драки, жадность, заключение, злюка, истеричка, казнь, коррупция, крах, лень, мат, матерное слово, наглость, плохие дороги, плохое кино, подчинение, почему все так плохо?, разруха, Россия и кризис, русская машина отстой, сволочь, смерть, темница. Всего – 40 (3,2%).*

Интерпретация. Позитивные ассоциации, встречающиеся в анкетах респондентов, преобладают в сравнении с негативными почти в три раза. Помимо этого, некоторые позитивные ассоциации (такие как *сила – 9 (0,7%), щедрость – 5 (0,4%), доброта – 5 (0,4%), великое – 4 (0,3%), сильное – 4 (0,3%), душевное – 3 (0,2%), качественное – 3 (0,2%), могущество – 3 (0,2%), мужество – 3 (0,2%), патриотизм – 3 (0,2%), победа – 3 (0,2%), свобода – 3 (0,2%), счастье – 3 (0,2%)*) повторяются значительно чаще, тогда как самая частая негативная ассоциация *дураки* повторяется только в четырех анкетах. Также в группе слов с позитивным окрасом в основном преобладают обозначения качеств характера, например, *гостеприимство, щедрость, доброта, мужество, смелость, отзывчивость, великодушие, дружелюбие, храбрость.*

Теперь необходимо перейти к интерпретации смысловых групп слов, обозначающих еду, природное пространство и характеристики климата, искусство и культуру, фольклор/ремесла/народное искусство, черты характера человека, обозначения человека, одежду и облик человека, политическую и экономическую сферы и др.

Еда: водка – 29 (2,3%), пельмени – 8 (0,6%), блины – 7 (0,6%), блюдо – 6 (0,5%), борщ – 6 (0,5), печь – 6 (0,5), хлеб – 5 (0,4%), застолье – 2 (0,16%), каравай – 2 (0,16%), кухня – 2 (0,16%), мед – 2 (0,16%), сало – 2 (0,16%), алкоголь, вареники, вкусная еда, вкусное, каша в горшке, квас, квашеная капуста, клюква, мороженое, национальная еда, окрошка, печка, пиво, пир, стол, стряпать блины, уха, халва, хрен, черный хлеб, шашлык, шоколадка «Аленушка», яблок (Рисунок 2). **Всего – 100 (8,1%).**

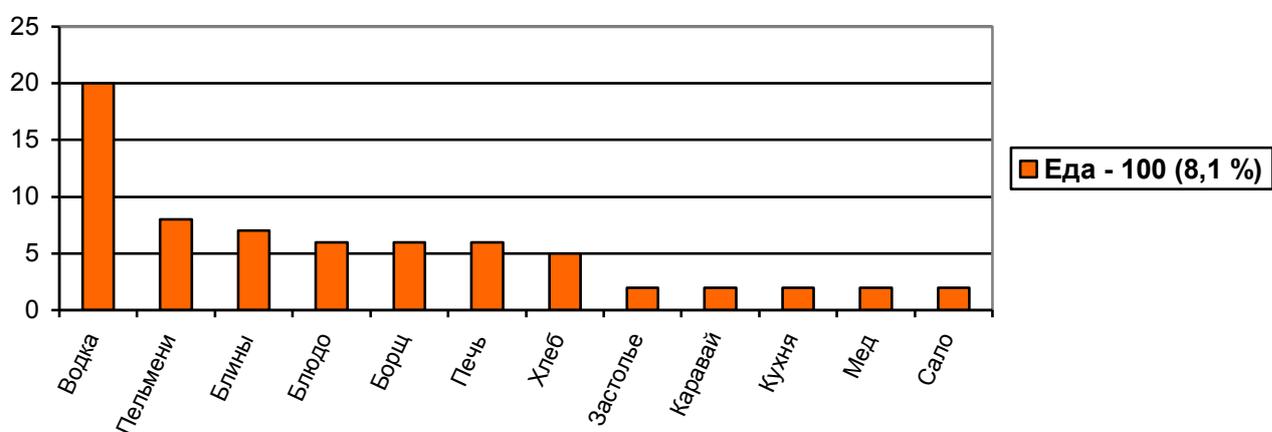

Рисунок 2 – Ассоциации, обозначающие еду

Интерпретация. Это самая многочисленная группа слов-ассоциаций, что указывает на то, что представление о «русском» сильнее всего закрепилось в сфере, связанной с национальными едой и напитками. Слово *водка* названо чаще всего, является стереотипным представлением о том, что пьют русские. Интересно, что два респондента назвали блюда азиатской и кавказской национальной кухни как связанные с представлением о русском (*халва, шашлык*).

Природное пространство и характеристики климата: поле – 31 (2,5%), лес – 12 (0,97%), береза – 11 (0,9%), природа – 10 (0,8%), мороз – 4 (0,3%), река – 4 (0,3%), тайга – 4 (0,3%), снег – 3 (0,2%), земля – 2 (0,16%), море – 2 (0,16%), пашня – 2 (0,16%), солнце – 2 (0,16%), холод – 2 (0,16%), воздух, дерево, елка, красное солнце, морозоустойчивое, морозы, небо, озеро, пшеница, ромашки, роща, русские морозы, свежий воздух, север, степь, тепло, трава в поле, холодное. (Рисунок 3). **Всего – 98 (8%).**

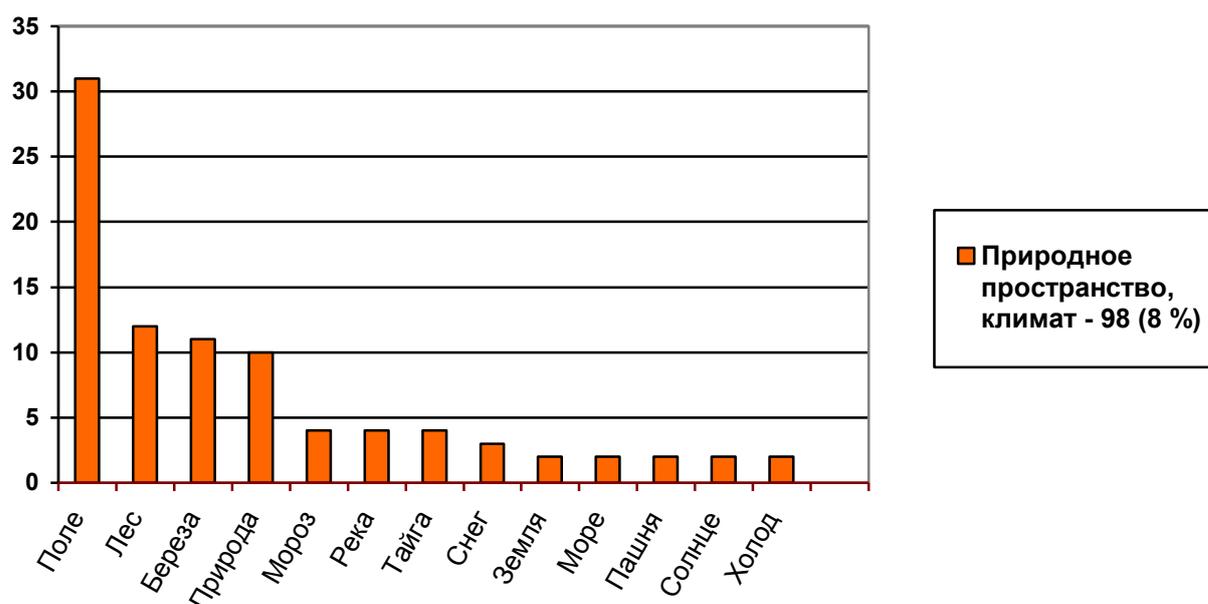

Рисунок 3 – Ассоциации, обозначающие природное пространство

Интерпретация. Одна из самых больших (по количеству встречающихся в анкетах слов) группа ассоциаций, что свидетельствует о том, что «русское» в сознании молодежи соотносится, прежде всего, со специфическим природным пространством (*поле, лес, береза*) и условиями проживания (*мороз, снег, холод, север*).

Искусство/культура: искусство – 15 (1,2%), творчество – 9 (0,7%), культура – 7 (0,6%), музыка – 6 (0,5%), литература – 4 (0,3%), песня – 4 (0,3%), танцы – 4 (0,3%), традиции – 4 (0,3%), архитектура – 3 (0,2%), живопись – 3 (0,2%), кино – 3 (0,2%), песни – 3 (0,2%), писатель – 3 (0,2%),

радио – 3 (0,2%), стихи – 3 (0,2%), зодчество – 2 (0,16%), наследие – 2 (0,16%), поэт- 2 (0,16%), скульптура – 2 (0,16%), танец – 2 (0,16%), театр – 2 (0,16%), ансамбль, артист, балет, домра, иконы, картины, книга, комедия, музыканты, плохое кино, поэзия, произведение, скульптор, стиль, Третьяковка, художник (Рисунок 4). **Всего – 94 (7,6%).**

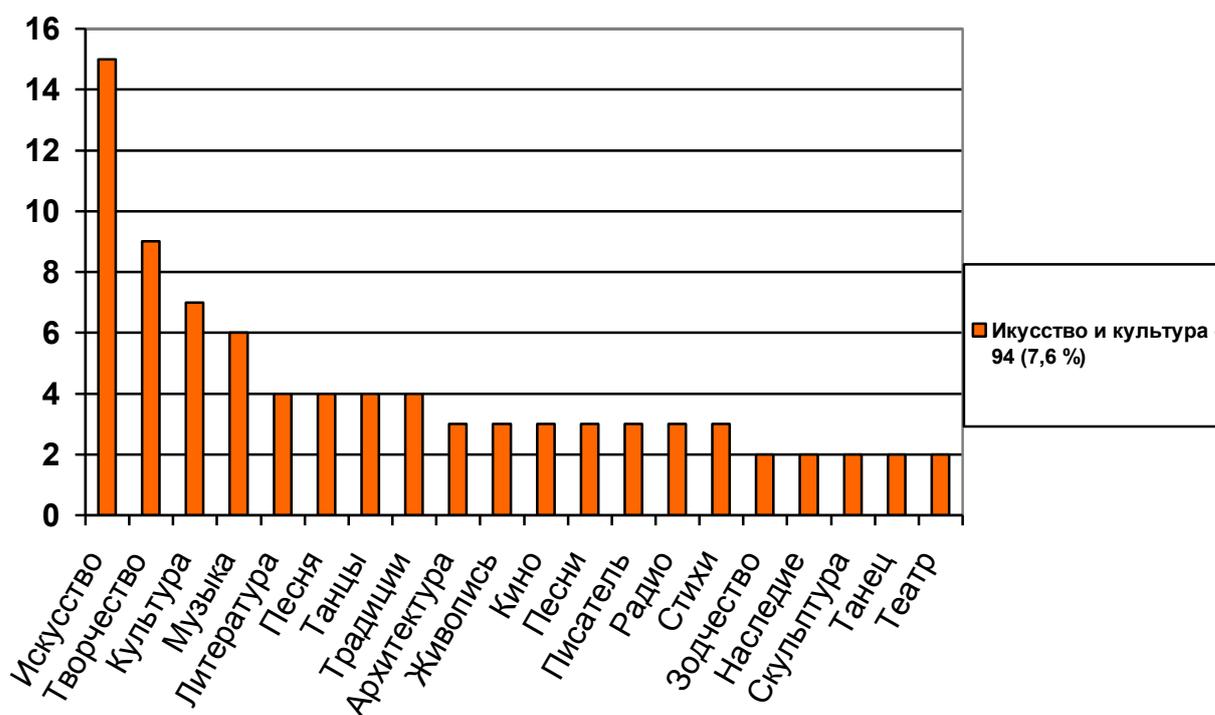

Рисунок 4 – Ассоциации группы «Искусство и культура»

Интерпретация. Ассоциации данной группы разнообразны, указывают на многие сферы искусства. По количеству слов данная группа одна из самых больших в сравнении с другими группами ассоциаций. Также как и предыдущая группа ассоциаций, она показывает, что понимание того, что является «русским» укоренилось в сфере искусства, либо может быть сформировано посредством произведений искусства.

Фольклор/ремесла/народное искусство: матрешка – 24 (1,9%), балалайка – 12 (0,97%), сказка – 7 (0,6%), хохлома – 6 (0,5%), Дед Мороз – 4 (0,3%), узор – 3 (0,12%), Алеша Попович – 2 (0,16%), быль – 2 (0,16%),

гармонь – 2 (0,16%), Снегурочка – 2 (0,16%), частушки – 2 (0,16%), басни, баян, вышивка, гжель, легенда, мастерство, народные песни, народные сказки, расписная посуда, резной, фольклор (Рисунок 5). **Всего – 77 (6,2%).**

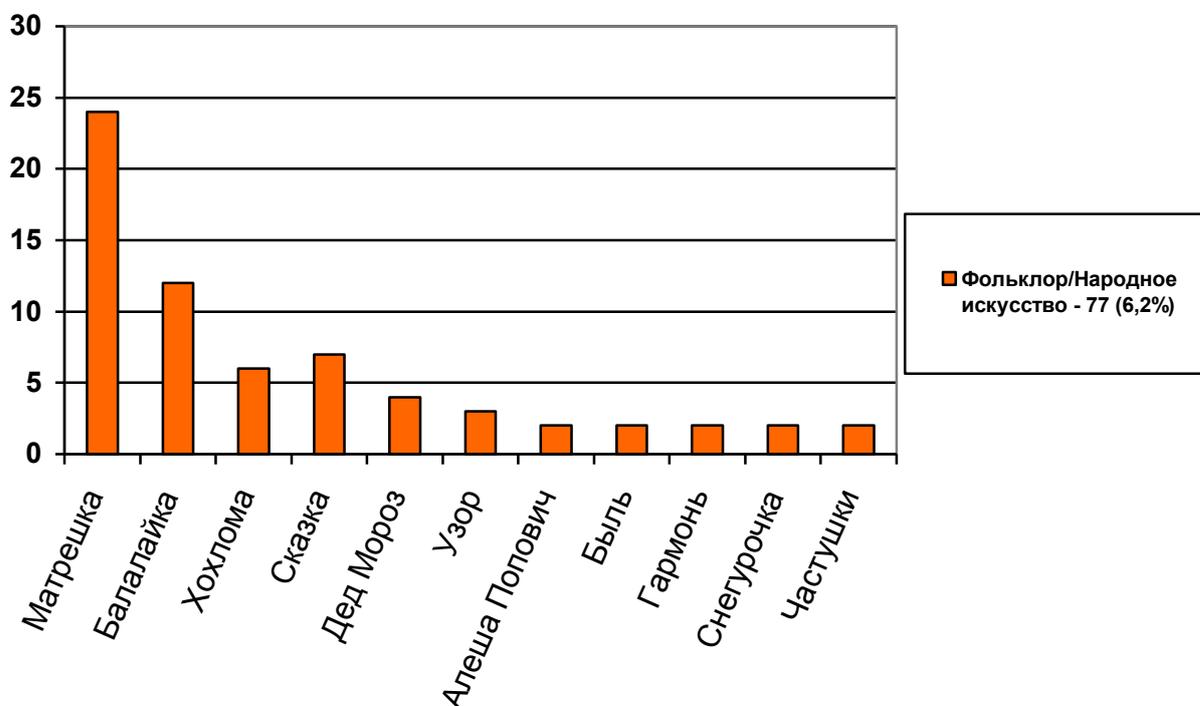

Рисунок 5 – Ассоциации группы «Фольклор, ремесла, народное искусство»

Интерпретация. В данной группе ассоциаций наблюдается большое разнообразие слов, достаточно высока частота их упоминания в анкетах. Ассоциация *матрешка* является одной из немногих, которые упоминались респондентами чаще других. Это самый распространенный сувенир и известный символ, который связывается с представлением о «русском». Также здесь представлены слова, которые связаны с народными ремеслами, музыкой, сказаниями и сказками. Таким образом, представление о том, что является «русским», тесно связано с различными формами народного творчества.

Черты характера человека: сила – 9 (0,7%), щедрость – 5 (0,4%), доброта – 5 (0,4%), сильное – 4 (0,3%), душевное – 3 (0,2%), могущество – 3 (0,2%), мужество – 3 (0,2%), патриотизм – 3 (0,2%), характер – 3 (0,2%), широкая душа – 3 (0,2%), величие – 2 (0,16%), гостеприимство – 2 (0,16%), единство – 2 (0,16%), могучее – 2 (0,16%), мощь – 2 (0,16%), мудрость – 2 (0,16%), смекалка – 2 (0,16%), смелость – 2 (0,16%), безмятежность, бесстрашное, великодушие, выдержка, доброе, дружелюбие, дружная, естественность, жадность, коммуникативность, коня на скаку остановит, креативность, лень, менталитет, мужественная, наглость, находчивость, непобедимость, неповторимость, отзывчивость, патриотичная, поведение, подчинение, покой, простота, самопожертвование, самопознание, сила воли, стойкая, уникальность, храбрость, честная, юмор (Рисунок 6). **Всего – 90 (7,3%).**

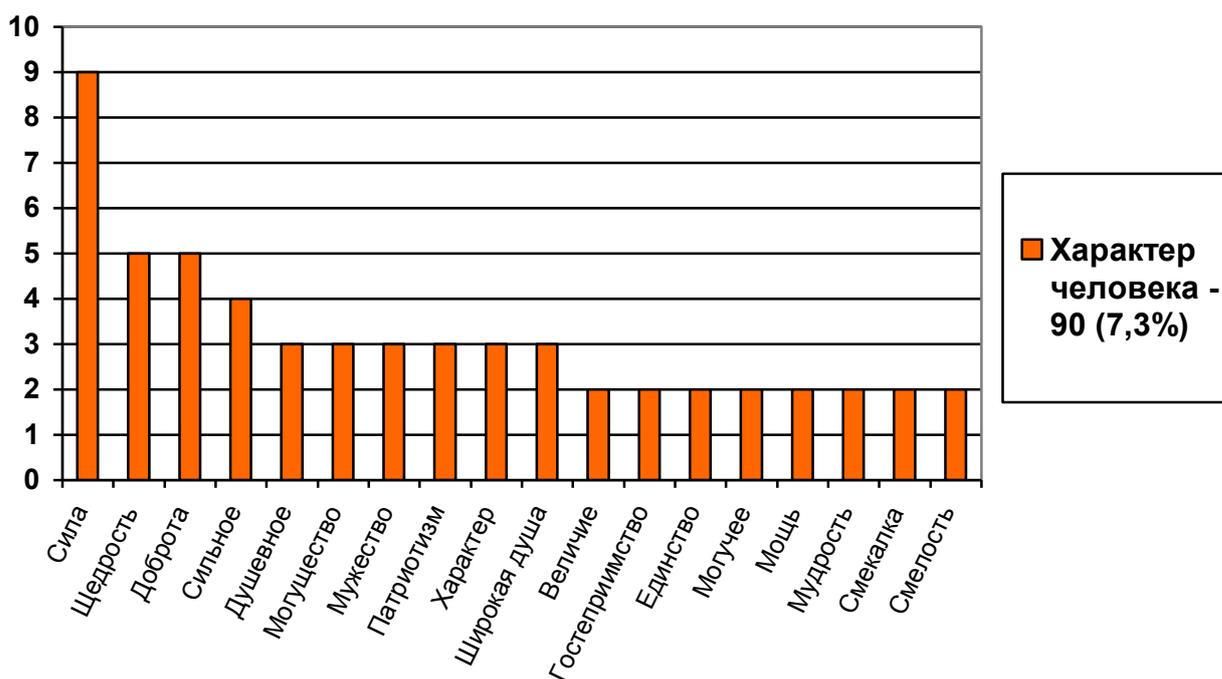

Рисунок 6 – Ассоциации, указывающие на особенности характера человека

Интерпретация. Одна из самых больших групп слов, свидетельствует о современном восприятии «русского» как определенного характера человека или народа. Следует отметить, что в данной группе ассоциаций преобладают

позитивно окрашенные слова, многие связаны с волевыми качествами характера, создающими образ сильного, стойкого человека (*сила, могущество, мужество, сильное, могучее, мощь, бесстрашное, выдержка, коня на скаку остановит, мужественная, непобедимость, самопожертвование, сила воли, сильная, храбрость*).

Обозначения человека: *народ – 8 (0,6%), девушка – 7 (0,6%), богатырь – 6 (0,5%), человек – 5 (0,4%), баба – 4 (0,3%), дураки – 4 (0,3%), люди – 4 (0,3%), мама – 3 (0,2%), женщина – 2 (0,16%), население – 2 (0,16%), красна девица – 2 (0,16%), славянка – 2 (0,16%), баба с ведром, быдло, великие люди, девушка в народном костюме, дикарь, злюка, истеричка, красавица, красивые женщины, личность, много детей, много людей, мужик, немцы, подруга, сволочь, сибирячка, славяне, таджики, умные мужчины, эго, я (Рисунок 7). Всего – 78 (5,7%).*

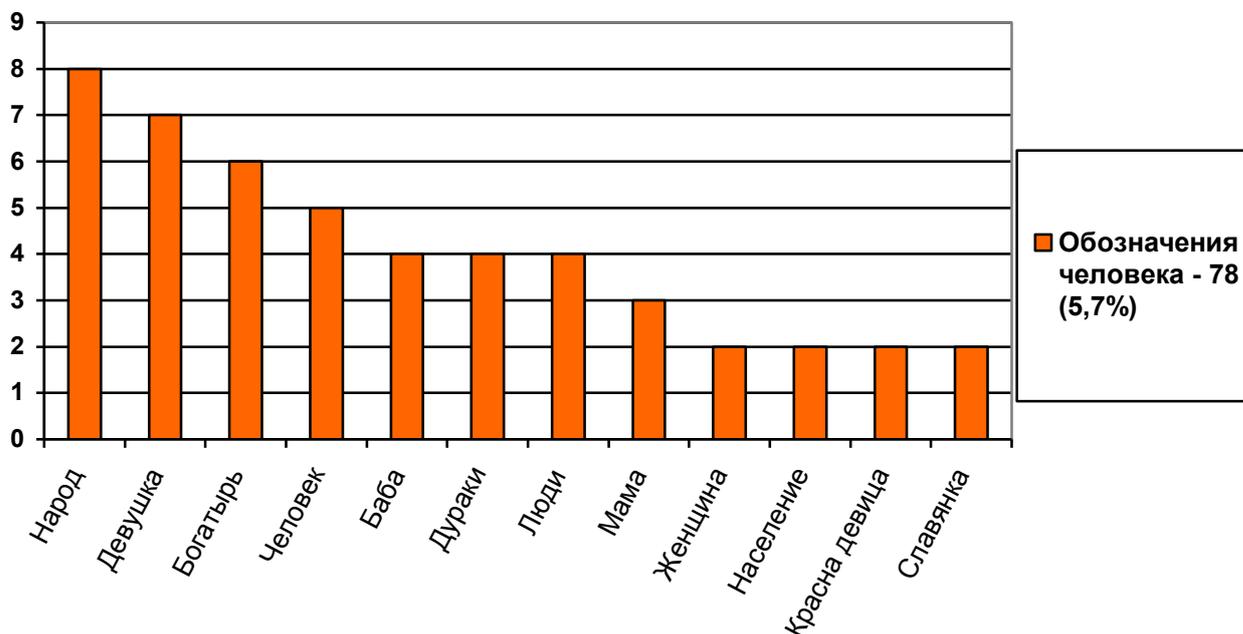

Рисунок 7 – Ассоциации, обозначающие человека

Интерпретация. В данной группе слов-ассоциаций заметно, что женские образы преобладают (*девушка, баба, мама, женщина, красна девица, славянка, баба с ведром, девушка в народном костюме, злюка,*

истеричка, красавица, красивые женщины, подруга, сибирячка), что позволяет говорить о связи «русского» в сознании респондентов с преимущественно женским началом.

Одежда и облик человека: *валенки – 13 (1,06%), кокошник – 7 (0,6%), ушанка – 5 (0,4%), коса – 3 (0,2%), голубоглазый – 2 (0,16%), платок – 2 (0,16%), сарафан – 2 (0,16%), белые кудри, внешность, блондинка, галоши, длинные косы и белое лицо, костюм, красивая, лицо, платки расписные, рукавицы, румяный, тело, шаль, шерстяные носки, черты, щеки* (Рисунок 8).
Всего – 50 (4%).

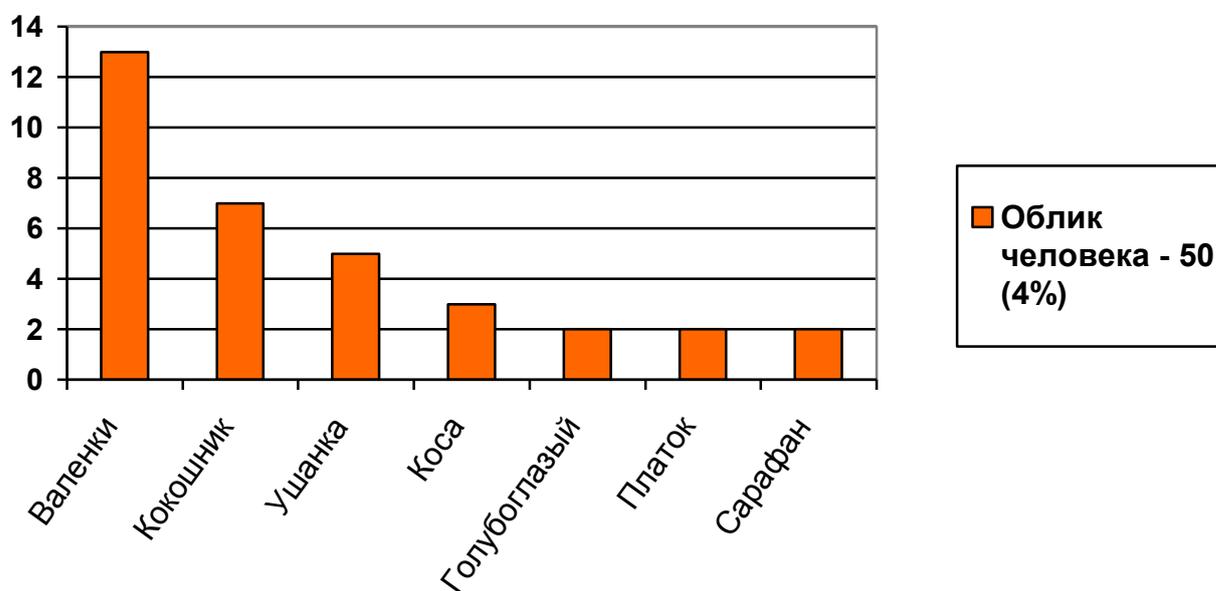

Рисунок 8 – Ассоциации, обозначающие облик человека

Интерпретация. Основное внимание респондентов сконцентрировано на деталях костюма, скорее национального, поскольку такие элементы облика, как *валенки, кокошник, ушанка, сарафан, шаль* не свойственны образу современного человека. Названы в основном теплые вещи, соответствующие климатическим условиям. Слова, обозначающие типичные черты внешности человека, складываются в образ светловолосых и голубоглазых мужчин и женщин.

Политическая и экономическая сферы: государство – 6 (0,5%), Кремль – 5 (0,4%), рубль – 3 (0,2%), знамя – 2 (0,16%), санкции – 2 (0,16%), СССР – 2 (0,16%), флаг – 2 (0,16%), большие цены, власть, доллар 58, ипотека, Конституция РФ, коррупция, МедвеПутин, новость, Обама, правители, Россия и кризис, Украина (Рисунок 9). **Всего – 34 (2,8%).**

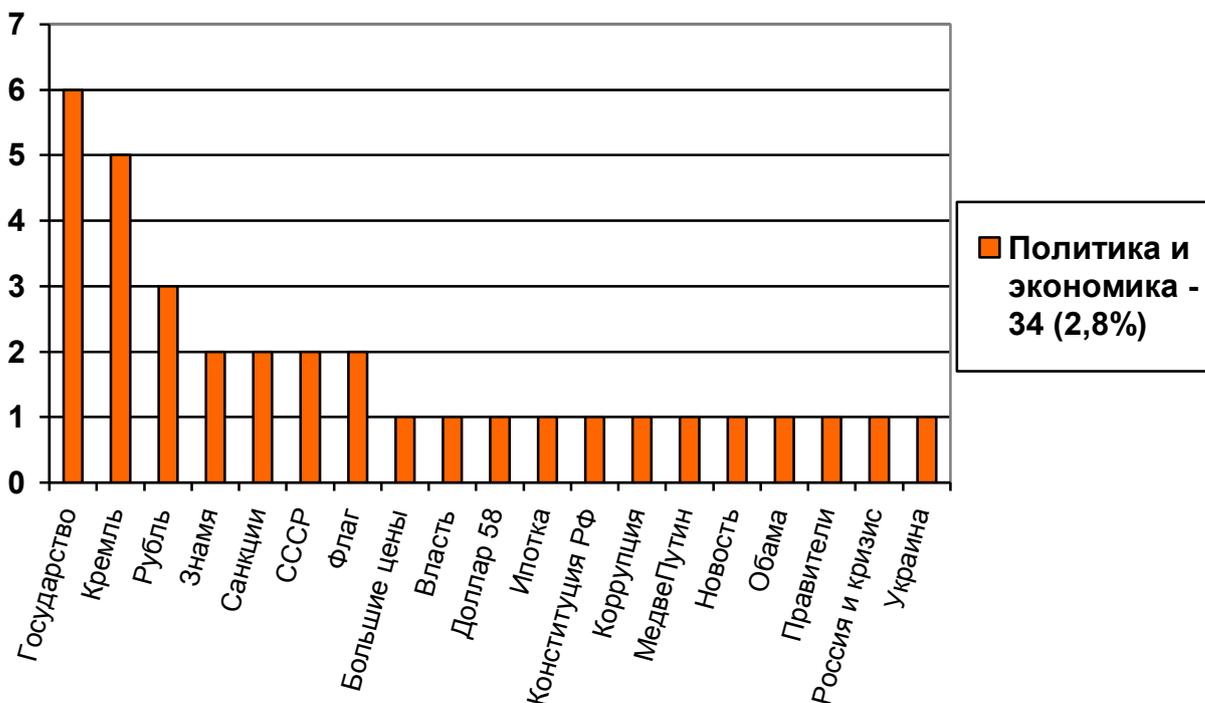

Рисунок 9 – Ассоциации, обозначающие сферу политики и экономики

Интерпретация. Данная группа ассоциаций описывает современную ситуацию в политике и экономике, в которой находятся граждане Российской Федерации, только в двух анкетах «русское» было связано с советским прошлым страны (ассоциация СССР).

Персоналии: Путин – 8 (%), Иван Грозный – 3 (0,2%), Алеша Попович – 2 (0,16%), Жириновский – 2 (0,16%), Калашников – 2 (0,16%), Ленин – 2 (0,16%), Петр I – 2 (0,16%), Пушкин – 2 (0,16%), Сталин – 2 (0,16%), Брежнев, Высоцкий, Достоевский, Дубровский, Лермонтов, Маяковский, Пелагея (певица), Суриков, Толстой (Рисунок 10). **Всего – 34 (2,8%).**

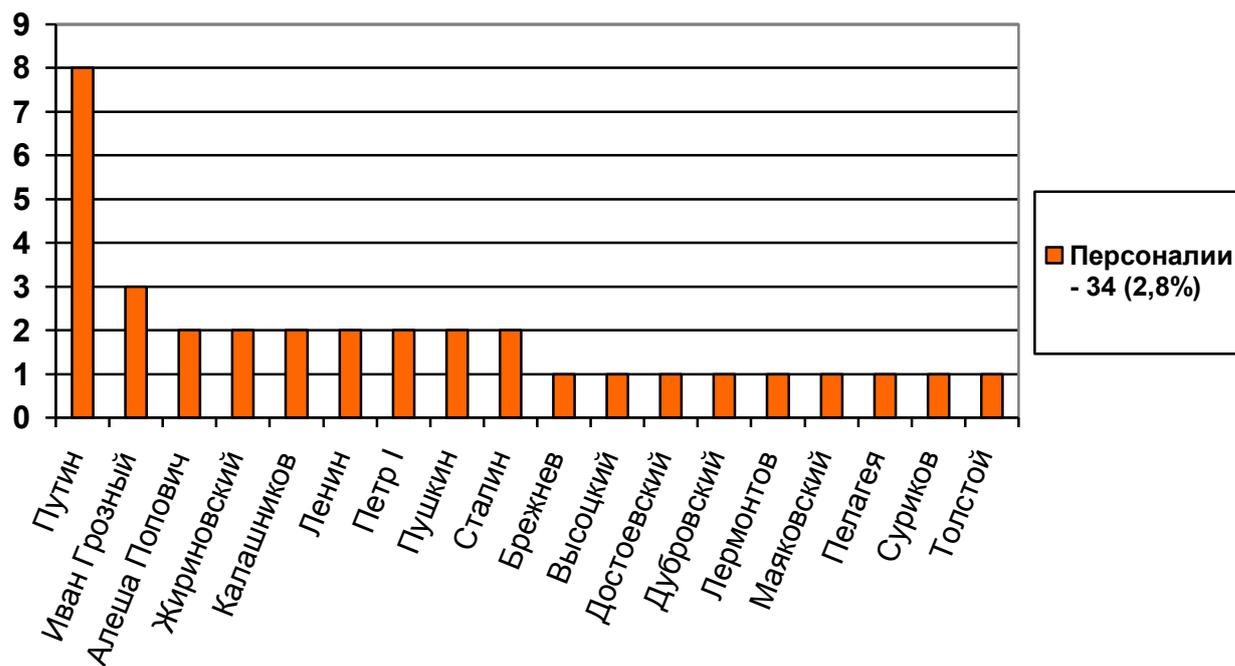

Рисунок 10 – Ассоциации, указывающие на известные персоны

Интерпретация. Президент РФ наиболее часто упоминался как тот, кто воплощает собой образ русского. Чаще всего были названы государственные деятели, представители искусства – только однажды (кроме *Пушкина*) упоминались в анкетах.

Характеристики социума: *общество – 11 (0,9%), право – 4 (0,3%), свобода – 3 (0,2%), воля – 2 (0,16%), беднота, беспредел, благополучие, богатство, дворянство, изобилие, многонациональное, народное общество, народный, национализм, национальное общество, нация, общение между людьми, разруха, роскошь, крах* (Рисунок 11). **Всего – 33 (2,4%).**

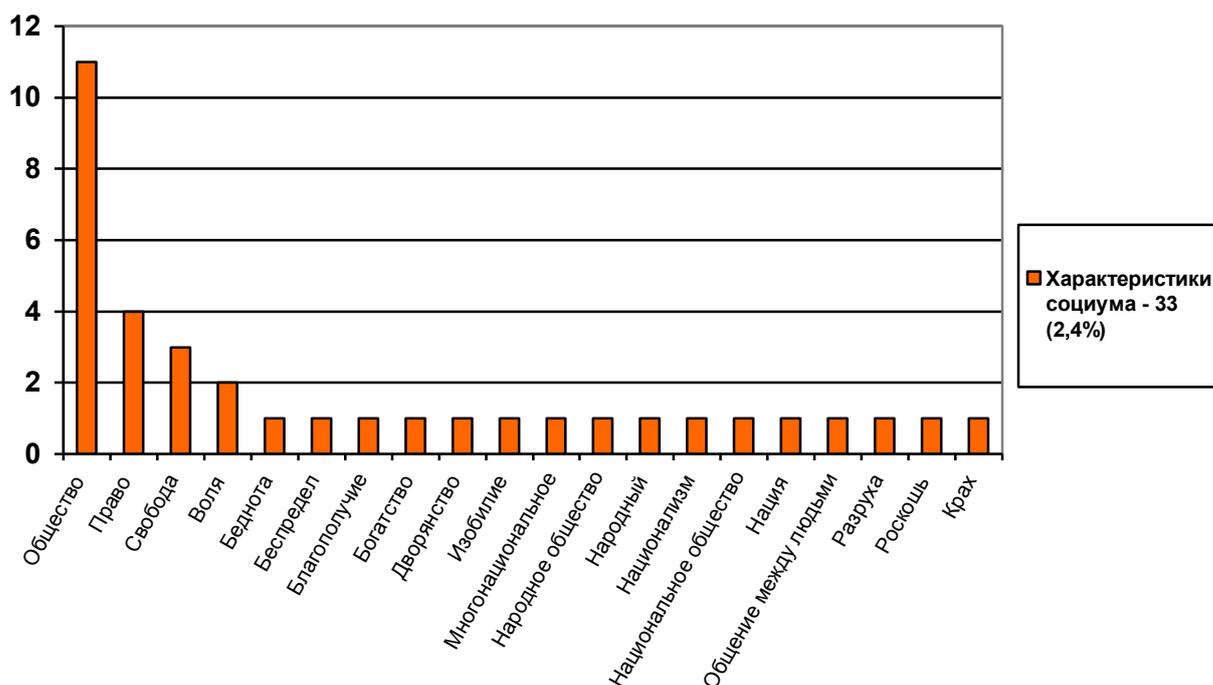

Рисунок 11 – Ассоциации, характеризующие социум

Интерпретация. В основном социум характеризуется общими, формальными словами, так, *общество* просто указывает на то, что есть некая группа людей, связанных чем-то общим (территорией, отношениями, управлением). Остальные ассоциации встречались в анкетах редко, таким образом, «русское» как социум с особенными уникальными характеристиками не связывается.

Праздники: *Масленица – 5 (0,4%), Новый Год – 3 (0,2%), застолье – 2 (0,16%), Иван Купала, колядовать, Крещение, праздник, праздничное, развлечение, ярмарки (Рисунок 12). Всего – 17 (1,4%).*

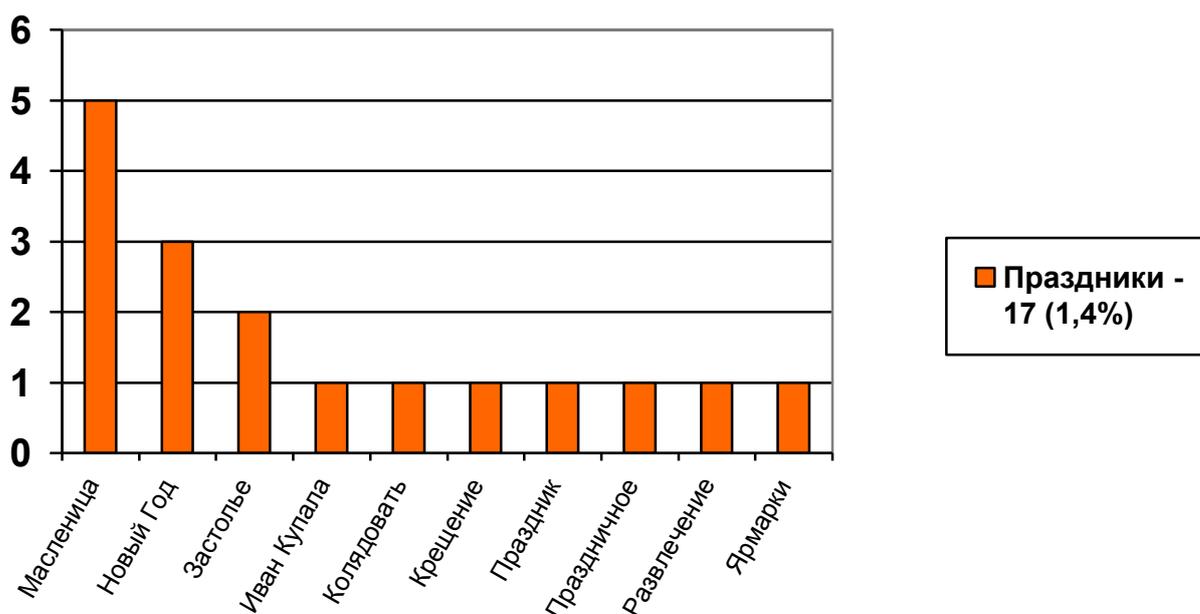

Рисунок 12 – Ассоциации группы «Праздники»

Интерпретация. По преимуществу названы светские или же связанные с языческой традицией праздники. *Масленица* выделена как наиболее характерный для русского мира праздник, в котором переплелись языческая и христианская традиции, отображаются особенности климата и жизненного цикла, представлена национальная кухня.

Религия: *православное* – 5 (0,4%), *церковь* – 4 (0,3%), *христианство* – 3 (0,2%), *вера* – 2 (0,16%), *Евангелие, иконы, крест, Крещение, магия, писание, священник, чудо* (Рисунок 13). **Всего – 22 (1,9%).**

Интерпретация. «Русское» чаще всего ассоциируется именно с *православием*, хотя несколько раз упомянутое слово *церковь* указывает на то, что в первую очередь респонденты связывают сферу религии с формальной организацией. Малое количество слов данной группы показывает, что «русское» в своем религиозном аспекте выделяется современной молодежью крайне редко.

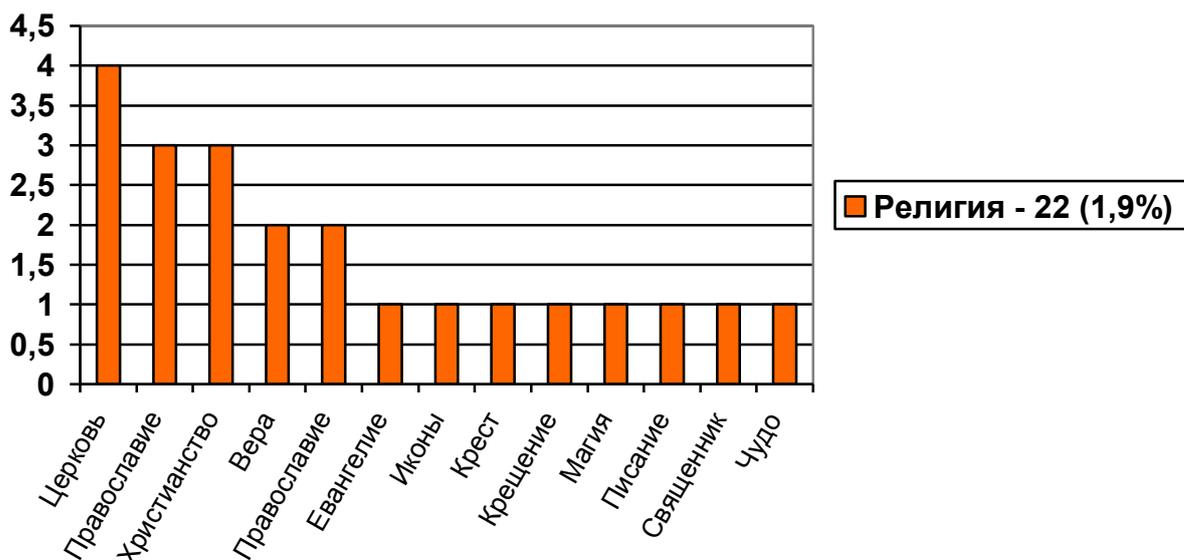

Рисунок 13 – Ассоциации группы «Религия»

Речь, язык: слово – 26 (2,1%), язык – 14 (1,1%), речь – 3 (0,2%), пословицы – 2 (0,16%), азбука, каламбур, понятие, правила языка. (Рисунок 14). **Всего – 49 (4%).**

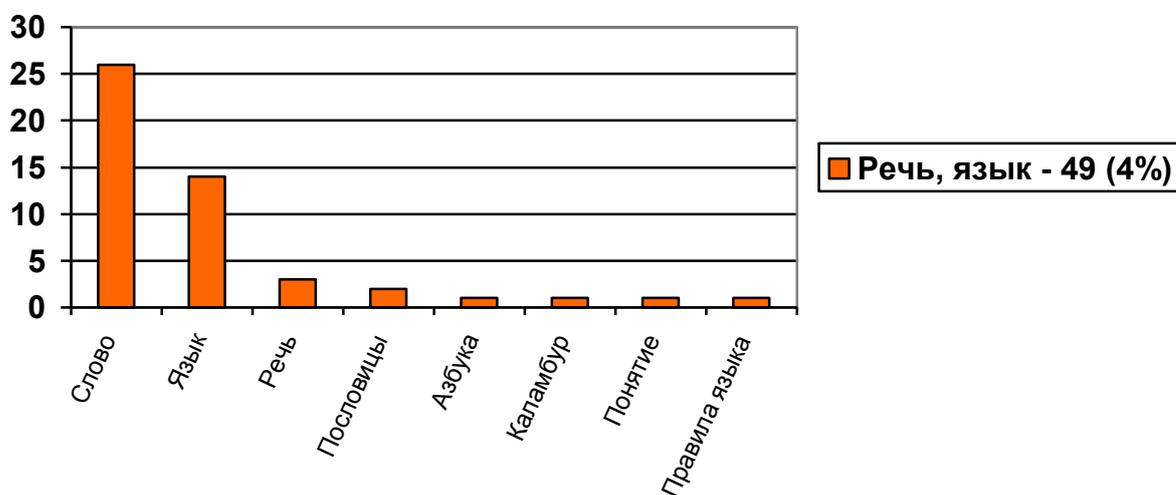

Рисунок 14 – Ассоциации группы «Речь»

Интерпретация. Ассоциации слова «русское» с языком не являются многочисленными, тем не менее, *слово* – четвертое по частоте упоминаний в анкетах, ассоциация *язык* также упоминалось относительно часто.

Представление о «русском» как языке несколько уступает визуальным представлениям.

История: история – 7 (0,6%), традиции – 4 (0,3%), царь – 4 (0,3%), достояние – 3 (0,2%), наследие – 2 (0,2%), 1941 – 1945 гг., династии, древний, исконное, испокон веков, историческое, происхождение, славянское, царство (Рисунок 15). **Всего – 29 (2,3%).**

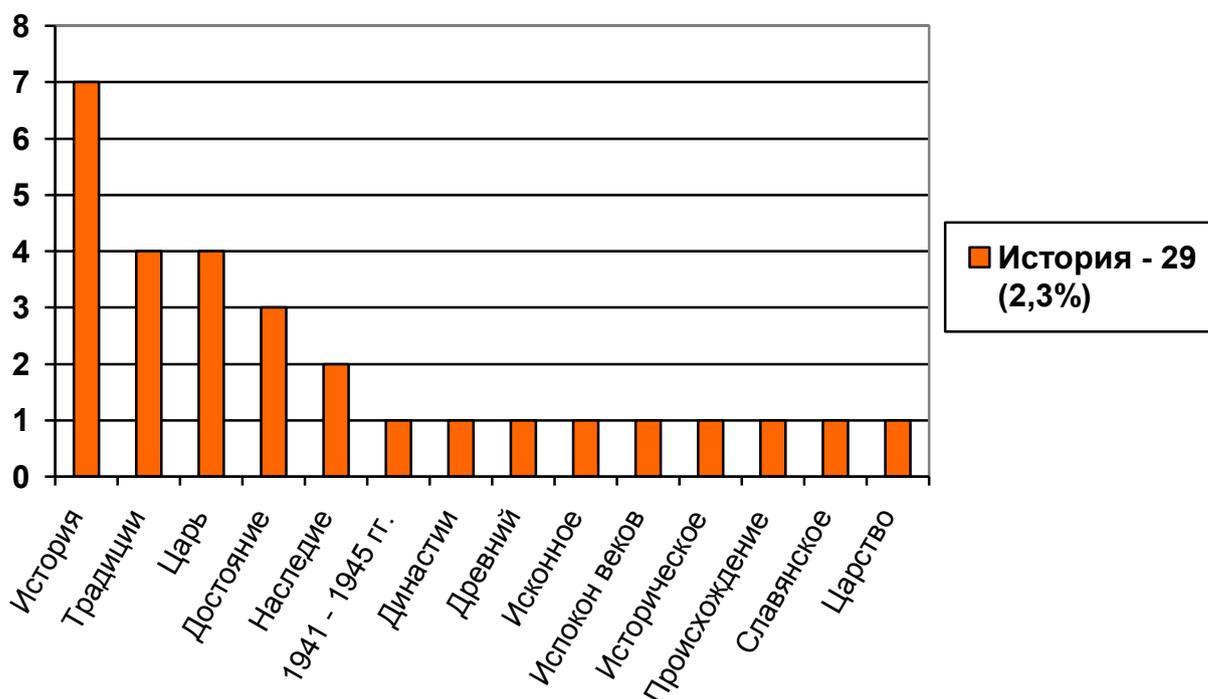

Рисунок 15 – Ассоциации группы «История»

Интерпретация. Представления о «русском» мало связаны с историческими событиями, ассоциация *история* упоминается крайне редко, лишь в семи анкетах. Никаких конкретных исторических событий, кроме ассоциации *1941- 1945*, респонденты не назвали.

Духовная/интеллектуальная сфера: душа – 15 (1,2%), дух – 3 (0,2%), душевное – 3 (0,2%), широкая душа – 3 (0,2%), мудрость – 2 (0,16%),

менталитет, мечта, мировая душа, мозг, мысли, просвещение, русский дух, самопознание, сознание, тепло в душе (Рисунок 16). **Всего – 36 (3%).**

Интерпретация. «Русское» может определяться как особенный душевный настрой, внутренний мир человека. Слово *душа* является одной из немногих ассоциаций, упомянутых относительно часто.

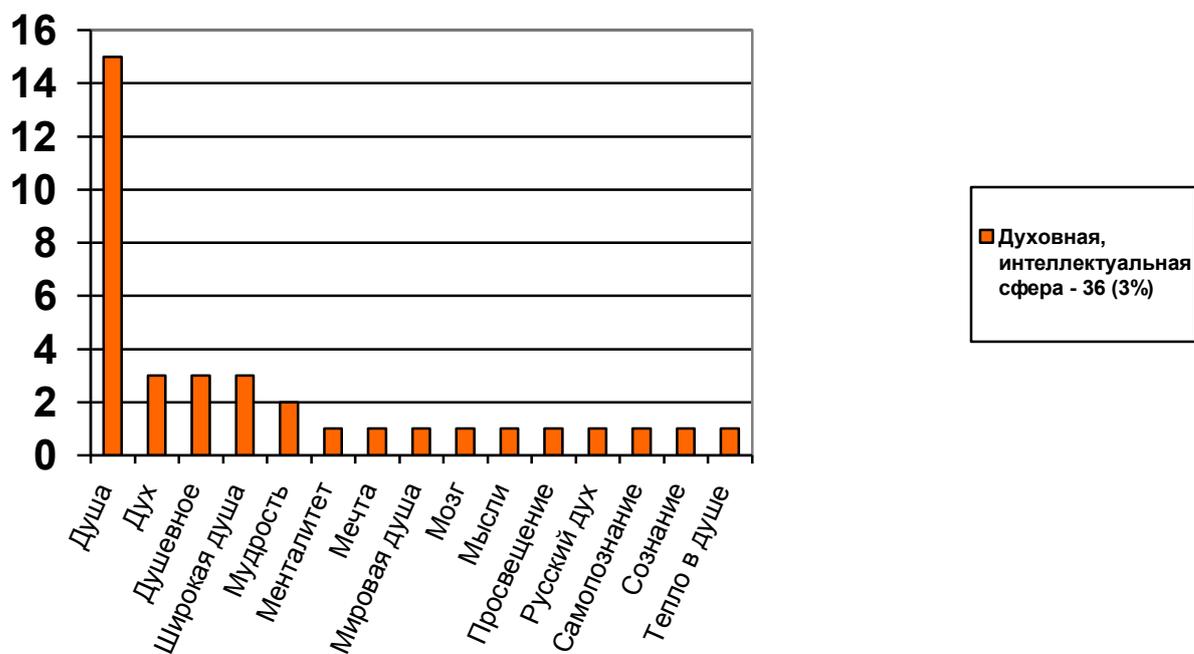

Рисунок 16 – Ассоциации, указывающие на духовную и интеллектуальную сферу

Инфраструктура/транспорт: изба – 12 (1%), баня – 10 (0,8%), дом – 5 (0,4%), автопром – 4 (0,3%), дороги – 4 (0,3%), машина – 4 (0,3%), Лада – 3 (0,2%), Жигули – 2 (0,16%), избушка – 2 (0,16%), производство – 2 (0,16%), сани – 2 (0,16%), Маруся (машина), больница, ВАЗ, грязь, Нива, оборудование, огород, плохие дороги, почта, русская машина отстой, тройка, школа (Рисунок 17). **Всего – 72 (5,8%).**

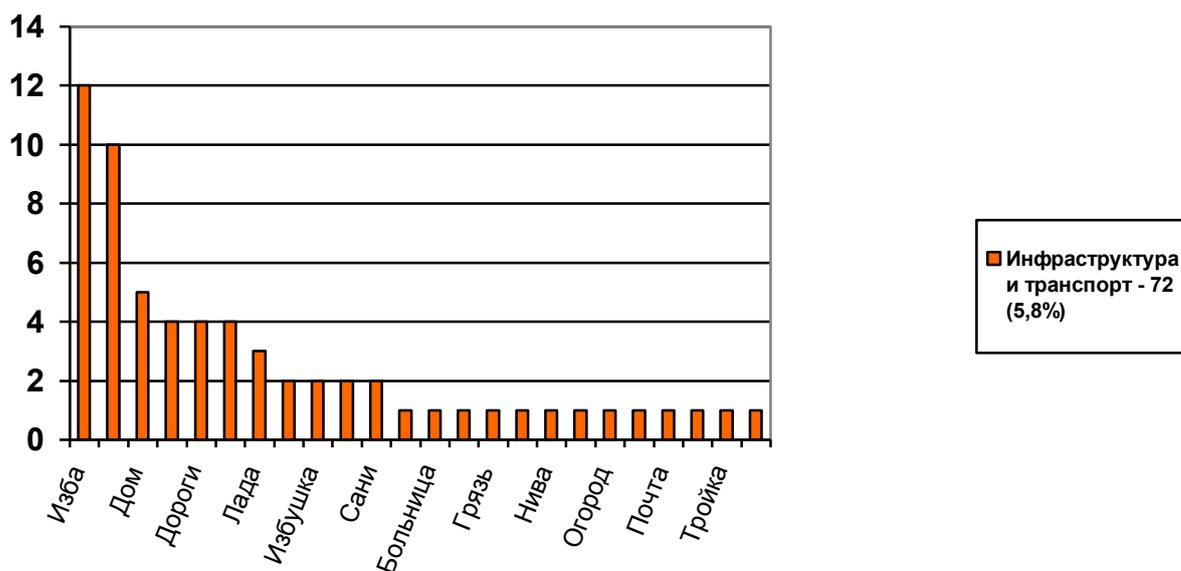

Рисунок 17 – Ассоциации группы «Инфраструктура/Транспорт»

Интерпретация. В данной группе ассоциаций «русское» связано либо с традиционными постройками (изба, избушка, баня), либо с российским автопромом (названы марки машин Лада, Жигули, Нива, Маруся), встретились также оценочные суждения, которые выражают негативное отношение к современному российскому производству (плохие дороги, русская машина отстой).

Слова, выражающие отношение к чему-либо: *народное – 17 (1,4%), родное – 17 (1,4%), свое – 3 (0,2%), авось, вызывающее гордость, любимое, наш, надежное, общее, общение между людьми, объединяющее, особенное, отечественное, отношение к своему и чужому, патристическое, патристичная, родная, сатира, ценности (Рисунок 18). Всего – 53 (4,3%).*

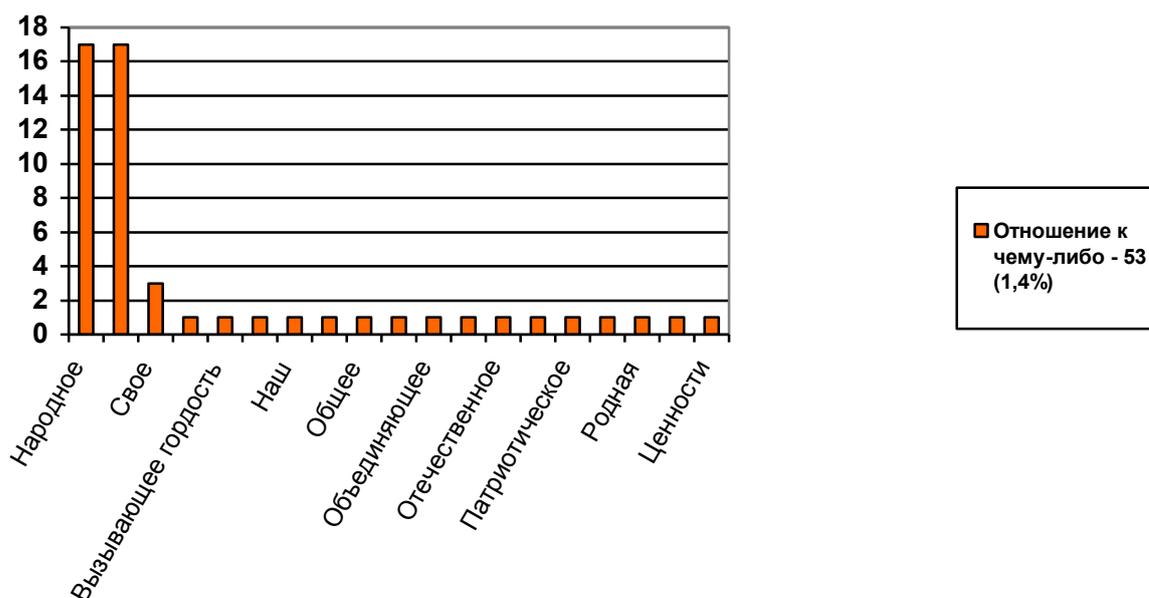

Рисунок 18 – Ассоциации, указывающие на отношение к чему-либо

Интерпретация. Ассоциация *народное*, названная чаще всего в данной группе, является скорее стереотипной, как логическое продолжение фразы «русское народное...». В данной группе слов-ассоциаций доминируют позитивно окрашенные слова (*родное, вызывающее гордость, любимое, объединяющее, патриотическое, патриотичное*).

Слова, выражающие оценку: *красота* – 8 (0,6%), *великое* – 4 (0,3%), *качественное* – 3 (0,2%), *красивое* – 2 (0,16%), *чистое* – 2 (0,16%), *чистота* – 2 (0,16%), *забота, мы выбираемся из задницы, надежное, непобедимость, неповторимость, почему все так плохо?, превосходство, прекрасное, приятное, разнообразное, сложная* (Рисунок 19). **Всего – 32 (2,5%).**

Интерпретация. Слова-ассоциации, объединенные в этой группе, выражают в большей степени позитивный настрой.

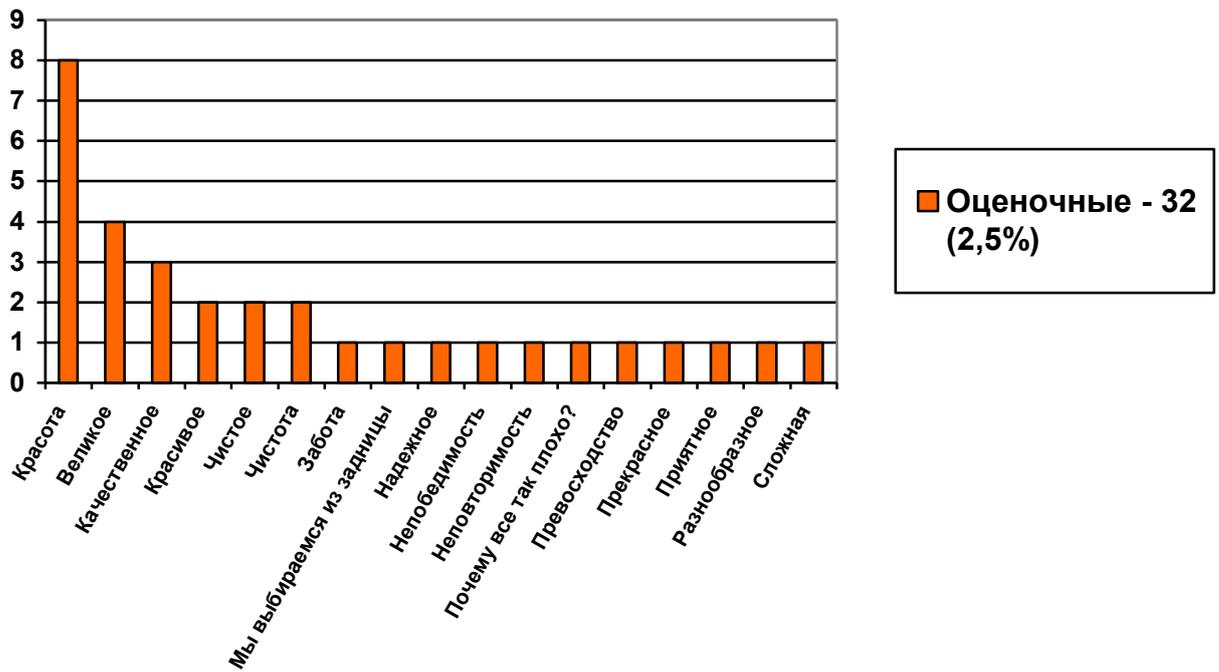

Рисунок 19 – Ассоциации, выражающие оценку

Территория: деревня – 9 (0,7%), Москва – 5 (0,4%), Сибирь – 5 (0,4%), Крым – 3 (0,2%), Питер – 2 (0,16%), столица – 2 (0,16%), территория – 2 (0,16%), село, страна (Рисунок 20). **Всего – 30 (2,4%).**

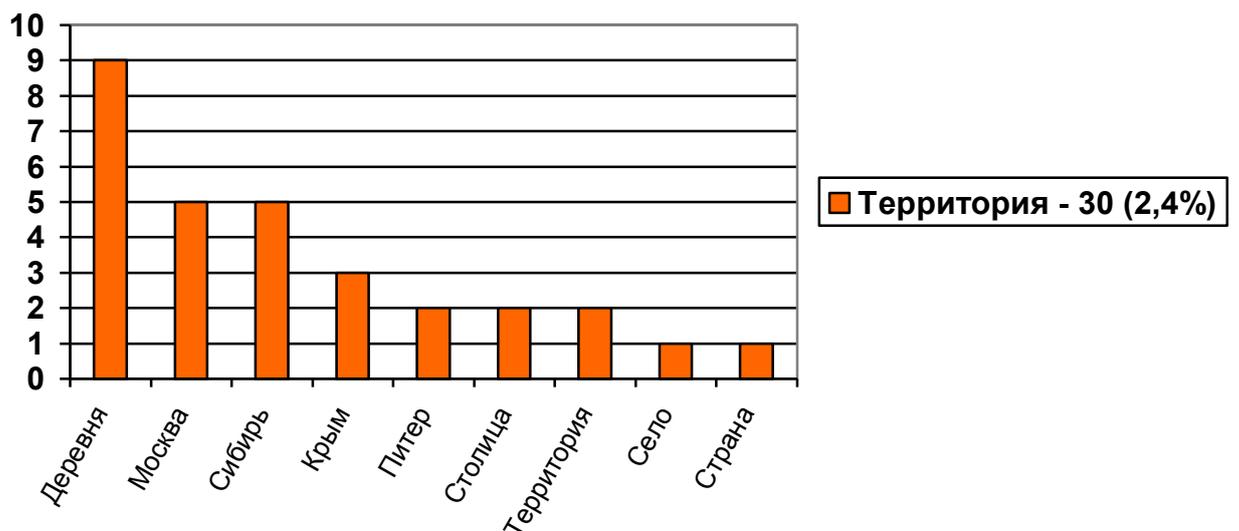

Рисунок 20 – Ассоциации, обозначающие территорию

Интерпретация. Ассоциации *деревня* и *село* указывают на то, что «русское» связано с миром далеким от городской жизни. *Москва* также определяется как территория, где «русское» предстает в концентрированном виде.

Животные: *медведь* – 31 (2,5%), *конь* – 3 (0,2%), *ежик*, *животные*, *кобыла*, *корова* (Рисунок 21). **Всего – 38 (3%).**

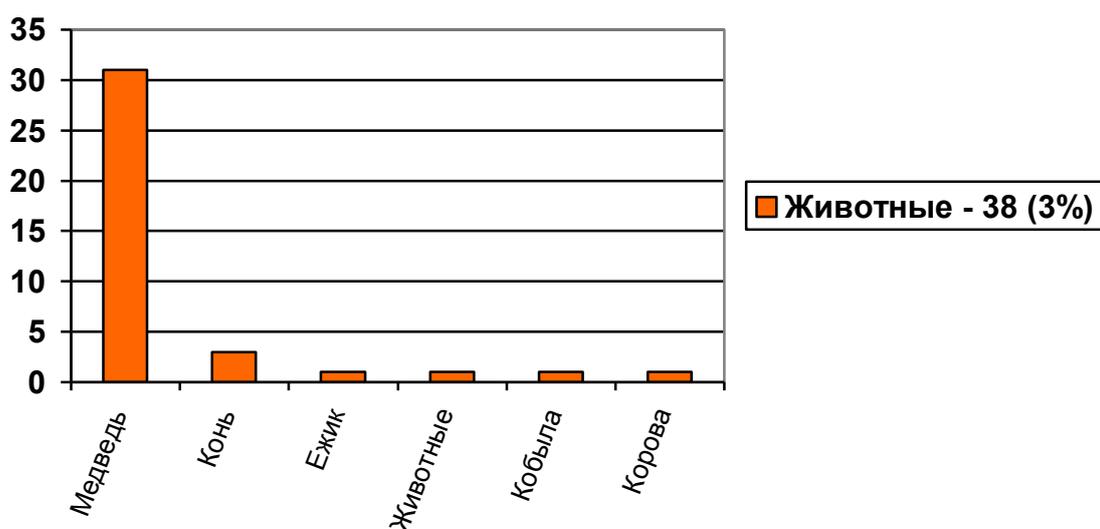

Рисунок 21 – Ассоциации группы «Животные»

Интерпретация. Слово *медведь* является одной из немногих наиболее часто упоминаемых ассоциаций, отражает стереотипное представление иностранцев о русском, наравне с водкой и шапкой-ушанкой.

Архитектурные символы: *Кремль* – 5 (0,4%), *Красная Площадь* – 3 (0,2%), *Мавзолей*, *собор Василия Блаженного*, *собор Спас на Крови*. **Всего – 11 (0,9%).**

Интерпретация. Все названные в анкетах памятники (кроме собора Спас на Крови) находятся в Москве. Таким образом, указания на Москву как

выражение «русского» мира было сделано респондентами косвенно, через указание на знаковые места столицы.

Военная сфера: *Победа – 3 (0,2%), война – 2 (0,16%), оружие – 2 (0,16%), 1941 – 1945 гг., битва, боеголовки, бунт, военное, войско, гряда успехов, драки, защита, казнь, крепость, Россия непобедима. Всего – 20 (1,6%).*

Интерпретация. Данная группа является немногочисленной по количеству ассоциаций, что можно интерпретировать как отстраненность от военной сферы русского мира, русского человека. Респонденты редко связывают свое представление о «русском» с военной сферой, несмотря на то, что у России и русского народа богатое военное прошлое.

Пространственно-временные характеристики: *широкое – 4 (0,3%), большое – 3 (0,2%), пространство – 3 (0,2%), время – 2 (0,16%), простор – 2 (0,16%), широта – 2 (0,16%), безграничность, беспредел, глубина, глубинное, обширное, просторы, раздолье, широко. Всего – 19 (1,5%).*

Интерпретация. Слова, объединенные в данную группу, упоминались в анкетах редко, но вместе они дают представление о «русском» как о чем-то масштабном и глобальном, всеохватном.

Эмоциональное состояние: *счастье – 3 (0,2%), веселое – 2 (0,16%), любовь – 2 (0,16%), веселье, горе, истеричка, крик души, покой, тепло в душе, трепет. Всего – 14 (1,1%).*

Интерпретация. Респонденты редко ассоциировали «русское» с эмоциями, но те немногочисленные слова, которые указывали на эмоциональный настрой, в большинстве своем являются позитивными.

Род занятий: *писатель – 3 (0,2%), гулянье – 2 (0,16%), поэт – 2 (0,16%), крестьяне – 2 (0,16%), артист, безделье, гулять, мой школьный*

учитель по русскому языку, мастерство, музыканты, правители, работа, развлечение, образ жизни, отдых, священник, скоморох, скульптор, хозяйка, хозяйство, художник. Всего – 26 (2,1%).

Интерпретация. Такие слова-ассоциации, как *писатель, поэт, мой учитель по русскому языку* свидетельствуют о том, что деятельность, фиксирующая язык, языковые особенности, наиболее важна в связи с представлениями о «русском».

Предметы быта: *печь – 6 (0,5%), инструмент – 2 (0,16%), ведро, веник, коромысло, ложе, палатка, печка, посуда, расписная посуда, самовар, стол, топор, холодильник Бирюса. Всего – 20 (1,6%).*

Интерпретация. Из предметов быта респонденты выделили *печь* (всего 6 упоминаний) как наиболее соответствующую тому, что может быть связано с представлением о «русском».

Именования страны: *Родина – 9 (0,7%), Россия – 7 (0,6%), великая держава, держава, Отечество, Отчизна, Русь. Всего – 21 (1,7%).*

Интерпретация. «Русское» в нескольких анкетах респонденты связывали с тем, как они именуют место своего проживания, чаще всего это *Родина* и *Россия*.

Цвет: *Красное – 4 (0,3%), белое, красное солнце. Всего – 6 (0,5%).*

Интерпретация. Редко, но слово-стимул русское связывали с цветовыми характеристиками, а именно с красным цветом, который может пониматься и как красивое, как цвет, который наиболее типичен для государственной символики, одежды.

Имена: *Имя – 15 (1,2%), Аленушка – 2 (0,16%), Алена, Владимир, Екатерина, Иван. Всего – 21 (1,7%).*

Интерпретация. В данной группе слов выделяется *имя* по частоте упоминаний, тогда как конкретные имена названы по одному разу и общее их количество невелико.

Ассоциации, входящие в оставшиеся группы, являются наименее упоминаемыми в анкетах. В связи с этим их можно определить как не отражающие представления современной молодежи о «русском».

Природные ресурсы: *нефть – 3 (0,2%), газ, золото. Всего – 5 (0,4%).*

Биологические характеристики: *жизнь – 3 (0,2%), жить, смерть. Всего – 5 (0,4%).*

Слова, которые не удалось объединить в какую-либо группу: *Чебурашка – 2 (0,16%), аниме, желание, заключение, канал, костер, напутствие, совпадение, стандарт, стена, темница, правда, ФК Зенит, яма. Всего – 15 (1,2%).*

Итак, на основе проведенного эксперимента сделаны следующие выводы:

– интерпретация результатов ассоциативного эксперимента показывает, что представление о русском на сегодняшний день в молодежной среде является неоднозначным, дробным, не обладает целостностью. Об этом свидетельствует большое разнообразие полученных ассоциаций и малое количество слов, которые упоминались в анкетах по несколько раз;

– следует отметить, что русское воспринимается респондентами в основном в позитивном ключе;

– наиболее часто упоминались следующие слова: *поле – 31 (2,5%), медведь – 31 (2,5%), водка – 29 (2,3%), слово – 26 (2,1%), матрешка – 24 (1,9%).* Все они отражают стереотипное представление о русском;

– самые большие по количеству ассоциаций группы слов отражают основные сферы, в которых у студентов закрепилось представление о том,

что является русским. Это национальная еда, специфика природного окружения, искусство и фольклор;

– русское во многом связано с представлениями о человеке, его характере, внешности, занятиях;

– интересно, что русское практически не ассоциируется с православием (слова, связанные с православием, указывают на формальную организацию, нежели на традиции, нечто близкое человеку). В религиозном контексте наиболее актуальными представляются более древние религиозные традиции и верования, бытовавшие на Руси до прихода христианства;

– также на основе полученных данных можно выделить сферы, которые мало связаны в сознании студентов с пониманием русского, например, военная и социальная сферы, природные ресурсы, экономика, политика, история. Причем все группы слов, соответствующие этим сферам, содержат часто негативные ассоциации, тогда как в более крупных группах слов преобладают позитивные ассоциации.

Основные выводы:

На основании проведенного во второй главе исследования получены следующие выводы:

– анализ произведений изобразительного искусства И. Я. Билибина, выбранных в качестве репрезентантов искусства рубежа XIX—XX веков, позволяет зафиксировать такие особенности русской культурной идентичности, как «опора на хтонические силы», «относительно спокойное принятие возможности смерти», «сосуществование противоположных сил, в том числе жизни и смерти», «женственность», «трехчастное устройство мира», «условность и прозрачность границ», «лес как модель русского мира»;

– в произведениях И. Я. Билибина визуализируется способность человека выйти за рамки очевидного и обыденного, увидеть, таким образом, связь явлений в их единстве. Древние представления о трехчастном устройстве мира явлены в его произведениях не только в самой

композиционной структуре, но и в знаках, которые им используются (элементы декоративного орнамента);

– представление сказочных образов в произведениях И. Я. Билибина согласуется с идеями Ж. Дюрана, соответствует в своей структуре драматическому ноктюрну, на что указывают общие характеристики: превалирование женского начала, несущего позитивный смысл; наличие темных и светлых сил в их неразрывном единстве, но с возможностью отличить одни от других; наличие границ (хоть и неявных, не читаемых сразу и ясно); видение смерти как этапа, за которым следует новое рождение, что свидетельствует об интеграции смерти в общую систему мировоззрений русского человека;

– русская культурная идентичность, формирующаяся в произведениях художников на рубеже XIX–XX веков, обладает цельностью, логически выверена и базируется на глубоком знании народного искусства, в котором проявлены древние архетипические образы устройства мира;

– исследование современной ситуации посредством ассоциативного эксперимента показало, что в настоящее время представление о русском не обладает цельностью;

– основные сферы жизнедеятельности человека, в которых закрепилось представление о русском, были выделены респондентами в ходе анкетирования, в их числе оказались искусство и фольклор. Это свидетельствует о том, что на бессознательном уровне современная молодежь ищет свою культурную идентичность в этих сферах, тогда как на рубеже XIX–XX веков художники и интеллектуалы осознавали искусство как средство конструирования русской культурной идентичности;

– актуальным является обращение к древним дохристианским представлениям о мироустройстве в качестве основы для конструирования русской культурной идентичности (художники изучали образцы народного искусства, орнаменты, современная молодежь видит воплощение исконно русского в древних празднествах, ритуалах, обрядах, фольклоре).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование русской культурной идентичности обусловлено актуальностью обсуждения проблематики национальной и культурной идентичности учеными, разнообразие рассмотренных в рамках диссертационного исследования теорий позволяет определить концептуальные и методологические аспекты конструирования идентичности. Фиксация учеными наличия кризиса культурной идентичности в современном российском обществе определяет необходимость проведения дальнейших исследований в этой области.

Обзор теоретических исследований, посвященных проблематике национальной идентичности, показал, что уже в первых работах мыслители обращают свое внимание на сферу народного творчества и мифологию народа; на то, что анализ произведений искусства и древних религиозных воззрений, получивших свое воплощение в форме мифа и сказки, необходимы для понимания специфики этнокультурной идентификации какого-либо народа, нации или этноса. Кроме того, многие исследователи, говоря о механизмах конструирования культурно-национальной идентичности, определяют особое место и ведущую роль в этом процессе художников и интеллектуалов.

Аналитический обзор теорий примодиалистов, перенниалистов, этносимволистов, модернистов и постмодернистов позволил выявить как противоположные, так и схожие точки зрения на природу и способы конструирования культурной идентичности, определить особый статус воображения, о котором говорят некоторые исследователи, в особенности модернисты и постмодернисты, что и позволило в дальнейшем обернуться к исследованиям воображения учеными интеллектуальной группы «Эранос».

Обзор отечественных теорий культурной идентичности показал, что в отечественной науке в качестве наиболее значимых подходов к данной проблеме выбраны разработки примордиалистов и конструктивистов. Также большая часть отечественных исследований определяет политическую сферу как наиболее влиятельную и эффективную в процессе формирования русской культурной/национальной идентичности, тогда как проведение ассоциативного эксперимента среди студентов показало, что в молодежной среде восприятие русского в наименьшей степени связано именно с политикой, властными структурами, событиями исторического прошлого, которые активно используются в политическом дискурсе.

Следует также отметить, что некоторые отечественные и западные исследования в качестве эталона в области конструирования русской культурной/национальной идентичности определяют рубеж XIX–XX веков. Этот период выбран на основании активного обсуждения того, что есть такое русский народ, русская нация в интеллектуальных кругах России того времени; активного включения представителей художественной среды (композиторов, писателей, художников) в эти обсуждения; создание ими огромного количества произведений на русскую тематику; участия в различных этнографических экспедициях; изучения собранного этнографического материала и образцов народного творчества. То есть в это время русская культурная идентичность не только обсуждалась, но и сознательно создавалась не только посредством политических ресурсов, но в первую очередь средствами самой культуры.

Необходимым этапом в ходе диссертационного исследования явился анализ трудов ученых, посвященных воображению, поскольку ранее было зафиксировано, что многие ученые считают, что в конструировании культурной/национальной идентичности задействован сознательный и бессознательный уровни психики человека, а именно – воображение, продуцирующее те образы, которые представляют художники в своих произведениях, и которые закреплены в мифологических и религиозных

представлениях. Воображаемый мир определяется ими в качестве реального пограничного пространства между материальным и духовным мирами, между чувственным и умопостигаемым. Исследование трудов ученых, занимавшихся данной проблематикой, показало, что они также приходят к выводу об особом статусе искусства и художника.

Естественным является обращение к исследованиям сказки и мифа, что дало следующие результаты: с помощью сказки и мифа возможно проводить анализ состояния общества, особенностей культурной идентичности представителей определенного социума, что продемонстрировал в своей теории Ж. Дюран, выделивший три группы мифов, каждая из которых обладает своими характеристиками, доминанта которых определяет специфику устройства социума, культуры этноса, народа, нации. Изучение сказок ведет не просто к пониманию культуры народа или нации, они также являются ключом к пониманию психологии народа, нации. Исследователи говорят об исцеляющей функции сказок, связанной с возможностью для человека обнаружить, раскрыть, приобрести свою идентичность. Ж. Дюран и его последователи доказали, что изучение сказок и мифов позволяет проводить анализ состояния общества, особенностей его культурной идентичности.

В связи с этим во второй главе диссертационного исследования в качестве репрезентантов произведений изобразительного искусства рубежа XIX–XX веков были выбраны произведения И. Я. Билибина, творчество которого ориентировано на визуализацию русской культуры через обращение к сюжетам сказок. В результате философско-искусствоведческого анализа двух произведений художника были определены следующие особенности русской культурной идентичности: «опора на хтонические силы», «относительно спокойное принятие возможности смерти», «сосуществование противоположных сил, в том числе жизни и смерти», «женственность», «трехчастное устройство мира», «условность и прозрачность границ», «лес как модель русского мира». Анализ сказочных

образов в произведениях И. Я. Билибина показал, что русская культурная идентичность в своей структуре в большей степени соответствует режиму драматического ноктюрна в теории Ж. Дюрана, на что указывают такие характеристики, как особое видение смерти, ее интеграция в общую систему представлений о мироустройстве; тяготение к женскому началу, которое несет позитивный смысл; размытость, но не отсутствие границ между противоположными началами, такими как жизнь и смерть, добро и зло, свет и тьма. И. Я. Билибин, таким образом, обращаясь к сюжетам сказок, сознательно через визуальные образы определял те архетипы, которые оказывают наибольшее влияние на формирование представлений о том, что есть русское, кто такие русские, каковы особенности русской культуры.

Следующий шаг в диссертационном исследовании был связан с анализом современной ситуации. Был проведен ассоциативный эксперимент с целью выявления того, что современная молодежь идентифицирует с русским. Его результаты определили не только наличие кризиса русской культурной идентичности, о котором ведутся дискуссии в ученых кругах, но также и показали пути выхода из сложившейся ситуации. Хотя представление о русском на данный момент не обладает цельностью, что говорит о первичной стадии формирования процессов русской культурной идентичности, тем не менее, на бессознательном уровне молодые люди ищут свою культурную идентичность через обращение к сфере искусства, в большей степени – к фольклору. Таким образом, определена та область, те образцы и способы конструирования русской культурной идентичности, исследование и активная поддержка которых на разных уровнях могут способствовать выходу из кризисной ситуации, созданию сплоченного и здорового общества.

Дальнейшее направление исследований русской культурной идентичности может быть связано с аналитикой иных форм ее конструирования в творчестве художников, писателей, композиторов,

философов, интеллектуальных сообществ, а также с уточнением содержания ее концептов, идеологем, мифологем и других структурных элементов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Азадовский, М. К. История русской фольклористики / М. К. Азадовский. – М. : Институт русской цивилизации, 2014. – 1056 с.
2. Аксаков, И. С. Наше знамя – русская народность / И. С. Аксаков; отв. ред. О. Платонов. – М. : Ин-т русской цивилизации, 2008. – 640 с.
3. Алещенко, Е. И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора: на материале народной сказки: монография / Е. И. Алещенко. – Волгоград : Перемена, 2008. – 289 с.
4. Аналитическая психология: Прошлое и настоящее / К. Г. Юнг, Э. Сэмюэлс, В. Одайник, Дж. Хаббэк; сост. В. В. Зеленский, А. М. Руткевич. – М. : Мартис, 1995. – 320 с.
5. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В. Николаева. – М. : «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.
6. Аникин, В. П. Афанасьев и его фольклорные сборники / В. П. Аникин // Народные русские сказки из сборника А. Н. Афанасьева. – М. : Правда, 1982. – С. 3 – 14.
7. Артеменко, Е. Б. Концептосфера и язык фольклора: Характер и формы взаимодействия [Электронный ресурс] / Е. Б. Артеменко // Народная культура и проблемы ее изучения. – 2006. – №. 4. – Режим доступа: http://folk.phil.vsu.ru/publ/sborniki/afanasiev_sb4/artemenko.pdf
8. Артеменко, Е. Б., Черванева, В. А. Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира / Е. Б. Артеменко, В. А. Черванева. – Воронеж : Воронежский университет, 2004. – 184 с.
9. Афанасьев, А. Н. Народные русские легенды / А. Н. Афанасьев. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 266 с.
10. Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки: в 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М.: Наука, 1984. – 1 т. – 537 с.

11. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу / А. Н. Афанасьев. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 627 с.
12. Ашкеров, А. Ю. Между живым прошлым и ускользающей Современностью / А. Ашкеров // Социологическое обозрение. – 2003. – Т. 3. – №. 4. – С. 69–103.
13. Баландин, А. И. Мифологическая школа / А. И. Балландин // Академические школы в русском литературоведении. М., 1975. – С. 15 – 100.
14. Баландин А. И. Мифологическая школа в русской фольклористике: Ф. И. Буслаев / А. И. Баландин. – М. : Наука, 1988.- 224 с.
15. Бараг, Л. Г., Новиков Н. В. А. Н. Афанасьев и его собрание народных сказок / Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков // Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. – М., 1984. – 4 т. – С. 377 – 426.
16. Бахова, Н. А., Замараева, Ю. С., Кирко, В. И., Копцева, Н. П. Проблема социокультурных исследований в современной гуманитарной науке / Н. А. Бахова, Ю. С. Замараева, В. И. Кирко, Н. П. Копцева // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 3. – С. 323.
17. Беляков, В. В. И. Я. Билибин в Египте / В. В. Беляков // Восточный архив. – 2007. – № 16. – С. 51 – 55.
18. Берков, П. Н. Метод исследования народного творчества в трудах В. Я. Проппа (К 70-летию со дня рождения) / П. Н. Берков // Вестник Ленинградского государственного университета. – № 2. – С. 111–116.
19. Билибин, И. Я. Народное творчество русского Севера / И. Я. Билибин // Мир искусства. – Спб. – Т. 12. – 1910. – С. 304 – 318.
20. Биллингтон, Д. Россия в поисках себя / Д. Биллингтон. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – 224 с.
21. Бирич, И. А. Современный русский язык – хранитель древнего мирозерцания (главные архетипы русского сознания) [Электронный ресурс] / И. А. Бирич // Философия. Политология. – 2009. – № 1. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Birich/>

22. Богатырева, Ж. В. От мифа к сказке (сравнительный анализ) / Ж. В. Богатырева // Мир науки, культуры, образования. – 2014 – № 6. – С. 510 – 511.
23. Бочкарева, Л. И. Владимир Яковлевич Пропп и его любимое Линёво / Л. И. Бочкарева // Стержень. Научный ежегодник. – 2009. – Т. 7. – С. 169 – 185.
24. Брагинская, Н. В. Об авторе книги / Н. В. Брагинская // Логика мифа. – М., 1987. – С. 188 – 206.
25. Брагинская, Н. В. Слово о Голосовкере / Н. В. Брагинская // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 106 – 110.
26. Бройи, Дж. Подходы к исследованию национализма / Дж. Бройи // Нации и национализм. – М. : Праксис, 2002. – 416 с.
27. Валькевич, С. И. Символика орнамента в русских народных костюмах / С. И. Валькевич // Науч. ж. КубГАУ. – 2013. – № 92 (08). – С. 1 – 10.
28. Волкова, Н. А., Слизкова, Е. В. Сказкотерапия как фактор нравственного развития младших школьников [Электронный ресурс] / Н. А. Волкова, Е. В. Слизкова // Концепт. – 2014. – №2. – С. 2–6.
29. Ворожбитова, А. А., Соборная, И. С. Этнокультурные особенности русских, польских и немецких сказок (лингвориторический аспект) / А. А. Ворожбитова, И. С. Соборная. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 104 с.
30. Гегель, Г. В. Ф. Философия истории / Г. В. Ф. Гегель. – Спб. : «Наука», 1993. – 474 с.
31. Геллнер, Э. Нации и национализм / Э. Геллнер – М. : Прогресс, 1991. – 320 с.
32. Герасимова, О. В., Степанова О. С. Историко-культурная реконструкция гламура в контексте модификации российского общества / О. В. Герасимова, О. С. Степанова // Аспирантский вестник Поволжья. – 2013 – № 7–8. – С. 22–30.
33. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер. – М. : Наука, 1977. – 703 с.

34. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. / Э. Гидденс. – М. : Академический проект, 2003. — 528 с.
35. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 560 с.
36. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями / Н. В. Гоголь. – М. : Directmedia, 2013. – 525 с.
37. Голосовкер, Я. Э. Избранное. Логика мифа / Я. Э. Голосовкер. – М. ; Спб. : Центр гуманитарных инициатив, 2010 – 496 с.
38. Гольдштейн, А. Сказание о титанах / А. Гольдштейн // Аспекты духовного брака. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – С. 27–29.
39. Голынец, С. В. Сергей Дягилев и национально-романтические искания в русском искусстве / С. В. Голынец // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 3. – С. 211–215.
40. Горовитц, Д. Л. Структура и стратегия этнического конфликта / Д. Л. Горовитц // Власть. – 2007. – № 2. – С. 29–38.
41. Горовитц, Д. Л. Теория межэтнического конфликта / Д. Л. Горовитц // Этнос и политика: Хрестоматия. – М. : Издательство УРАО, 2000. – С. 227–231.
42. Горожанина, С. В., Зайцева Л. М. Русский народный свадебный костюм / С. В. Горожанина, Л. М. Зайцева. – М. : «Культура и традиции», 2003. – 128 с.
43. Горохов, А. А. Мирча Элиаде как феноменолог религиозного опыта / А. А. Горохов // Религиоведение, Амурский государственный университет. – 2009. – № 4. – С. 103–113.
44. Горохов А. А. Феноменология религии Мирчи Элиаде / А. А. Горохов. – Спб.: Алетейя, 2011. – 160 с.
45. Граф, А. Сожженный роман Я. Э. Голосовкера в контексте легенды о великом инквизиторе Ф. Достоевского и романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» [Электронный ресурс] / А. Граф // Slavica tergestina. – 1998. – № 6. – Режим доступа:

<https://archive.is/20121209174424/www.openstarts.units.it/dspace/bitstream/10077/2256/1/05.pdf>

46. Гройс, Б. Поиск русской национальной идентичности / Б. Гройс // Вопросы философии. – 1992. – № 9. – С. 52–60.
47. Гудкова, Е. Е., Сертакова, Е. А. Значение архетипа «Ангел в смирительной рубашке» для понимания специфики современного русского социально-культурного пространства [Электронный ресурс] / Е. Е. Гудкова, Е. А. Сертакова // Социодинамика. — 2015. – № 4. – С. 64–74. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/pr/article_15060.html
48. Дильтей, В. Собрание сочинений: в 6 т. Введение в науки о духе / В. Дильтей; под ред. А. В. Михайлова, Н. С. Плотникова. – М. : Дом интеллектуальной книги, 2000. – 1 т. – 762 с.
49. Дильтей, В. Собрание сочинений: в 6 т. Построение исторического мира в науках о духе / В. Дильтей; под ред. А. В. Михайлова, Н. С. Плотникова. – М. : Три квадрата, 2004. – 3 т. – 420 с.
50. Драненко, Г. Поняття «міфологічного тла» в антропологічній теорії Уявного Ж. Дюрана / Галина Драненко // Питання літературознавства. – 2010. – Вип. 79. – С. 114–123.
51. Дробижева, Л. М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде / Л. М. Дробижева // Социологические исследования. – 2010. – №. 12. – С. 49–58.
52. Дугин, А. Г. Социология воображения. Учебное пособие / А. Г. Дугин. – М. : Академический проект; Трикста, 2010. – 564 с.
53. Егорова, О. А. Традиционные формулы как явление народной культуры (на материале русской и английской фольклорной сказки): автореф. дис.... канд. культурол. наук: 24.00.01 / Ольга Арсеновна Егорова. – М. – 2002. – 21 с.
54. Елеонская, Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России: сб. трудов / Е. Н. Елеонская; вступ. ст. и сост. Л.Н.Виноградовой; подгот. текста и

- коммент. Л.Н.Виноградовой, Н.А.Пшеницыной. – М. : Издательство «Индрик», 1994. – 272 с.
55. Елисеева, Ю. В. Атрибутивная маркированность персонажей в русских и английских народных сказках / Ю. В. Елисеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – №7 (37). – С. 70–73.
56. Ефимова, Л. В. Русский народный костюм / Л. В. Ефимова. – М. : «Советская Россия», 1989. – 318 с.
57. Жданов, В. В. Тайное или явное. Гнозис и эзотерика: проблема определений / В. В. Жданов // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. Тайное и явное: многообразие репрезентаций эзотеризма и мистицизма. Сборник материалов Четвертой международной научной конференции. – СПб. : РХГА, 2011. – С. 5–25.
58. Жданов, В. В. Изучение эзотерики в Западной Европе: институты, концепции, методики / В. В. Жданов // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. История. Психология. Философия: сборник материалов второй международной научной конференции. – СПб. : РХГА, 2009. – С. 5–27.
59. Жуковский, В. И. Теория изобразительного искусства / В. И. Жуковский. – СПб. : Алетейя, 2011. – 495 с.
60. Жуковский, В. И., Копцева, Н. П. Истина произведения искусства / В. И. Жуковский, Н. П. Копцева // Искусство и образование. – 2008. – № 4. – С. 5–17.
61. Жуковский, В. И., Копцева, Н. П. Пропозиции теории изобразительного искусства / В. И. Жуковский, Н. П. Копцева. – Красноярск: КрасГУ. – 2004. – 266 с.
62. Забияко, А. П. Мирча Элиаде: методология в контексте индивидуально-психологических и религиозных особенностей личности / А. П. Забияко // Религиоведение, Амурский государственный университет. – 2008. – № 1. – С.180–186.

63. Завьялова, К. В. Сказка в контексте общественной и научной жизни / К. В. Завьялова // Вестник МУ. – 2007. – № 2. – Серия 9. – С. 120–129.
64. Зайцева, О. Д. Художественно-эстетическое образование как условие формирования позитивной национальной идентичности гражданина РФ / О. Д. Зайцева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – Т. 2. – №. 4. – С. 103–110.
65. Замаараева, Ю. С. Особенности социокультурных трансформаций миграционных процессов в XX-XXI вв. : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Замаараева Юлия Сергеевна. – Великий Новгород, 2011. – 19 с.
66. Замаараева, Ю. С. Особенности этнической миграции в социально-психологическом восприятии (на материале анализа результатов эксперимента по методике «Серийные тематические ассоциации») [Электронный ресурс] / Ю. С. Замаараева // ВВ: Проблемы политики и общества. — 2014. – № 9. – С.63–82. – Режим доступа: http://enotabene.ru/pr/article_13407.html
67. Замаараева, Ю. С. Отношение мигранта и принимающей среды как феномен современной культуры Красноярского края (результаты ассоциативного эксперимента по методике «Серийные тематические ассоциации» / Ю. С. Замаараева // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2011. – Т. 4. – № 6. – С. 805–815.
68. Зверева Г. Русский Проект: Конструирование позитивной национальной идентичности в современном Российском государстве и обществе / Г. Зверева // Eurasian Review. – 2008. – Т. 1. – №.3 – С. 15–46.
69. Зинкевич-Евстигнеева, Т. Д. Мастер сказок / Т. Д. Зинкевич-Евстигнеева. – СПб. : «Речь», 2012. – 220 с.
70. Зинкевич-Евстигнеева, Т. Д. Практикум по сказкотерапии / Т. Д. Зинкевич-Евстигнеева. – СПб. : «Речь», 2000. – 310 с.

71. Зубанова Л. Б. Актуальная маргинальность или некультурный герой современной культуры (теоретические аспекты и практики художественной репрезентации) / Л. Б. Зубанова // Челябинский гуманитарий. – 2012. – № 3. – С. 75–79.
72. Зуева, Т. В. Кирдан, Б. П. Русский фольклор. Учебник для студентов и преподавателей-филологов. / Т. В. Зуева, Б. П. Кирдан. – М. : Флинта: Наука, 2002. – 400 с.
73. Иван Билибин (Альбом) / Авт.-сост. С.В. Голынец. – Ленинград: Аврора, 1988. – 227 с.
74. Иван Яковлевич Билибин (Альбом) / Автор-составитель Т. Ф. Вережникова. – Спб., 2002.
75. Иванов, В. В. Время и возвращение / В. В. Иванов // Иностранная литература. – 1989. – № 8. – С. 140–141.
76. Иванов, В. Религия Диониса / В. Иванов // Вопросы жизни. – 1905. – № 6. – С. 185–220.
77. Ильбейкина, М. И. Некоторые аспекты теории социальных ценностей [Электронный ресурс] / М. И. Ильбейкина // Социодинамика. — 2014. – № 12. – С. 78–89. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/pr/article_13901.html
78. Ильбейкина, М. И. Роль визуальной антропологии в социальном конструировании ценностей : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Мария Игоревна Ильбейкина. – Красноярск, 2013. – 21 с.
79. Ильбейкина, М. И., Копцева, Н. П. Визуальная антропология как актуальная область культурных исследований / М. И. Ильбейкина, Н. П. Копцева // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 133–55.
80. Каждан, А. П. Памяти Я. Э. Голосовкера / А. П. Каждан // Логика мифа. – М. ; Спб. : Центр гуманитарных инициатив, 2010 – с. 451–454.
81. Кербелите, Б. К секретам строения сказки / Б. Кербелите // Живая старина. – 1995. – № 3. – С. 25–26.

82. Кирдан, Б. П. А. Н. Афанасьев – фольклорист, гражданин, демократ / Б. П. Кирдан // А. Н. Афанасьев. Древо жизни. Избранные статьи. – М. : Современник, 1982. – С. 5–20.
83. Кириленко, Е. И. Р. Барт и М. Элиаде: два опыта истолкования мифа / Е. И. Кириленко // Вестник Томского государственного университета. – 2007 – № 297. – С. 66–70.
84. Кирко, В. И., Копцева, Н. П. Этнические характеристики и их аналитика в современных культурных исследованиях / В. И. Кирко, Н. П. Копцева // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3. – С. 792.
85. Кистова, А. В. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичностей на основе этнографического подхода в социальной философии : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Кистова Анастасия Викторовна. – Красноярск, 2013. – 22 с.
86. Кистова, А. В. Формирование коммуникативного (интерпретативного) этнографического метода в современном социальном познании [Электронный ресурс] / А. В. Кистова // NB: Проблемы политики и общества. — 2014. – № 11. – С. 62–72. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/pr/article_13527.html
87. Кистова, А. В., Григорьева, Т. Ю. Изучение памятников древнерусского искусства как источник изучения русских национальных традиций (трактат Ивана Михайловича Снегирева «Памятники московской древности» (1842-45)) / А. В. Кистова, Т. Ю. Григорьева // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5. – С. 596.
88. Кольев, А. Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции / А. Н. Кольев. – М. : Логос, 2005. – 800 с.
89. Конрад, Н. И. Академик Н. И. Конрад о труде Я. Э. Голосовкера / Н. И. Конрад // Избранное. Логика мифа. – М. ; Спб. : Центр гуманитарных инициатив, 2010 – с. 455 – 459.
90. Копцева, Н. П. К вопросу о способах репрезентации идейного пространства Ренессанса в Vita Nuova Данте Алигьери [Электронный

ресурс] / Н. П. Копцева // *Litera*. — 2014. — № 2. — С.66 – 77. — Режим доступа: http://e-notabene.ru/fil/article_13261.html

91. Копцева, Н. П. Специфика польского сюрреализма в изобразительном искусстве на материале анализа художественного творчества Збигнева Бексински / Н. П. Копцева // *Современные проблемы науки и образования*. – 2014. – № 5. – С. 823.
92. Копцева, Н. П., Кистова, А. В. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичности как философская проблема / Н. П. Копцева, А. В. Кистова // *Философия и культура*. – 2015. – № 1. – С. 12 – 19.
93. Копцева, Н. П., Лобакова Н. М. Формирование российской культурной идентичности в образовательной деятельности современного университета посредством изучения истории русского изобразительного искусства / Н. П. Копцева, Н. М. Лобакова // *Педагогика искусства*. – 2012. – № 4. – С. 7–29.
94. Копцева, Н. П., Резникова, К. В.. К вопросу о культурно-психологических факторах национальной безопасности. Результаты ассоциативного эксперимента с ассоциатом «современная война» (на материале исследований в студенческих группах Сибирского федерального университета) / Н. П. Копцева, К. В. Резникова // *Национальная безопасность*, NB. – 2014. – № 5. – С. 791–815.
95. Копцева, Н. П., Резникова К. В.. Философские основания художественного творчества Альбера-Шарля Лебура («руанская школа» французского импрессионизма) / Н. П. Копцева, К. В. Резникова // *Филология: научные исследования*. – 2014. – № 1. – С. 77–92.
96. Копцева, Н. П. Середкина, Н. Н. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе / Н. П. Копцева, Н. Н. Середкина. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2013. – 184 с.
97. Корбен, А. История исламской философии / А. Корбен. – М. : Прогресс – Традиция, 2010. – 359 с.

98. Корбен, А. Мир Воображения [Электронный ресурс] / А. Корбен // Дельфис. – 2013. – № 73. – С. 90–97. – Режим доступа: <http://www.delphis.ru/journal/article/mir-voobrazheniya>
99. Корбен, А. Световой человек в иранском суфизме / А. Корбен. – М. : «Фонд исследований исламской культуры», 2009. – 237 с.
100. Корниенко, Е. Р. Об опыте лингвокультурологического исследования русской народной сказки / Е. Р. Корниенко // Вестник МГУ. – 2005. – №4. – Сер. 19. – С. 148–154.
101. Корнильев, В. В. Смысл и значение образа Кощея Бессмертного с психоаналитической точки зрения / В. В. Корнильев // ВВ: Психология и психотехника. – 2013. – № 4. – С. 52–121.
102. Картунов, С. В. Национальная идентичность: Постижение смысла / С. В. Картунов // Качество. Инновации. Образование. – 2014. – № 3. – С. 55–61.
103. Кузнецова, Т. В. Россия в мировом культурно-историческом контексте: парадигма народности / Т. В. Кузнецова. – М. : Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999. – 152 с.
104. Куропятник А. И. Мультикультурализм, нация, идентичность (перспективы мультикультурного развития России) / А. И. Куропятник // Глобализация и культура: аналитический подход. – 2003. – С. 126–150.
105. Кэмпбелл, Дж. Мифический образ / Дж. Кэмпбелл. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. – 683 с.
106. Кэмпбелл, Дж. Мифы, в которых нам жить / Дж. Кэмпбелл. – София, 2002. – 252 с.
107. Лобакова Н. М. Модификации гендерных образов в российской культуре конца XIX – начала XXI веков: дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Лобакова Наталья Михайловна. – Красноярск, 2011. – 155 с.
108. Лобакова, Н. М. Модификации гендерных образов в российской культуре конца XIX – начала XXI вв. : автореф. дис. ... канд. филос. наук

: 24.00.01 / Лобакова Наталья Михайловна – Великий Новгород, 2011. – 19 с.

109. Лобакова, Н. М. Формирование позитивной этнической идентичности индигенных народов посредством декоративно-прикладного искусства (резьба по кости) / Н. М. Лобакова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1. – С. 1889.
110. Лобакова, Н. М. Социально-психологические особенности формирования гендерных образов в среде российского студенчества (результаты ассоциативного эксперимента) [Электронный ресурс] / Н. М. Лобакова // ВВ: Проблемы политики и общества. — 2014. – № 10. – С.101–134. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/pr/article_13435.html
111. Лобакова, Н. М., Копцева, Н. П. Формирование российской культурной идентичности в образовательной деятельности современного университета посредством изучения истории русского изобразительного искусства / Н. М. Лобакова, Н. П. Копцева // Педагогика искусства. – 2012. – № 4. – С. 7–29.
112. Лузан, В. С. К проблеме концептуальных оснований культурной политики [Электронный ресурс] / В. С. Лузан // ВВ: Проблемы политики и общества. — 2014. – № 10. – С. 135–158. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/pr/article_13420.html
113. Лукина А. В. Технологии производства и утверждения национальной идентичности / А. В. Лукина // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. – М. : Изд-во Института социологии РАН. – 2006. – С. 233–252.
114. Малыгина, И. В. Национализм как форма культурной идентичности и его российская специфика / И. В. Малыгина // Общественные науки и современность. – 2004. – № 1. – С. 147–153.
115. Мартынова, А. Н. Владимир Яковлевич Пропп: жизненный путь, научная деятельность / А. Н. Мартынова. – Спб. : Дмитрий Буланин, 2006. – 265 с.

116. Марченко, Ю. Г. Народная традиционная культура и проблемы русской национальной идентичности / Ю. Г. Марченко // ИНТЕРЭКСПО ГЕО-СИБИРЬ. – 2010. – Т. 6. – С. 1–6.
117. Медведева, О. А. Иллюзия: пещерная жизнь или бегство от реальности. Символизм Платона и фантастический реализм Мирчи Элиаде // Вестник русской христианской гуманитарной академии. – 2010. – Т. 11. – № 4. – С. 68–73.
118. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М. : Наука, 2000. – 407 с.
119. Мелетинский, Е. М. Структурно-типологическое изучение сказки / Е. М. Мелетинский // Структура волшебной сказки. – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. – С. 163–198.
120. Мельникова, Л. В. Российская культурная идентичность в философской мысли XIX века / Л. В. Мельникова // Современные исследования социальных проблем. – 2010. – № 4.1 (04). – С. 683–689.
121. Михайлов, В. В. К проблеме становления русской философии / В. В. Михайлов // Ученые записки Таврического национального университета им. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». – 2012. – № 1–2. – Том 24 (65). – С. 83–93.
122. Михельсон, О. К. Концепция небесного паттерна М. Элиаде и его трактовка представлений о смерти и загробном мире / О. К. Михельсон // Образ рая: от мифа к утопии. – Спб., 2003. – С. 95 – 99
123. Мусаев, И. М. Современные подходы к изучению национализма / И. М. Мусаев // Человек, Общество, Управление. – 2006. – № 1. – С. 36 – 49.
124. Мухина, Г. А. Русские критики XIX века о русской идентичности / Г. А. Мухина // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2015. – №2 (6). – С. 92 – 110.
125. Надель-Червинская, М. Семантика грибов в языке фольклора: картина мира и метазнаки народной эротики [Электронный ресурс] / М. Надель-Червинская // Режим доступа: <http://filologija.vukhf.lt/2-7/nadel.htm>

126. Неизвестный В. Я. Проп. «Древо жизни. Дневник старости. Переписка» / Предисл., сост. А. Н. Мартыновой. – СПб. : Алетейя, 2002. – 480 с.
127. Нейрн, Т. От гражданского общества к гражданскому национализму: Эволюции мифа / Т. Нейрн // Философско-литературный журнал Логос. – 2007. – № 1(58). – С. 14–33.
128. Неклюдов, С. Ю. В. Я. Проп и «морфология сказки» / С. Ю. Неклюдов // Живая старина. – 1995. – № 3. – С. 29–30.
129. Носачев, П. Г. Западный эзотеризм как сфера религиозных исследований / П. Г. Носачев // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. – 2013. – № 47 (3). – С. 127–135.
130. Носачев, П. Г. «Отреченное знание»: изучение маргинальной религиозности в XX и начале XXI века: Историко-аналитическое исследование / П. Г. Носачев. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2015. — 336 с.
131. Олейникова, Ю. В. Культурные репрезентации в структуре этнической идентификации : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 / Олейникова Юлия Владимировна. – М, 2008. – 243 с.
132. Ольшанский, Д. The birth of structuralism from the analysis of fairy-tales [Электронный ресурс] / Д. Ольшанский // Toronto Slavic Quarterly. – 2008. – Т. 25. – Режим доступа: <http://sites.utoronto.ca/tsq/25/Olshansky25.shtml>
133. Павлютенкова, И. В. Сказка: философско-культурологический анализ : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Павлютенкова Ирина Валентиновна. – Ростов н/Д, 2003. – 135 с.
134. Панов, П. В. Национальная идентичность, варианты социального конструирования картины мира / П. В. Панов // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции. – М. : ИМЭМО РАН. – 2011. – С. 47–50.

135. Пантин, В. И. Особенности и противоречия формирования национально-цивилизационной идентичности в России / В. И. Пантин // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции. – М. : ИМЭМО РАН. – 2011. – С. 154–156.
136. Пахомов, С. В. Мистическая трансформация времени и пространства в художественных произведениях Мирчи Элиаде / С. В. Пахомова // Arbor Mundi (Мировое древо). – 2011. – № 18. – С. 25–37.
137. Петрова, Е. Е. Структурно-семантические и прагматические особенности формульных композиционных средств (на материале британских и русских народных сказок) / Е. Е. Петрова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 1–3 (32) – С. 63–64.
138. Пименова, Н. Н. Этническая ситуация Красноярского края: роль культурного наследия коренных малочисленных народов / Н. Н. Пименова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. – С. 596.
139. Плахова, О. А. Роль фольклорного материала в реконструкции этнической картины мира / О. А. Плахова // Актуальные проблемы лингвистического образования: теоретический и методологический аспекты: Сборник материалов международной научно-практической конференции (Самара, 25 – 26 ноября 2004 г.). – Самара : Самарская гуманитарная академия. – 2005. – С. 212–214.
140. Полонский, А. В. Русский язык между «лесом» и «степью» / А. В. Полонский // Вестник Евразии. – 2006. – № 1. – С. 44–52.
141. Померанцева, Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре / Э. В. Померанцева. – М. : «Наука», 1975. – 194 с.
142. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М. : «Лабиринт», 2000. — 336 с.
143. Пухова, Т. Ф. Поэт славянской старины. К 175- летию со дня рождения / Т. Ф. Пухова // «Подъем». – 2001. – № 8 – С. 207–233.

144. Разинов, Ю. А. Образы служения истине: хранители и копатели / Ю. А. Разинов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. – 2011. – № 1. – С. 3–17.
145. Разумовская, В. А. Симметрия художественных текстов и переводов / В. А. Разумовская // Язык и культура. – 2010. – № 4. – С. 30–43.
146. Рафаева, А. В. От «морфологии сказки» к морфологии повествования / А. В. Рафаева // Живая старина. – 1995. – №3. – С. 31–32.
147. Рафаева А. В., Рахимова Э., Архипова А. С. Еще раз о структурно-семиотическом изучении сказки // Структура волшебной сказки. Традиция – текст – фольклор. – 2001. – С. 199–225.
148. Рашковский, Е. Б., Сиверцев, М. А. Проблема «культурной имажинации» в трудах Я. Э. Голосовкера / Е. Б. Рашковский // Избранное. Логика мифа. – М. ; Спб. : Центр гуманитарных инициатив, 2010 – с. 460–472.
149. Ревуненкова, Е. В. Проблемы шаманизма в трудах М. Элиаде / Е. В. Ревуненкова // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979. – С. 241–258.
150. Резникова, К. В. «Снежная королева» как художественная интерпретация северного мифа «Хроника Ура Ланда» / К. В. Резникова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – С. 824.
151. Резникова, К. В. Социальное конструирование общенациональной идентичности в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Резникова Ксения Вячеславовна. – Красноярск, 2012. – 19 с.
152. Рид, Г. Динамика искусства [Электронный ресурс] / Г. Рид // Режим доступа: <http://castalia.ru/eranos-perevody/1496-gerbert-rid-dinamika-iskusstva-1952.html>
153. Рогачевская, М. С. «To hell with culture!» («К чертям культуру!»): культурные альтернативы Герберта Рида [Электронный ресурс] / М. С. Рогачевская // Универсальное и национальное в культуре : сборник науч.

- статей. – 2012. – Режим доступа:
<http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/24378/1/210-220.pdf>
154. Русские народные сказки А. Н. Афанасьева. / Отв. ред. Э. В. Померанцева, К. В. Чистов. – М. : Наука, 1984. – 1 т. – 131 с.
155. Семёнов, О. Иван Билибин: Рассказ о художнике-сказочнике / О. Семенов. – М. : Детская литература, 1996. – 87 с.
156. Семёнова, А. А. Методологические возможности теории культуры для анализа модификации древнерусского концепта «государство» в российской культуре XXI века : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Александра Александровна Семенова. – Красноярск, 2009. – 190 с.
157. Середкина, Н. Н. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Наталья Николаевна Середкина. – Красноярск, 2013. – 25 с.
158. Середкина, Н. Н. Православные образы в художественной этнокультуре современной Сибири / Н. Н. Середкина // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 3. – С. 417.
159. Середкина, Н. Н. Этническая картина мира в контексте современных социальных исследований [Электронный ресурс] / Н. Н. Середкина // ВВ: Проблемы политики и общества. – 2014. – № 10. – С.26–59. Режим доступа: http://e-notabene.ru/pr/article_13441.html
160. Сертакова, Е. А. Визуализация образа города и облика горожан в часовне Параскевы Пятницы в Красноярске [Электронный ресурс] / Е. А. Сертакова // Урбанистика. — 2014. – № 2. – С.50–64. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/urb/article_13271.html
161. Сертакова, Е. А. Концептуальные представления о городе в Древней Руси (на материале анализа древнерусской книжкой миниатюры) / Е. А. Сертакова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. – С. 599.

162. Сертакова, Е. А. Концепт «город» в русской культуре [Электронный ресурс] / Е. А. Сертакова // NB: Культуры и искусства. — 2014. — № 2. — С.97–126. — Режим доступа: http://e-notabene.ru/ca/article_12044.html
163. Сертакова, Е. А. Социальный конструктивизм как концепция конструирования этноса / Е. А. Сертакова // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 6. — С. 999.
164. Сертакова, Е. А., Герасимова, А. А. Образ города Красноярска в ксилографии и проблема региональной идентичности [Электронный ресурс] / Е. А. Сертакова // Урбанистика. — 2015. — № 2. — С.89–99. — Режим доступа: http://e-notabene.ru/urb/article_16355.html
165. Сертакова, Е. А., Замараева, Ю. С., Ситникова, А. А. Социологическое исследование культурных потребностей жителей города Красноярска [Электронный ресурс] / Е. А. Сертакова, Ю. С. Замараева, А. А. Ситникова // Урбанистика. — 2015. — № 3. — С.16–42. — Режим доступа: http://e-notabene.ru/urb/article_16495.html
166. Силин, В. В. Диалогизм и интертекстуальность / В. В. Силин // Культура народов Причерноморья. — 2001. — № 23. — С. 120–130.
167. Ситникова, А. А. Концепт «север» в творчестве Рокуэлла Кента [Электронный ресурс] / А. А. Ситникова // NB: Культуры и искусства. — 2014. — № 2. — С.1–27. — Режим доступа: http://e-notabene.ru/ca/article_11550.html
168. Синеокая, Ю. В. Три образа Ницше в русской культуре / Ю. В. Синеокая. — М., 2008. — 197 с.
169. Смирнова, А. Г., Киселев, И. Ю. Идентичность в меняющемся мире: учеб. пособие / Науч. ред. проф. В. Е. Семенов. — Ярославль : ЯГУ, 2002. — 300 с.
170. Смит, Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит. — М. : Праксис, 2004. — 464 с.
171. Сойчикова, М. В. Концептуальная интерпретация и философская рефлексия природы мифа в рамках теории «имагинативного абсолюта»

- Я. Э. Голосовкера / М. В. Собоичикова // Известия Томского политехнического университета. – 2013. – № 6 – Т. 323. – с. 163–167.
172. Социальная (культурная) антропология: учебное пособие / Н. А. Бахова, Ю. С. Замараева; отв. ред. Н. П. Копцева – Красноярск : СФУ, 2011. – 239 с.
173. Степанов Ю. С. Пространство и миры – новый, «воображаемый», «ментальный» и прочие / Ю. С. Степанов // Философия языка: в границах и вне границ. Международная серия монографий. – 1994. – Т. 2. – С. 11.
174. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. – М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. – 320 с.
175. Теория и практика прикладных культурных исследований: региональный проект: коллективная монография / Под ред. Н. П. Копцевой. – СПб. : Эйдос, 2013. – 224 с.
176. Тишков, В. А. Национальная идентичность и духовно-культурные ценности российского народа / В. А. Тишков. – СПб. : СПбГУП. – 2010. – 36 с.
177. Ткач, Р. М. Самораскрытие женщины с помощью волшебной сказки «Василиса Прекрасная» / Р. М. Ткач. – СПб. : Речь. – 2010. – 63 с.
178. Топорков, А. Л. Творческий путь А.Н. Афанасьева и «Поэтические воззрения славян на природу» / А. Л. Топорков // Происхождение мифа. М., 1996. – С. 409 – 471.
179. Топорков, А. Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX в. / А. Л. Топорков. – М., 1997. – 456 с.
180. Топоров, В. Н. Функция, мотив, реконструкция (несколько замечаний к «Морфологии сказки» В. Я. Проппа) / В. Н. Топоров // Исследования по славянскому языку и народной культуре – 1997. – № 2. – С. 120–141.
181. Трубецкой, Е. Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке / Е. Н. Трубецкой // Литературная учеба. – 1990. – № 2. – С. 100–118.

182. Трубецкой, Е. Н. Старый и новый национальный мессионизм / Е. Н. Трубецкой // Русская идея. – М. – 1992. – С. 254.
183. Уорнер, Э. Э. Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика / Э. Э. Уорнер. – Спб. : Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 144 с.
184. Уорнер, Э. Несколько замечаний о переводах «Морфологии сказки» В. Я. Проппа на английский язык / Э. Уорнер // Живая старина. – 1995. – №3. – С. 23–24.
185. Успенский, Б. А. «Заветные сказки» А. Н. Афанасьева / Б. А. Успенский. Избранные труды: в 2 т. – М. – 1994. – С. 129–150.
186. Фишман, Дж. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни / Дж. Фишман // Логос. – 2005. – № 4 (49) – С. 132–140.
187. Франц, М.-Л. фон. Алхимическое активное воображение [Электронный ресурс] / М.-Л. фон Франц // Режим доступа: <http://castalia.ru/posledovateli-yunga-perevody/1147-mariya-luiza-fon-frants-alhimicheskoe-aktivnoe-voobrazhenie-glava-1-istoriya-alhimii-ekstravertnyiy-i-introvertnyiy-podhodyi.html>
188. Франц, М.-Л. фон. Алхимия. Введение в символизм и психологию [Электронный ресурс] / М.-Л. фон Франц // Режим доступа: <http://fb2.booksgid.com/content/80/mariya-luiza-franc-alhimiya-vvedenie-v-simvolizm-i-psihologiyu/1.html>
189. Франц, М.-Л. фон. Избавление от колдовства в волшебных сказках [Электронный ресурс] / М.-Л. фон Франц // Режим доступа: <http://fb2.booksgid.com/content/08/mariya-luiza-franc-izbavlenie-ot-koldovstva-v-volshebnyh-skazkah/1.html>
190. Франц, М.-Л. фон. Кошка. Сказка об освобождении феминности / Пер. с англ. В. Мершавки. – М. : «Класс», 2007. – 144 с.
191. Франц, М.-Л. фон. Психология сказки. Толкование волшебных сказок [Электронный ресурс] / М.-Л. фон Франц // Режим доступа:

<http://fb2.booksgid.com/content/17/mariya-luiza-franc-psihologiya-skazki-tolkovanie-volshebnyh-skazok/1.html>

192. Франц, М.-Л. фон. Фемининность в волшебных сказках / Пер. с англ. В. Мершавки. – М. : «Класс», 2010 – 256 с.
193. Франц, М.-Л. фон. Феномены Тени и зла в волшебных сказках / Пер. с англ. В. Мершавки. – М. : «Класс», 2010. – 354 с.
194. Харламова, Д. В. Мотив апельсинового дерева как часть «мифа об Италии» в произведениях Стендаля [Электронный ресурс] / Д. В. Харламова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2012. – № 1. – С. 41–45.
195. Хечтер, М. Внутренний колониализм / М. Хечтер // Этнос и политика: хрестоматия. – М. : Издательство УРАО, 2000. – С. 202–210.
196. Холодковский, К. Г. Российская идентичность – колеблющаяся идентичность / К. Г. Холодковский // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции. – М. : ИМЭМО РАН. – 2011. – С. 151–153.
197. Холявко, Е. И. К проблеме генезиса мифонима Кощей / Е. И. Холявко // Актуальные вопросы славянской ономастики: Материалы II Международной научной конференции «Славянская ономастика в ареальном, этимологическом и хронологическом аспектах. – Гомель. – 2004. – С. 205–216.
198. Царёва, Н. А. Теургическая идея русского символизма и постмодернистская концепция деконструкции о преобразовании мира и человека / Н. А. Царёва // Вестник Томского гос. уни-та. – 2009. – № 320. – С. 65–68.
199. Цийль, В. Актуальна ли сегодня «структурная модель» волшебной сказки В. Я. Проппа / В. Цийль // Живая старина. – 1995. – № 3. – С. 27 – 28.

200. Чернышов, А. В. Архетипы древности в русской культурной традиции / А. В. Чернышов // Вестник нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 1. – С. 349–356.
201. Шеллинг, Ф. В. Й. Сочинения: в 2 т. / Сост., ред. А. В. Гулыга. – М. : Мысль, 1989. – 2т. – 636 с.
202. Шеллинг, Ф. В. Й. Философия искусства / Ф. В. Й. Шеллинг. – М. : Мысль, 1966. – 486 с.
203. Шмидт, С. О. О Я. Э. Голосовкере / С. О. Шмидт // Избранное. Логика мифа. – М. ; Спб. : Центр гуманитарных инициатив, 2010 – С. 473–481.
204. Штенберг, А. С. Герои русских народных сказок: кто они и почему ведут себя так, а не иначе? / А. С. Штенберг // Пространство и Время. – 2011. № 4. – С. 218–229.
205. Щедрина, О. В. Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? / О. В. Щедрина // Социологические исследования. – 2004. – № 11. – С. 67–74.
206. Элиаде, М. Миф о вечном возвращении / М. Элиаде. – М. : Ладомир, 2000. – 414 с.
207. Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде. – М. : Академический проект, 2010. – 256 с.
208. Эшотс, Я. Предисловие / Я. Эшотс // Световой человек в иранском суфизме. – М., 2009. – 237 с.
209. Южакова, Е. В. В нем жили, себя не нашедшие: Врубель, Сарьян или Водкин: В. В. Владимиров в контексте русского искусства первой трети XX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (133). – 2014.
210. Alter, P. Nationalism / P.Alter. – London : Edward Arnold, 1994. – 140 p.
211. Armstrong, J. Nations before Nationalism / J. Armstrong. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1982. – 411 p.
212. Bakhova, N. A., Koptseva, N. P., Zamaraeva, J. S. Socio-Cultural Study of Leisure Needs and Preferences of People with Disabilities Living in the City

- of Krasnoyarsk / N. A. Bakhova, N. P. Koptseva, J. S. Zamaraeva // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences – 2012. – №5 – P. 307–323.
213. Bassin, M. Classical Eurasianism and the geopolitics of Russian identity / M. Basin // *Ab imperio*. – 2003. – Vol. 2. – P. 257–267.
214. Bazikyan, S. A. Sociocultural Models for Interpretation of C.G. Jung Archetypes in Advertising Industry / S. A. Bazikyan // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 2 (2013 6). – p. 235 – 246.
215. Berger, A. Cultural hermeneutics: The concept of imagination in the phenomenological approaches of Henry Corbin and Mircea Eliade [Электронный ресурс] / A/ Berger // Режим доступа: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/1202584?uid=3738936&uid=2&uid=4&sid=21105033866103>
216. Bhabha, H. K. Nation and narration / H. K. Bhabha. – London and New York : Routledge, 2013. – 352 p.
217. Blagosklonny, M. V. Koschei the immortal and anti-aging drugs / M. V. Blagosklonny // *Cell death and disease*. – 2014. – Vol. 5. – №. 12. – P. 1552.
218. Bowlt, J. E. The silver age, Russian art of the early twentieth century and the «World of art» group / J. E. Bowlt // *Oriental research partners*, 1979.
219. Braga, C. «Imagination», «imaginaire», «imaginal»: Three concepts for defining creative fantasy // *Journal of the Study of Religions and Ideologies*. – 2007. – Vol. 6. – № 16. – P. 59–68.
220. Bryan, S. R. Reconstructing Eliade: Making Sense of Religion / S. R. Bryan // *Religious Studies*. Albany, N. Y. : State University of New York Press . – 1997. – Т. 33. – № 03. – С. 349 – 360.
221. Campbell, J. The Mystic Vision: Papers from the Eranos Yearbooks / J. Campbell. – Princeton University Press, 1969.
222. Carrasco, D., Law, J. M. Waiting for the dawn: Mircea Eliade in perspective / D. Carrasco, J. M. Low. – University Press of Colorado, 2009. – 194 p.

223. Cheetham, T. *The world turned inside out: Henry Corbin and Islamic mysticism* / T. Cheetham. – Woodstock : Spring Journal Books, 2003. – 185 p.
224. Chiriac, H.-C. *The Interaction between Social Imaginary and Descriptive Imaginary* // ARGUMENTUM. Journal of the Seminar of Discursive Logic, Argumentation Theory and Rhetoric. – 2011. – Vol. 9. – № 2. – P. 121–128.
225. Connor, W. *Ethnonationalism: The quest for understanding* / W. Connor. – Princeton : Princeton University Press, 1994. – p. 234.
226. Dadosky, J. D. *The Structure of Religious Knowing* / J. D. Dadosky // Toronto journal of theology. – 2005. – T. 21. – № 2. – P. 321.
227. Davies B. *Marie-Louise von Franz: Her Life and Work* // Quadrant. – 1998. – T. 28. – № 2. – p. 58.
228. Duncan, P. J. S. *Contemporary Russian identity between east and west* / P. J. S. Duncan // The Historical Journal. – 2005. – Vol. 48. – № 01. – P. 277-294.
229. Durand, G. *Les structures anthropologiques de l'imaginaire* / G. Durand – Paris: Dunod, 1984. – 535 p.
230. Durand, G. *Las Estructuras Antropologicas del Imaginario: Introduction a la Arquetipologia General* / G. Durand – Fondo de cultura económica, 2004.
231. Durand, G. *Strutture antropologiche dell'immaginario. Introduzione all'archetipologia generale* / G. Durand – Edizioni Dedalo, 2009. – 144 p.
232. Eliade, M. *Symbolism, the sacred, and the arts* / M. Eliade. – N.Y. : Bloomsbury Academic, 1992. – 208 p.
233. Ellwood, R. *The Politics of Myth: A Study of C. G. Jung, Mircea Eliade, and Joseph Campbell* / R. Ellwood. – N. Y.: SUNY Press, 1999. – 207 p.
234. Feklyunina, V. *Soft power and identity: Russia, Ukraine and the 'Russian world (s)'* / V. Feklyunina // European Journal of International Relations. – 2015. – P. 1354.
235. Fishman, J. *Social theory and ethnography: neglected perspectives on language and ethnicity in Eastern Europe* / J. Fishman // Ethnic diversity and

- conflict in Eastern Europe. – Santa Barbara, Calif. : ABC – Clio. – 1980. – p. 69–99.
236. Fiske, J. Koschei the Deathless; or, the Diffusion of Fairy Tales / J. Fiske // Atlantic Monthly. – 1881. – Vol. 48. – P. 310 – 321.
237. Franklin, S., Widdis, E. National identity in Russian culture: an introduction / S. Franklin, E. Widdis. – Cambridge University Press, 2006. – 260 p.
238. Johns, A. The Image of Koshchei Bessmertnyi in East Slavic Folk Tales / A. Johns // SEEFA Journal. – 2000. – Vol. 5. – № 1.
239. Joy, M. M. Towards a philosophy of imagination: a study of Gilbert Durand and Paul Ricoeur / M. M. Joy. – Montreal : McGill University, 1981. – 420 p.
240. Hackl, H. T. Eranos: An Alternative Intellectual History of the Twentieth Century / T. H. Hackl. – Sheffield: Equinox, 2013. – 440 p.
241. Hall, J. A., Sharp, D. Marie-Louise von Franz: The Classic Jungian and The Classic Jungian Tradition / J. A. Hall, D. Sharp. – Inner City Books, Toronto, 2008.
242. Hanegraaf, W. Esotericism and the academy: rejected knowledge in western culture / W. Hanegraaf. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. – 478 p.
243. Hastings, A. The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and nationalism / A. Hastings. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – 235 p.
244. Hobsbawm, E., Ranger, T. The Invention of Tradition / E. Hobsbawm, T. Rengar. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – 320 p.
245. Hroch, M. Social preconditions of national revival in Europe: a comparative analysis of the social composition of patriotic groups among the smaller European nations / M. Hroch. – Columbia University Press, 1985. – 220 p.
246. Hutchinson, J. The dynamics of cultural nationalism: The Gaelic revival and the creation of the Irish nation state / J. Hutchinson. – Australia : Griffith University, 2012. – 352 p.

247. Kast, V., Riedel, I., Hinshaw. Obituary: Marie-Louise von Franz 1915–1998 / V. Kast, I. Riedel, R. Hinshaw // *The Journal of Analytical Psychology*. – 1998. – № 43. – P. 409 – 411.
248. Kennedy-Xypolitas, E. The fountain of the love of wisdom: An homage to Marie-Louise von Franz / E. Kennedy-Xypolitas. – Wilmette : Chiron. – 2006. – 182 p.
249. Kistova, A.V., Kushnareva, A.V. Forming All-Russian National Identity in the Process of Artistic Image Development. Analysis of the Artistic Painting by Vasily Ivanovich Surikov «Boyarynya Morozova» / A. V. Kistova, A. V. Kushnareva // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. – 2011. – № 4. – P. 1669–1683.
250. Kistova, A.V., Tamarovskaya, A.N. Architectural Space as a Factor of Regional Cultural Identity / A.V. Kistova, A.N. Tamarovskaya // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. – 2015. – № 8. – P. 735–749.
251. Kohn, H. The idea of nationalism: A study in its origins and background / H. Kohn. – New York : Collier-Macmillan, 1967. – 735 p.
252. Kolesnik, M. A. Principles of Symmetry in the Krasnoyarsk City Space and Processes of the Regional Identity / M. A. Kolesnik, M. M. Mirkes // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. – 2011. – Vol. 4 (12). – P. 1727–1742.
253. Koptseva, N. P., Kirko, V. I. Specificity of ethnogeny indigenous peoples by Central Siberia in the transition from the traditional type of society to modern society / N. P. Koptseva, V. I. Kirko // *Life Science Journal*. – 2014. – Vol. 11. – №. 7. – P. 409–413.
254. Koptseva, N. P., Reznikova, K. V. Three paintings by Albert-Charles Lebourg and philosophical foundations of Impressionism of the last third of the XIX – first third of the XX centuries / N. P. Koptseva, K. V. Reznikova // *SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences*. – 2014. – № 1. – P. 78–90.

255. Koptseva, N. P., Reznikova, K. V. Modern War as a Cultural Phenomenon. Causes of War. Results of the Associative Experiment with “Modern War” Associate (Based on Research Carried Out in the Student Groups of Siberian Federal University) / N. P. Koptseva, K. V. Reznikova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2015. – № 8. – P. 1591–1610.
256. Kujundzic, N. Flying Horses and Magic Carpets. Means of Transport in Slavic Fairy Tales for Young Readers / N. Kujundzic // Narodna umjetnost-Hrvatski casopis za etnologiju i folkloristiku. – 2012. – Vol. 49. – P. 81–94.
257. Laitin, D. D. Identity in formation: The Russian-speaking populations in the near abroad / D. D. Latinin. – Ithaca, NY : Cornell University Press, 1998.
258. Levi-Strauss, C. Structure and Form: Reflection on a Work by Vladimir Propp / Structural Anthropology. – 2008. – 352 p.
259. Libakova N. M. Specific nature and applied methodology of gender theory in cultural studies / N. M. Libakova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences – 2009. – Vol.2. – № 4. – P.580 – 586.
260. Libakova, N. M., Sertakova, E. A. Formation of Ethnic Identity of the Indigenous Peoples of the North in Arts and Crafts on the Example of Bone Carving / N. M. Libakova, E. A. Sertakova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2015. – № 4. – P. 750–768.
261. Likhacheva, A., Makarov, I., Makarova, E. Post-Soviet Russian identity and its influence on European-Russian relations / A. Likhacheva, I. Makarov, E. Makarova // European Journal of Futures Research. – 2015. – Vol. 3. – № 1. – P. 1–8.
262. Luzan, V. S. Content-Analysis of the Basic Normative Legal Documents, Providing Realization of the State Cultural Policy (Federal and Regional Aspects) / V. S. Luzan // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2011. – № 3. – P. 342–362.
263. Mansfield, V. Distinguishing Synchronicity from Parapsychological Phenomena: An Essay in Honor of Marie-Louise von Franz / V. Mansfield //

- Quadrant: The Journal of the C.G. Jung Foundation. – Vol. 28: 2 Summer. – 1998.
264. McNeill, W. H. Polyethnicity and national unity in world history. / W. H. McNeill – Toronto : University of Toronto Press, 1986. – 85 p.
265. Nevolko, N. N., Koptseva, N. P. The National Visual Art in the Process of Formation and Preservation of the Ethnic Identity of Indigenous Peoples (by the Example of Khakass Visual Art) / N. N. Nevolko, N. P. Koptseva // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2012. № 5. – P. 1179–1198.
266. Olson, C. The theology and philosophy of Eliade: a search for the centre / C. Olson. – Palgrave Macmillan, 1992. – 218 p.
267. Olson, L. Performing Russia: Folk Revival and Russian Identity / L. Olson. – Routledge, 2004.
268. Petrucijova, J. In the Trace of Human Identity / J. Petrucijova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2010. – № 4. – P. 615–624.
269. Pilinovsky, H. The Mother of All Witches: Baba Yaga and Brume in Patricia McKillip's in the Forests of Serre / H. Pilinovsky // Extrapolation. – 2005. – Vol. 46. – №. 1. – P. 36.
270. Pimenova, N. N., Marysheva, A. V. Wooden Zodchestvo of Krasnoyarsk City as the Space for Forming Territorial and Ethno-Cultural Identity / N. N. Pimenova, A. V. Marysheva // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2011. – № 4. – P.1784–1793.
271. Pioniere, Poeten, Professoren. Eranos und der Monte Verità in der Zivilisationsgeschichte des 20 / E. Barone, M. Riedl, A. Tischel. – Würzburg : Königshausen & Neumann, 2004. – 257 p.
272. Propp, V. «Introduction». Theory and History of Folklore / Ed. A/ Liberman. – University of Minnesota : University of Minnesota Press, 1984. – 251 p.

273. Rancour-Laferriere, D. Russian Nationalism from an Interdisciplinary Perspective: Imagining Russia / D. Rancour-Laferriere. – Edwin Mellen Press, 2000. – № 5.
274. Razumovskaya, V. A. Cultural Information / Memory and Aesthetic Information in Literary Translation / V. A. Razumovskaya // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2012. – № 6. – P. 839–852.
275. Razumovskaya, V. A. Sound Symmetry in Poetic Text: Types and Translation Strategies / V. A. Razumovskaya // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2010. – № 3. – P. 536–545.
276. Reznikova, K. V. «The Oera Linda Book» and «The Snow Queen»: Two Destinies of One Myth / K. V. Reznikova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2015. – № 8. – P. 156–181.
277. Samuels, A. Countertransference, the «Mundus Imaginalis» and a research project / A. Samuels // Journal of Analytical Psychology. – 1985 – P. 47–71.
278. Savelyeva, V. V. Mythological Three Coloring's Semantics and Horse Archetype in Slavic and Eurasian Traditions / V. V. Saveyeva // Middle-East Journal of Scientific Research. – 2013. – Vol. 14. – № 9. – P. 1190–1195.
279. Schools, R. Anxiety in fairy tales and the anthropological structures of psychoanalytic theories [Электронный ресурс] / R. Schools // Режим доступа: http://jung-psychanalyse.be/download/SCHOLS_contesdefee_uk.pdf
280. Semenova, A. A. The concept state in local culture of Krasnoyarsk: the results of an associative experiment based on the method Series of the thematic associations // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Science. – 2011. – Vol. 4. – № 11. – P. 1526–1542.
281. Serrano, J. The Imagined Return: Hope and Imagination among International Migrants from Rural Mexico [Электронный ресурс] / J. Serrano // Режим доступа: <http://ccis.ucsd.edu/wp-content/uploads/WP169.pdf>

282. Seredkina, N. N. Cultural and Semiotic Strategies of Constructing Indigenous Northern Ethnicity in Art (Based on the Yakut Art School) / N. N. Seredkina // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2015. – № 8. – P. 769–792.
283. Shulman, S. Ethnic and West: East Dichotomies in the Study of Nationalism / S. Shulman // Comparative Political Studies. – 2002. – Vol. 35. – N 5. – 585 p.
284. Sitnikova, A. A. The Concept of «North» in the Works by Rockwell Kent / A. A. Sitnikova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2014. – № 7. – P. 1358–1380.
285. Sitnikova, A. A. The Image of Siberia in Soviet, Post-Soviet Fiction and Werner Herzog's Documentary Films / A. A. Sitnikova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2015. – № 8. – P. 677–706.
286. Vedfelt, O. Cultivating feelings through working with dreams / O. Vedfelt // Jung Journal : Culture and Psyche. – 2009. Vol. 3, Issue 4. – P. 88–102.
287. Wasserstrom, S. M. Religion after Religion / S. M. Wasserstrom. – Princeton University Press, 1999. – 354 p.
288. Wood, J. Baba Yaga: The Wild Witch of the East in Russian Fairy Tales / J. Wood // Folklore. – 2015. – Vol. 126. – № 2. – P. 238–239.
289. Zamaraeva, Y. S. Phenomenological Description of Classical Music as an Ethnos-Forming Element of Yakut Culture / Y. S. Zamaraeva // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2015. – № 8. – P. – 707–721.
290. Zhukovskiy, V. I. Modern Theory of Visual Art: Regional Project / V. I. Zhukovskiy // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2014. – № 7. – P. – 1301–1311.
291. Zhukovsky, V. I., Pivovarov, D. V. Concept of Sacral and System of Sacralization / V. I. Zhukovskiy, D. V. Pivovarov // Journal of Siberian

Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2014. – № 7. – P. – 1216–1221.

292. Zhukovsky V.I., Pivovarov D.V. The Nature of Visual Thinking / V. I. Zhukovskiy, D.V. Pivovarov // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2008. – № 1. – P. – 149–158.
293. Zupancic, M. Hermes and Aphrodite Encounters / M. Zupancic. – Summa Publications, Inc. – 2004. – 313 p.
294. Xiberras, M. Pratique de l'imaginaire. Lecture de Gilbert Durand / M. Xiberras. – Laval: Presses de l'Université Laval. – 2002. – 178 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Рисунок А.1 – И. Я. Билибин «Кашей Бессмертный.
Иллюстрация к сказке Марья Моревна» (1901 г.)

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Рисунок Б.1 – И. Я. Билибин. «Василиса Прекрасная уходит из дома Бабы Яги. Иллюстрация к сказке «Василиса Прекрасная» (1899 г.)